

Жерар Ролан

ЭКОНОМИКА

**ПЕРЕХОДНОГО
ПЕРИОДА**

Gérard Roland

**TRANSITION
AND ECONOMICS**

Politics, Markets, and Firms

The MIT Press
Cambridge, Massachusetts
London, England

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жерар Ролан

ЭКОНОМИКА

ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Политика, рынки, фирмы

Второе издание

*Перевод с английского
под редакцией*

С.М. Гуриева и В.М. Полтеровича

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2012

УДК 338.24
ББК 65.013
Р67

Перевод с английского
Д.Е. Тетерина

ISBN 978-0262-18203-3 (alk. paper)
ISBN 978-5-7598-0990-6 (в пер.)

© 2000 Massachusetts Institute of Technology
© Перевод на рус. яз., оригинал-макет.
Институт «Экономическая школа»
ГУ ВШЭ, 2007
© Оформление 2-го изд. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Содержание

Предисловие редактора перевода	1
Глава 1. Понимание перехода к капитализму	7

Часть I. Политические ограничения и стратегия реформирования

Глава 2. Политика реформ в условиях неопределенности ..	39
Глава 3. Политические ограничения при отсутствии неопределенности	97
Глава 4. Политическая экономия массовой приватизации	123

Часть II. Структурные изменения

Глава 5. Оптимальная скорость реструктуризации экономики	155
Глава 6. Скорость и методы либерализации цен	183
Глава 7. Либерализация и падение объемов производства	217
Глава 8. Коллапс государства и экономическая эффективность	243

Часть III. Изменение принципов управления

Глава 9. Унаследованные от социализма проблемы создания стимулов и пути их решения	281
Глава 10. Сравнение различных стратегий приватизации и реструктуризации предприятий	327

Глава 11. Создание стимулов для государственных служащих	381
Глава 12. Мягкие бюджетные ограничения и переходный процесс в сфере финансов	413
Глава 13. Обобщенные уроки переходного периода	473
Литература	505
Предметный указатель	543

Предисловие редактора перевода

В начале 90-х гг. прошлого столетия закончился грандиозный социальный эксперимент, основанный на причудливой смеси идей построения справедливого общественного устройства, планового хозяйства и российской империи. За семьдесят лет была создана невиданная ранее экономическая система централизованного управления экономикой. Эта система в сочетании с беспощадной политической диктатурой позволила отсталой в технологическом отношении стране создать мощную военную машину, способную конкурировать с западным миром, выйти на лидирующие позиции в освоении космоса, установить контроль над громадными территориями и занять ведущие позиции в мировой политике. Тем не менее плановая экономика оказалась не способна решить главные из провозглашенных коммунистическими лидерами задач — обеспечить эффективность производства и справедливость распределения материальных благ. Капитализм, напротив, сумел в значительной мере преодолеть пороки рыночной стихии, создать государство всеобщего благосостояния и в конечном итоге одержать убедительную победу.

Уже в 1990 г. Польша, а затем и другие страны Восточной Европы начали радикальные реформы. После распада Советского Союза в 1991 г. к ним присоединились бывшие советские республики. В большинстве переходных экономик процессы приватизации основной части государственной собственности, либерализации цен и внешней торговли, создания банковской системы завершились в течение 5–7 лет. Столь стремительные институциональные преобразования происходили разве что после революции 1917 г. в России, но на этот раз они были еще более масштабными и по территориальному охвату, и по численности вовлеченного в них населения.

В процессе этих преобразований экономисты получили уникальные данные о трех десятках стран, решавших близкие задачи разными, но (за исключением Китая) не слишком сильно отличавшимися метода-

ми. Правительства реформирующихся стран следовали рекомендациям западных экспертов, привлекавшихся международными финансовыми организациями, а те, как казалось, использовали новейшие достижения экономической науки. Результаты применения этих рекомендаций оказались неожиданными и разочаровывающими. Практически во всех переходных экономиках реформы сопровождались дезорганизацией и глубоким спадом производства.

Не удивительно, что столь масштабными процессами заинтересовались ведущие западные экономисты. Достаточно упомянуть такие имена, как Оливье Бланшар, Рудигер Дорнбуш, Стэнли Фишер, Гуиллермо Калво, Филипп Агион, Андрей Шляйфер. В дискуссию о методах проведения реформ оказались вовлечены нобелевские лауреаты Кеннет Эрроу, Джеймс Тобин, Джозеф Стиглиц, Лоуренс Кляйн (см. Klein and Pomer, 2001).

Молодой бельгийский экономист Жерар Ролан не потерялся в этом созвездии имен. Перед многими другими он обладал важным преимуществом: не только активно работал на переднем крае современной экономической теории, но и был одним из самых квалифицированных экспертов по плановым системам. Ныне Ж. Ролан — автор многочисленных исследований по политической экономии и теории переходных экономик, фактически один из создателей этой теории. Монография, предлагаемая вниманию российского читателя, подводит итог его многолетней работе.

Основная целевая установка книги отражена уже в ее названии: автор стремится извлечь уроки для экономической науки из опыта переходных экономик и в частности понять, почему теория оказалась не в состоянии указать пути более эффективных преобразований.

Монография состоит из трех частей. Центральная тема первой части — влияние политических ограничений на рациональную стратегию реформ.

В современном обществе принятие решений о реформах представляет собой сложный политический процесс, особенности которого должны приниматься во внимание уже на стадии разработки их стратегий. Эта основополагающая идея современной политической экономии лежит в основе излагаемых моделей, позволяющих сопоставить шоковую терапию и градуализм в условиях неопределенности и рассмотреть проблему выбора оптимальной последовательности реформ. Здесь же исследуется вопрос о том, в какой мере использование той или иной схемы приватизации (например бесплатная передача собственности населению или коллективам предприятий) влияет на политическую стабильность и поддержку реформ.

Материал первой части довольно сложен, и иногда создается впечатление, что усилия, связанные с детальным изучением моделей, не оправдыва-

ют себя: полученные выводы кажутся абстрактными и слишком близкими к предпосылкам. Следует, однако, иметь в виду, что излагаемая здесь теория — одна из самых первых попыток рассмотреть важные проблемы реформирования в общем виде. Ее важность для дальнейшего развития политической экономии реформ несомненна.

Вторая часть монографии посвящена исследованию процессов межотраслевого перераспределения ресурсов в результате широкомасштабных реформ. Основные темы этой части: 1) оптимальная скорость межсекторного перераспределения ресурсов; 2) дуальная либерализация цен (метод, позволивший Китаю осуществить эффективный постепенный переход от плановой системы к рыночной); 3) дезорганизация, возникающая как следствие шоковых реформ и влекущая трансформационный спад; 4) ослабление государственной власти в переходном периоде, приводящее к росту теневой экономики и организованной преступности.

Третья часть монографии посвящена роли государства в процессах перехода к рынку. Здесь рассматривается вопрос о том, почему вмешательство государства в решения фирм может приводить к неэффективности; показано, как наличие частного сектора и даже перспектива приватизации позволяют улучшить функционирование государственных предприятий; изложена эндогенная теория мягких бюджетных ограничений; исследуются и сопоставляются различные методы приватизации.

На протяжении всей книги автор многократно возвращается к сопоставлению двух, как он полагает, основных подходов к преобразованию переходных экономик: Вашингтонскому консенсусу и эволюционно-институционалистскому подходу. В главе 13 их сравнение дается в развернутой форме. Сторонников Вашингтонского консенсуса, согласно Ролану, отличает абсолютная вера в «социальную инженерию» и отсутствие сомнений в выгодности реформ. Кроме того, они убеждены в нецелесообразности частичных реформ; по их мнению, частичные реформы блокируют дальнейшее развитие. Комплементарность различных институтов приводит к необходимости осуществлять реформы комплексно и быстро, используя «окно возможностей». Для этого необходимо ликвидировать институты плановой экономики, либерализовать и стабилизировать цены, передать предприятия в руки частных лиц. После принятия соответствующих законов следует сократить государственный аппарат и исключить государственное вмешательство в экономику; в этом случае рынок сам обеспечит ее эффективное функционирование.

Автор пишет, что сторонники альтернативного, эволюционно-институционалистского подхода подчеркивают роль неопределенности и скептически относятся к «социальной инженерии». Они полагают, что проведение частичных реформ в определенной последовательности может оказаться эффективнее всеобъемлющего реформирования, и видят цель реформы в создании «институциональных основ для развития рынков путем содействия крупномасштабному развитию предпринимательства». С их точки зрения, «необходимо обеспечить постоянно растущую поддержку реформ населением» и использовать существующие институты для предотвращения распада экономических связей и беспорядков в обществе при одновременном развитии новых общественных институтов». Они подчеркивают роль государства в обеспечении соблюдения законов и прав собственности и стремятся реформировать его так, чтобы по возможности согласовать интересы чиновников с развитием рынков. Они считают необходимым в процессе приватизации продать активы «посторонним» владельцам, с тем чтобы с самого начала обеспечить эффективную передачу прав собственности.

С некоторыми из этих тезисов можно поспорить, однако главные идеи книги представляются обоснованными и чрезвычайно важными. Излагаемая в книге теория политических ограничений убедительно демонстрирует необходимость их учета при проведении реформ. Крайне важен связанный с этим тезис о целесообразности завоевания массовой поддержки и в частности обеспечения компенсаций тем группам населения, которые могли бы проиграть в результате преобразований. Нельзя не согласиться с автором, что в центре внимания специалистов по реформам должны быть «не рынки и теория цен, а контрактные отношения и та правовая, социальная и политическая среда, в которой осуществляются эти отношения».

Монография Ж. Ролана имеет фундаментальное значение. Во-первых, это наиболее полное и глубоко профессиональное изложение теории переходных экономик. Во-вторых, это успешная попытка извлечь из опыта переходных стран уроки для общей экономической теории. В-третьих, и это, возможно, самое главное, данная монография фактически создает основу для развития нового направления в современной политической экономии — теории реформ.

Работа Ролана — совсем не легкое чтение, требующее владения разнообразным и притом самым современным экономическим инструментарием. Тем не менее некоторые ее разделы с пользой для себя прочтут не только экономисты, но и политики. Она совершенно необходима исследователям процессов реформирования, преподавателям курсов переходной экономики

и институционального анализа. Студенты старших курсов экономических специальностей, магистранты и аспиранты смогут использовать ее как уникальное учебное пособие. Очень надеюсь также, что перевод этой книги на русский язык послужит важным фактором осмысления российским обществом драматического периода отечественной истории.

В. М. Полтерович,
академик РАН

ГЛАВА 1

ПОНИМАНИЕ ПЕРЕХОДА К КАПИТАЛИЗМУ

1.1. СКУДОСТЬ НАШИХ ЗНАНИЙ ДО ПЕРЕХОДА

В своем эссе об экономической политике и политическом процессе Эвинаш Диксит (Avinash Dixit, 1996) цитирует работу Алана Блайндера «Закон Мэрфи в экономической политике» (Alan Blinder, 1987): «Наименьшее влияние на политику экономисты оказывают там, где они больше всего знают и более всего согласны друг с другом; больше всего они влияют на политику там, где они знают меньше всего и ведут между собой самые яростные споры».

Это утверждение — по крайней мере его вторая часть — представляется особенно верным в отношении экономики переходного периода. Нечасто экономические советники играли столь заметную роль в политических дебатах, как это было, начиная с 1990 г., в Центральной и Восточной Европе. К примеру, Джеффри Сакс привлек к себе внимание всего мира благодаря усиленному отстаиванию им «шокового» подхода к переходу к капитализму. Эти взгляды одобрялись частью экономистов и яростно критиковались другой их частью. Очень скоро центральным предметом споров стала скорость этого перехода. К числу сторонников шокового подхода, доказывавших необходимость одновременного и быстрого проведения всех реформ, относились Липтон и Сакс (Lipton and Sachs, 1990a), Ослунд (Aslund, 1991), Берг и Сакс (Berg and Sachs, 1992), Бойко (1992), Мэрфи, Шлейфер и Вишны (Murphy, Shleifer and Vishny, 1992), Сакс (Sachs, 1993), Фридман и Рапажински (Frydman and Rapaczynski, 1994) и Ву (Woo, 1994). Сторонниками постепенного подхода, подчеркивавшими необходимость определенной последовательности реформ, были Свейнар (Svejnar, 1989), Портес (Portes, 1990, 1991), Маккиннон (McKinnon, 1991), Ролан (Roland, 1991), Дьюатрипон и Ролан (Dewatripont and Roland, 1992a, 1992b, 1995), Макмиллан и Нофтон (McMillan and Naughton, 1992), Муррелл (Murrell, 1992), Агион и Бланшар (Aghion and Blanchard, 1994), Литвак и Квиан (Litwack and Qian, 1998) и Вей (Wei, 1993). Другие авторы делали упор на необходимость шокового подхода в некоторых аспектах и постепенного подхода в других аспектах. Такую позицию занимали Корнаи (Kornai, 1990), Бланшар с коллегами (Blanchard and colleagues, 1991) и Фишер и Гельб (Fischer and Gelb, 1991).¹ Эта рваная поляризация взглядов наряду с сопровождавшими ее спо-

¹ Многие другие экономисты по-прежнему скептически относятся к утверждениям о том, что экономическая теория должна была или должна сейчас сказать что-либо относительно перехода от социализма к капитализму.

рами по поводу стратегий перехода, несомненно, может рассматриваться как доказательство неподготовленности ученых-экономистов к решению задач, связанных с переходом от социализма к капитализму.

До падения берлинской стены не существовало никакой утвердившейся теории такого перехода. Тем не менее соотношение между числом теоретических работ и политических докладов, посвященных экономике переходного периода, оказалось на удивление небольшим. Ранняя литература, посвященная переходу, в значительной мере отличалась вербальным стилем изложения и, по существу, имела своей целью дать советы относительно стратегий перехода. Вероятно, западные советники лучше всего владели теориями, касающимися макроэкономической стабилизации. Однако существующие теории стабилизации предполагают наличие рыночной среды. Было неясно априори, как будут действовать стратегии стабилизации в среде, где первоначально отсутствуют рынки. Что более важно, большинство экономистов согласится с тем, что стабилизация представляет собой лишь один из аспектов перехода. Другие очень важные аспекты связаны с необходимыми крупномасштабными институциональными изменениями: созданием и развитием рынков, включая финансовые рынки, введением и осуществлением прав собственности и другими юридическими и политическими изменениями, проводимыми наряду с приватизацией и реструктуризацией предприятий. Сложность переходного процесса заключается в том, что все эти взаимодополняющие изменения необходимо осуществить, не создавая при этом слишком большого числа экономических потрясений, поскольку экономика должна продолжать функционировать и нужно по-прежнему удовлетворять разнообразные потребности населения.² Еще более усложняет задачу то, что в силу масштаба перемен, связанных с переходом, в ходе процесса реформирования необходимо постоянно сохранять политическую поддержку, с тем чтобы избежать смены политического курса на противоположный.

Не существовало уже сложившихся теорий относительно некоторых из наиболее важных аспектов переходного процесса, например:

– Влияние различных методов либерализации на перераспределение ресурсов между секторами и общие показатели производства в социалистической экономике, где изначально не существовало рынков или рыночных структур, не говоря уже о рынках капитала и труда.

– Как ужесточить бюджетные ограничения и добиться эффективной реструктуризации на существующих предприятиях.

– Влияние политических ограничений на общие стратегии реформирования и стратегии конкретных реформ.

– Как приватизировать социалистические предприятия.

² Эту задачу можно было бы уподобить необходимости заменить двигатели самолета, не прерывая его полета!

И хотя практика доказала, что государственные фирмы, как правило, функционируют хуже, чем частные фирмы, не существовало ни одной хорошей теории, объяснявшей это различие в эффективности частных и государственных фирм.

1.2. СЮРПРИЗЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

До перехода теоретические знания относительно способов осуществления изменений, перечисленных в предыдущем разделе, были скудными. Более того, до 1989 г. единственным значительным опытом в этой области был опыт Китая, где политические и экономические условия сильно отличались от условий, существовавших в Европе. Такие страны, как Венгрия, Югославия и Польша обладали лишь ограниченным опытом частичного реформирования в рамках социалистической системы. Почти во всех случаях скудость начальных знаний о переходном процессе привела к сюрпризам.

Экономисты не ожидали того резкого падения объемов производства, которое наблюдалось после либерализации и стабилизации цен. Как отметил Корнаи (Kornai, 1993), большинство экономистов, размышлявших о переходе к капитализму до 1989 г., не прогнозировали падения объемов производства. Многие экономисты ожидали, что предложение будет вяло реагировать на либерализацию цен. Многие другие ожидали умеренного снижения темпов роста экономики, «трансформационного спада», по выражению Корнаи, в связи с переходом от экономики дефицита, для которой характерен всеобщий избыточный спрос на большинстве рынков, к рыночной экономике, в которой преобладают не рынки продавцов, а рынки покупателей (избыточное предложение). Наблюдавшееся снижение объемов производства, характеризовавшееся двузначными цифрами, оказалось достаточно неожиданным.

Более того, в то время как большинство стран Центральной Европы восстанавливали значительно сократившиеся объемы производства, в большинстве стран бывшего СССР, включая Россию, переход к капитализму привел к полному обвалу производства, который имеет все признаки крупнейшего отрицательного перманентного производственного шока.

Результаты политики приватизации также оказались для многих неожиданными. Как правило, приватизация бывших ГП принесла выгоду по большей части «инсайдерам» — т. е. менеджерам, а иногда и работникам, работавшим в фирме до начала перехода. Многие экономисты — если не большинство из них — ожидали, что более значительную роль будут играть «аутсайдеры» (иностранные инвесторы и новые частные предприниматели). Действительно, навыки социалистических менеджеров не обязательно совпадают с теми навыками, которыми обладают менеджеры капиталистических предприятий. Социалистическим менеджерам приходилось учиться преодолевать трудности

экономики дефицита и договариваться с плановыми органами. В условиях избыточного спроса и плановых поставок продукции им никогда не приходилось особо беспокоиться по поводу сбыта своей продукции и конкуренции со стороны других фирм, предлагающих аналогичные продукты. Кроме того, в плановой экономике отсутствовал рынок управленческого труда, а распределение менеджеров между отдельными фирмами не обязательно определялось соображениями эффективности производства. Одна из целей приватизации заключалась как раз в том, чтобы добиться лучшего распределения менеджеров между различными активами. Тот факт, что инсайдеры извлекли значительную выгоду из приватизации, вызывает подозрения в отношении эффективности некоторых стратегий приватизации — в особенности стратегий массовой приватизации. И действительно, как мы увидим далее, многочисленные исследования, как правило, свидетельствуют о том, что приватизированные фирмы — в особенности те из них, которые были приватизированы инсайдерами, — работают не лучше, чем неприватизированные ГП. В связи с этими фактами встает вопрос о том, почему инсайдеры смогли извлечь такую большую выгоду из приватизации — в особенности в России.

Однако имели место и приятные сюрпризы, касавшиеся реструктуризации внутри ГП. Многие экономисты отстаивали необходимость быстрой приватизации любой ценой — т. е. за счет эффективности, — опасаясь, что альтернативные варианты — отсутствие приватизации или медленная приватизация — принесут намного худшие результаты. Они опасались, что руководители ГП, очутившись в «ситуации конца игры», начнут распылять активы ГП выгодным для них лично образом, что приведет к неэффективной растрате производственных активов. Во многих странах приватизация шла гораздо медленнее, чем ожидалось. Наилучшим примером в этом отношении является Польша. Тем не менее апокалиптические предсказания по поводу последствий медленной приватизации не оправдались. С самого начала переходного процесса стали появляться свидетельства, указывавшие на то, что ГП реструктурируются. В работе, опубликованной в сборнике «Институт Брукингса — материалы по экономической активности» в 1993 г., Марек Белка, Стефан Краевски и Брайан Пинто привели доказательства реструктуризации ГП в Польше. В то же время приватизация, по-видимому, не предотвращала распыление активов. Спустя несколько лет после проведения массовой приватизации появляется все больше свидетельств, указывающих на растаскивание активов, приватизированных при помощи ваучеров в Чехии (Weiss and Nikitin, 1998) и в ходе массовой приватизации в России (Black, Kraakman and Tarassova, 1999). Это крупномасштабное сокращение активов указывает на отсутствие адекватной правовой структуры — главным образом на необеспеченность соблюдения законов — и на развал правительственной власти.

Данное наблюдение приводит нас к еще одному сюрпризу переходного периода: впечатляющему росту организованной преступности — и в особенности

феномена так называемой «мафии» в России. На руинах коммунистической власти с изумляющей скоростью начинают складываться организованные преступные группировки, специализирующиеся на рэкете, проституции, контрабанде наркотиков и «трофеев» из ядерного арсенала бывшего СССР и тому подобных занятиях. Российская мафия приобрела такое значение, что ФБР, Интерпол и другие международные правоохранительные агентства начали отслеживать этот феномен исходя из того, что он очевидным образом распространяется за пределы России. Эта организованная преступность стала неприятным сюрпризом для экономистов, прогнозировавших ранее формирование частного предпринимательства. Очевидно, что феномен мафии оказывает негативное влияние на развитие частного сектора из-за рэкета, жертвами которого становятся частные предприятия, из-за неопределенности, связанной с мафиозными «войнами», отсутствия власти закона и общего развала государственной власти, на смену которой приходят коррупция и воровство.

Еще одним крупным сюрпризом стал распад стран. В начале переходного периода распалась Югославия, за которой вскоре последовали СССР и Чехословакия. Задним числом было предложено немало объяснений, указывавших на неизбежности таких распадов, но до того, как они произошли, мало кто из наблюдателей прогнозировал столь многочисленные и быстрые разделы стран.

Немаловажным сюрпризом для многих наблюдателей стал и «откат назад» в настроениях электората. Спустя несколько лет после отстранения от власти коммунистов в результате демократических революций 1989 г. бывшие коммунисты вернулись к власти, победив на выборах, в Литве (1992), Польше (1993), Венгрии (1994), Болгарии (1994) и Латвии (1994). В России Коммунистическая партия в 1995 г. получила 22% голосов избирателей, что обеспечило ей доминирующее положение в Думе — российском парламенте. В странах — кандидатах на вступление в ЕС³, например в Польше и Венгрии, коммунисты ранее трансформировались в социал-демократов европейского образца, как это сделали за много лет до того итальянские коммунисты, однако в России этого, несомненно, не произошло. Распад Чехословакии сам по себе может рассматриваться как некая форма политического отступления, поскольку на момент распада имело место значительное расхождение во взглядах на то, как должен проводиться переход к капитализму: в Чехии правительство Вацлава Клауса отдавало предпочтение шоковому подходу в то время как в Словакии, где имела место значительная концентрация предприятий военной промышленности бывшего советского блока, отношение к этому переходу было гораздо более прохладным.⁴

³ Имеются в виду страны, рассчитывающие стать членами Европейского союза в среднесрочной перспективе. В 1998 г. начались официальные переговоры о вступлении в ЕС Польши, Венгрии, Чехии, Словении и Эстонии.

⁴ Однако во многих случаях правительства, возглавляемые бывшими коммунистами, терпели поражения на следующих выборах, что наводит на мысль о том, что

Последним по счету, но не по значению и самым позитивным сюрпризом, вероятно, является успех экономических реформ в Китае. За период с 1978г., когда начались реформы, по 1998 г. ВВП Китая в расчете на душу населения возрос более чем в четыре раза, увеличиваясь в среднем на 9,5% в год. Кроме того, стратегия перехода в Китае значительно отличалась от шокового подхода, принятого в Центральной и Восточной Европе.

Успех Китая оказался неожиданным в силу нескольких причин. Прежде всего ввиду принятого там постепенного подхода к реформированию, частичные реформы в некоторых сферах сосуществовали с социалистическим статус-кво в других областях. Поскольку различные реформы являются комплиментарными, этот китайский подход подвергся критике как неполный и несогласованный (Woo, 1994). Однако как отмечалось ранее, успешное развитие негосударственного сектора, особенно муниципальных предприятий (МП), стало сюрпризом из-за неясной структуры прав собственности в этом секторе. Было неясно, являются ли МП псевдочастными фирмами или же они находятся в собственности местных органов власти. Либерализация цен также не соответствовала шоковому подходу. Цены были освобождены только для продукции, производимой сверх плановых заданий; для продукции, производимой и поставляемой по плану, цены были заморожены на некотором уровне. Эта система «дуальной либерализации» подвергалась критике как тормозящая рост производства. Успешный рост экономики Китая имел место в тот период, когда ГП не подвергались реструктуризации, а приватизация оставалась запретной темой. Несмотря на важные критические замечания по поводу китайской стратегии перехода, сделанные в 1980-е гг., опыт Китая представляется чрезвычайно позитивным по сравнению с опытом перехода к капитализму в Восточной Европе. Китай не испытал первоначального падения производства, и показатели непрерывного роста его экономики представляются впечатляющими на фоне ситуации в Восточной Европе. Несмотря на побоище на площади Тяньаньмень и на недостаточную демократизацию, здесь не было отторжения экономических реформ, которые принесли процветание и увеличили доходы сотен миллионов людей — несмотря на связанный с этим рост неравенства доходов. Любая нормативная оценка эволюции Китая не может игнорировать тот факт, что это государство — крупнейшая в мире диктатура, к тому же одна из немногих оставшихся в мире. Однако этот факт не должен мешать нам трезво оценивать переходный процесс в Китае и признавать его громадные экономические успехи.

Все эти сюрпризы свидетельствуют, что ученые-экономисты действительно были не готовы к решению задач переходного периода. Наше знание и понимание нами процессов перехода к капитализму остаются ограниченными и формируются по большей части «задним числом». В остальных разделах жители Центральной и Восточной Европы склонны быть недовольными всеми прайвательствами — и левыми, и правыми.

этой главы мы сначала дадим приблизительное описание главных отличительных черт социалистической системы до перехода к капитализму, а затем охарактеризуем цели этого перехода и влияющие на него ограничения. На этом фоне мы описываем то, что считаем основными на данный момент событиями переходного периода и те вопросы, которые встают в связи с этими событиями и в которых нам необходимо разобраться.

1.3. ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ ДО НАЧАЛА ПЕРЕХОДА

Несколько поколений советологов и специалистов по сравнительной экономике изучали социалистическую экономику, накопив значительный объем знаний. То академическое знание, которое содержится в их работах, производит сильное впечатление, если сравнить его с карикатурным изображением социализма, часто встречающимся в литературе, посвященной переходу к капитализму. Тем не менее многие важные вопросы, связанные с функционированием этой системы и сегодня остаются без ответа. В этом разделе мы даем лишь приблизительную характеристику главных особенностей социалистической экономики и частичных реформ, осуществлявшихся при социализме; по существу, мы сосредоточим наше внимание на тех особенностях социализма, которые имеют значение для понимания переходного процесса.

Прежде всего при «классическом» социализме полностью отсутствовали система цен и рынки. Распределение товаров и услуг осуществлялось планирующей администрацией, которая занималась организацией производства и обмена. Предприятиям сообщалось, что они должны производить, у кого приобретать сырье и кому продавать продукцию. Единственными существовавшими рынками были рынки теневой экономики, стоявшие вне закона и функционировавшие на периферии системы.⁵

По сравнению с рыночными экономиками структура производства была искажена. Двумя важнейшими искажениями были следующие: (1) относительно чрезмерное развитие тяжелой промышленности и недостаточное развитие сферы услуг; (2) предпочтение, отдававшееся крупным фирмам, в ущерб небольшим фирмам. Это искажение наглядно демонстрируют табл. 1.1 и 1.2

Таблица 1.1 свидетельствует о том, что соотношение между секторами экономики, по-видимому, относительно независимо от уровня развития экономики, характеризуемого доходом на душу населения, т. к. сравнение стран Восточной Европы и с более богатыми, и с более бедными странами ОЭСР приводит к одному и тому же выводу. Из таблицы 1.2 видно, что в промышленности ФРГ уровень концентрации в целом выше, чем в промышленности

⁵ Утверждение не вполне точно: существовали колхозные рынки и рынок потребительских благ, где цены регулировались государством. — *Прим. ред. пер.*

Франции и Италии, однако сравнение Востока и Запада отчетливо выявляет предпочтение, отдаваемое крупным фирмам на Востоке.

Таблица 1.1. *Распределение рабочей силы по секторам экономики в странах ОЭСР и СПЭ (%)*

Страны	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
1. ОЭСР, 1991			
Восемь богатейших стран	5,5	29,8	64,7
Восемь среднеразвитых стран	5,8	30,4	63,9
Восемь беднейших стран	17,9	29,5	52,6
2. Страны с плановой экономикой (СПЭ, 1989)			
ГДР	10	44,1	45,9
Чехословакия	11,6	46,8	41,6
Венгрия	17,5	36,1	46,4
Польша	27,2	36,3	36,4

Источник: ОЭСР.

Таблица 1.2. *Распределение занятых в промышленности между фирмами различных размеров (%)*

Страна	0–100 работающих	100–500 работающих	500 и более работающих
ФРГ	14,1	23,9	62
Франция	22,5	24,9	52,6
Италия	32,3	27,3	40,4
ГДР			
ГДР	1	11,1	87,9
Чехословакия	0,1	3,4	96,5
Венгрия	4,5	16,3	79,3
Польша	1,4	18,2	80,4

Источник: ОЭСР. Данные по ФРГ, Франции и Италии за 1987 г., по ГДР — за 1988 г., по остальным странам — за 1989 г.

Тяжелая промышленность получила чрезмерное развитие в социалистических странах в связи с требованиями гонки вооружений. До своего распада

СССР был крупнейшим в мире производителем стали. Одной из причин недостаточного развития сферы услуг было то, что в этих странах, в соответствии с теорией Маркса, услуги рассматривались как «непроизводительная» деятельность: считалось, что физическая трансформация товара создает добавочную стоимость, а доставка этого товара покупателю — не создает. Предпочтение, отдаваемое крупным фирмам, объяснялось главным образом тем, что легче планировать объемы производства для малого числа крупных фирм, чем для большого числа мелких фирм, а также желанием использовать экономию от масштаба. Кроме того, руководители предприятий стремились увеличить размеры своих предприятий, рассчитывая таким способом добиться большего внимания к себе со стороны центральных плановых органов. Важно отметить эти структурные изменения, так как из них вытекает, что при переходе к капитализму требуется осуществить важные межсекторные перераспределения и обеспечить появление на рынках значительного количества небольших фирм. В ходе многих дебатов по проблемам перехода чрезмерное внимание уделялось приватизации существующих крупных ГП, но при этом не проявлялось достаточного внимания к проблемам создания новых фирм и органического развития капитализма «снизу» усилиями новых предпринимателей. С точки зрения межсекторного перераспределения значительная часть «разрушения» должна осуществляться среди существующих крупных ГП, в то время как значительная часть «созидания» является задачей вновь созданных фирм.

Для стимулирования предприятий при социализме были характерны крупные премии за выполнение плана и меньшие премии, начисляемые на основе процента перевыполнения плана. Эта система приводила к тому, что предприятия искажали ассортимент своей продукции и ее качество, с тем чтобы максимизировать эти плановые показатели. К примеру, когда объем производства стекла планировался в тоннах, оно обычно оказывалось чересчур тяжелым. Когда выпуск стекла стал измеряться в квадратных метрах, оно стало слишком тонким и хрупким (см. работу Нова, 1958). Поскольку вознаграждения руководителей зависели по большей части от достижения этих плановых показателей объемов производства, у них было мало стимулов для снижения издержек. Один из плановых показателей — «вал» (валовая продукция) характеризовал совокупный объем продукции предприятия при помощи цен, рассчитываемых методом «издержки плюс прибыль». Эта система приводила к тому, что предприятия искажали ассортимент своей продукции таким образом, чтобы максимизировать свои издержки. Более того, когда предприятиям не хватало финансовых средств для выполнения плана по объему производства, они всегда могли получить дополнительное финансирование для достижения этой цели. Эта практика породила феномен мягких бюджетных ограничений, концептуально описанный Корнаи (Cornai, 1980). Так как предприятия не обращали внимания на свои издержки, ставки заработной платы контроли-

ровались центральными органами, стремившимися не допускать каких-либо изменений заработной платы на уровне предприятия.

Важная особенность социализма заключается в том, что в действительности на уровне народного хозяйства не существовало сколько-нибудь согласованного плана. Согласованные планы разрабатывались для выпуска номенклатуры продукции, насчитывавшей 40 — 200 категорий первичных товаров. В реальности же в советской экономике насчитывалось около 12 млн различных типов товаров. В работах по математическому планированию, появившихся в 1950-е и 1960-е гг., делались попытки найти «алгоритмы декомпозиции», которые позволили бы рассчитывать согласованные планы производства первичных товаров на основе согласованного плана производства конечных товаров (Kornai and Liptak, 1965; Malinvaud, 1967; Arrow and Hurwicz, 1960; Weitzman, 1970). Однако практика централизованного планирования оставалась весьма далекой от этих алгоритмов. Как и предсказывал ранее Хайек (Hayek, 1945), возможности компьютерной техники того времени оказались недостаточными для выполнения столь сложных расчетов.⁶ Уже в начале 1960-х гг. Монтиас (Montias, 1962) установил, что использовавшийся при расчете планов метод материальных балансов не может обеспечить получения согласованных планов. Материальные балансы похожи на бухгалтерские балансы: два столбца, в одном из которых перечисляются все планируемые потребители данного товара и их потребности, а в другом перечислены все планируемые поставки этого товара. Планировщики должны были бы раз за разом корректировать предложение данного товара и спрос на него до тех пор, пока не будет достигнуто полное выравнивание спроса и предложения. Проблема заключается в том, что различные материальные балансы не являются взаимно согласованными. Например, можно было увеличить плановые поставки продукции сталелитейного завода таким образом, чтобы обеспечить выравнивание материальных балансов, скажем, какого-то типа машин, однако эта корректировка не привела бы к увеличению ресурсных требований данного завода в других материальных балансах, где эти ресурсы фигурируют в графе спроса. Таким образом, истинная загадка социалистических экономик заключается в том, что отсутствие рынков и согласованных планов почему-то не приводило к тотальному хаосу! В действительности эта проблема была менее драматичной, чем она казалась. Прежде всего Монтиас

⁶ На протяжении всего XX в. велись масштабные дебаты, начало которым положили Бароне (Barone, 1908), фон Мисес (von Mises, 1920) и Ланге (Lange, 1938), по поводу теоретической возможности централизованного планирования; кульминацией этих дебатов стали две фундаментальные теоремы благосостояния, доказывающие эквивалентность централизованного планирования и равновесия на конкурентных рынках. Однако Хайек подчеркивал, что даже если централизованное планирование и представляется теоретически возможным, оно не могло бы быть осуществлено на практике ввиду сложности сбора всей информации, требующейся для составления согласованных и эффективных планов.

(Montias, 1962), Манов (Manove, 1971) и другие исследователи доказали, что система материальных балансов может привести к некоторой «сходимости» планов на уровне первичных товаров, несмотря на отсутствие методологии увязки ресурсов и продукции. Кроме того, планирование представляло собой не только итеративный, но и кумулятивный процесс. Исходной точкой для плана на период $t + 1$ мог быть уровень производства, достигнутый в периоде t . Тем самым планирование следует рассматривать как процесс приращений, получивший название «планирование от достигнутого уровня» (Бирман, 1978). При этом согласованность, требующаяся для достижения общего равновесия, ограничивалась *приращениями* объемов производства, поскольку существующие *уровни* производства представляли собой равновесия — хотя они не обязательно были желаемыми равновесиями. Отметим, что с растущим усложнением экономики становилось все труднее планировать значительные отклонения от предыдущих тенденций производства. Действительно, легче планировать 2%-ный прирост производства всех товаров, чем, скажем, 20%-ное увеличение производства в некоторых секторах экономики при одновременном сокращении производства на сравнимые величины в других секторах. Этот факт приводил к сильной предрасположенности к сохранению статус-кво. Такая предрасположенность выглядит довольно иронично, поскольку одним из провозглашавшихся преимуществ централизованного планирования над рынком была как раз способность системы планирования организовывать крупные отклонения от существующей структуры производства в особенности при наличии невыпуклостей.

Эти корректировки приращений осуществлялись на уровне экономических министерств, которые, таким образом, представляли собой «спинной мозг» экономики и играли ключевую роль в координации производства и корректировке нежелательных неравновесий. В экономике большинства социалистических стран, за исключением Китая и Югославии, планирование было организовано по функциональному принципу с наличием отраслевых министерств: министерство черной металлургии, министерство угольной промышленности, министерство машиностроения и т. д.⁷ Министерства имели плановые задания по совокупным объемам производства и поручали выполнение этих заданий предприятиям, находившимся под их юрисдикцией. Министерства не только играли решающую роль в планировании годовых объемов производства продукции и потребления ресурсов своими предприятиями, но и активно вмешивались в деятельность предприятий. Как правило, эти вмешательства представляли собой реакции на ощутимые дефициты, с кото-

⁷ В Китае и Югославии управление было организовано по региональному принципу и планирование осуществлялось на уровне регионов или провинций. В начале 1960-х гг. региональную организацию планирования попытался ввести в СССР Хрущев (так называемый эксперимент с совнархозами), но после свержения Хрущева эти попытки были прекращены.

рыми сталкивались предприятия. Зачастую министерства использовали свое влияние в центральных плановых органах, для того чтобы переориентировать поставки конкретных ресурсов, с тем чтобы ликвидировать такие дефициты.⁸ Реагируя на дефициты, они могли также скорректировать планы предприятий. Предприятиям, не способным выполнить план, плановые задания зачастую снижались, в то время как предприятиям, обладавшим большими резервами или большими производственными мощностями, планы увеличивались.⁹ В целом, вмешательства министерств можно рассматривать как различные формы замещения ресурсов и продуктов в ответ на дефициты, приводившие к оптимизации планового задания данного министерства по совокупному объему производства (Пауэлл, 1977; Ролан, 1990). В отсутствие рынков такие механизмы играли ключевую роль в деле предотвращения общего развала производства.

Общая ситуация характеризовалась наличием ощутимых дефицитов. Предприятия никогда не рассматривали перепроизводство — или избыточное предложение — как проблему, в то время как дефицит — или избыточный спрос — считался проблемой. Действительно, в условиях стимулирования перевыполнения планов и мягких бюджетных ограничений любую сверхплановую продукцию можно было без труда реализовать. Однако любой дефицит, скорее всего, приводил к невыполнению плана и воспринимался как серьезная угроза. Боязнь дефицитов вела к всевозможным действиям типа накопления запасов (Вейцман, 1991), в том числе резервов рабочей силы, или «вынужденного замещения», когда отсутствующий ресурс или материал заменялся имеющимся в наличии, что могло приводить к снижению качества или дальнейшим искажениям ассортимента продукции (всеобъем-

⁸ Министерства, кроме того, активно добивались права иметь собственные транспортные управления, непосредственно управляя которыми они могли бы перераспределять поставки между различными предприятиями, находившимися под их юрисдикцией. Например министерство черной металлургии могло бы использовать собственную транспортную систему для того чтобы перебросить уголь со сталелитейного завода А на завод В.

⁹ В первом случае корректировки планов были необходимы по соображениям стимулирования. В случае невыполнения плана руководители предприятий лишались всех премиальных выплат. Как только плановый показатель оказывался недостижимым, становилось бессмысленным прилагать усилия с целью увеличения выпуска продукции, поскольку для руководителей не было никакой разницы между, скажем, 5%-ным и 10%-ным невыполнением плана. Для министерств такая разница существовала, поскольку от объемов продукции предприятий зависело выполнение плановых заданий самих министерств; поэтому, реагируя на дефициты, они снижали предприятиям плановые показатели с тем чтобы побудить работников к усердному труду. Соответствующее увеличение планов предприятиям, имеющим дополнительные резервы, оказывало очевидный неблагоприятный эффект в том, что касается стимулов; это обстоятельство побуждало предприятия к максимальному сокрытию своих резервов.

лющую трактовку поведения экономических агентов в условиях дефицита см. в работе Корнай, 1980).

Дефицит потребительских товаров на рынках означал, что производителям этих товаров не нужно было беспокоиться по поводу качества своей продукции или недостаточного спроса на нее. Дефициты были кошмаром для потребителей, терявших ежегодно сотни часов в очередях и вынужденных покупать товары низкого качества и делать вынужденные замены. Однако созданный дефицитом рынок продавцов обеспечивал работникам важные преимущества в отношениях с администрациями предприятий. В силу этого угроза безработицы была практически сведена на нет, а трудовая дисциплина находилась на чрезвычайно низком уровне (см., например работы Москоффа, 1984 и Ролана, 1988). Авторитарные и репрессивные кампании по усилению трудовой дисциплины при Сталине или при Андропове после кратковременного «эффекта внезапности» всегда заканчивались провалом. Кроме того, имела место значительная добровольная текучесть кадров, так как недовольные работники всегда могли без труда найти другую работу. Для привлечения и мотивации работников менеджеры могли использовать только позитивные стимулы (вознаграждения). В условиях мягких бюджетных ограничений у них возникал соблазн добиваться этих целей путем повышения зарплаты. Для предотвращения таких действий в условиях централизованного планирования центральное руководство прибегало к централизации фондов заработной платы и лишало фирмы всякой самостоятельности в вопросах оплаты труда. Для того чтобы мотивировать работников, менеджерам приходилось прибегать к различным уловкам типа зачисления секретарей на должности менеджеров, а неквалифицированных рабочих — на места квалифицированных. Одним из особенно популярных способов привлечения работников было создание на предприятиях собственных магазинов, где работники могли покупать продукты и товары первой необходимости. По этой же причине на предприятиях часто получали развитие социальные службы — например детские сады. Таким образом, предприятия могли использовать свой вес в системе централизованного планирования для того чтобы создать замкнутую систему розничной торговли и гарантировать своим работникам, что им не придется сталкиваться с дефицитом и что они будут иметь достаточно приличные условия жизни — так что им нет смысла уходить с данного предприятия. В периоды обострения дефицита товары могли исчезать с полок магазинов, но холодильники работников никогда не пустовали. Поскольку рынок труда представлял собой рынок продавцов, а социальная сфера была настолько сконцентрирована внутри предприятий, не приходится удивляться тому, что при переходе к капитализму реструктуризация предприятий была воспринята как реформа, в наибольшей степени угрожающая интересам трудящихся. Поэтому до начала перехода можно было без труда спрогнозировать сопротивление работников и возникновение политических ограничений для реструктури-

зации — в особенности в таких странах, как Польша, где трудящиеся еще раньше имели возможность создать свои организации.

В литературе, посвященной социалистическим экономикам, было, кроме того, продемонстрировано существование инвестиционных циклов в условиях централизованного планирования. Это явление представляло собой интересный парадокс, поскольку одной из провозглашенных целей централизованного планирования было устранение цикла деловой активности. Различные теории инвестиционного цикла (Бауэр, 1978; Корнаи, 1980; Симоновиц, 1991) исходили из того, что, реагируя на дефициты, центральные плановые органы осуществляют макроэкономические корректировки. В ситуации, когда дефициты окажутся меньше обычного уровня, плановики будут утверждать инвестиционные проекты в большем, чем обычно, количестве. Для того чтобы добиться утверждения своих инвестиционных проектов предприятия использовали всевозможные уловки: занижение издержек, небольшая смета первого года и т. д. Спустя некоторое время накапливается значительное количество незавершенных проектов, а также информация о росте дефицитов. В условиях мягких бюджетных ограничений незавершенные проекты никогда не будут прекращены и в конечном счете будут доведены до конца.¹⁰ Соответственно плановики перестают утверждать новые проекты и направляют средства в первую очередь на завершение существующих проектов — до тех пор, пока не начнет ощущаться сокращение дефицитов, что приведет к новому инвестиционному буму и т. д. Эконометрические данные, как правило, подтверждали существование таких циклов и механизмов корректировки (Гросфелд, 1987; Ролан, 1987; Аикс, 1990; см., однако книгу Михали 1992 г., где приводится всеобъемлющий обзор литературы и в то же время отстаивается менее детерминистский подход к инвестиционным циклам).

Несмотря на общее признание наличия дефицитов на микроэкономическом уровне, было неясно, находилась ли «классическая» плановая экономика в состоянии избыточного спроса на агрегированном уровне. На макроэкономическом уровне плановые органы располагали разнообразными инструментами, позволявшими сбалансировать совокупные спрос и предложение, — например централизованным контролем над ставками заработной платы. Появилось немало работ, посвященных проверке различных моделей неравновесия макроэкономики в социалистических странах (Портес и Уинтер, 1980; Портес и др., 1987) и позволяющих предположить, что у нас имеется немного доказательств систематического существования избыточного спроса на макроэкономическом уровне — за исключением Польши,

¹⁰ Как мы увидим в главе 8, такое поведение не обязательно является специфической особенностью социалистической экономики. В основе «синдрома мягких бюджетных ограничений» лежит последовательно разворачивающаяся логика «спасения» существующих проектов и осуществления перерасходов — иногда существенных — в целях завершения данных инвестиционных проектов.

где «классическая» плановая экономика уже уступила место реформированной социалистической экономике.¹¹

В некоторых социалистических странах и до падения коммунизма имелся опыт проведения рыночно-ориентированных реформ. В Венгрии в 1968 г. было упразднено обязательное планирование, а в Югославии в 1965 г. было введено самоуправление предприятий. Похожие реформы были предприняты в начале 1980-х гг. в Польше, а затем в СССР во время правления Горбачева. Типичная реформа социалистической экономики представляла собой совокупность мер по существенному увеличению самостоятельности предприятий. Одно из проявлений неэффективности планирования заключалось в том, что предприятия старались выторговать себе как можно более низкие планы и с этой целью пытались скрыть как можно больше резервов. Руководители коммунистических стран сочли, что если предоставить менеджерам предприятий большую самостоятельность в определении ассортимента продукции и цен, у них увеличится заинтересованность в получении прибыли и улучшении работы предприятий и результатом этого станет увеличение гибкости. Однако самым непосредственным следствием таких реформ стал рост заработной платы. Предприятия начали распределять в форме зарплаты большую часть добавленной стоимости. Из-за мягких бюджетных ограничений в условиях реформирования социализма или в условиях югославского самоуправления предприятия и в самом деле начинают выторговывать дополнительные ресурсы для увеличения зарплаты и инвестиций. Такое усиление давления снизу вело к дальнейшему ослаблению системы планирования и к ослаблению тех центральных органов власти, которые уступали требованиям предприятий. Рост требований предприятий начинал приводить к серьезным макроэкономическим дисбалансам, которые «классическая» социалистическая плановая система могла предотвращать. Вследствие этого возрастали внешние заимствования или увеличивались дефицит товаров и вынужденные сбережения. Страны, в которых до перехода к капитализму проводились реформы — например Венгрия, Польша, Югославия и СССР — как правило, вступали в переходный период с серьезными макроэкономическими дисбалансами, требовавшими комплекса стабилизационных мероприятий, в то время как страны, не проводившие ранее реформ — например ГДР, Чехословакия и Румыния — в начале переходного периода не сталкивались с такой проблемой стабилизации.

1.4. ЦЕЛИ ПЕРЕХОДА К КАПИТАЛИЗМУ И ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ

С учетом исходных условий социалистической экономики (имеющей опыт реформирования или не имеющей его) какие задачи следует решить при

¹¹ Эмпирическая работа Чолука и Кросса (Chawluk and Cross, 1997) позволяет предположить, что в случае Польши имел место существенный избыток денежной массы.

трансформации этой экономики в успешно функционирующую рыночную экономику? В этом разделе мы даем краткое описание главных целей этого перехода и ограничений, которые имеют место при достижении этих целей. Экономисты не всегда достигали консенсуса в отношении этих целей и ограничений. Мы укажем здесь наиболее спорные вопросы.

Что касается целей, то существует широкое согласие в отношении следующих целей перехода:

1. Повышение эффективности распределения ресурсов за счет исправления свойственных социализму искажений путем введения гибких относительных цен и создания конкурентной рыночной среды, открытой для мировой экономики.

2. Стабилизация макроэкономики, что необходимо для правильного функционирования системы цен.

3. Улучшение стимулирования и механизмов управления корпорациями с целью заставить фирмы реагировать на сигналы рынков. Ключевым компонентом таких изменений является крупномасштабная приватизация, однако не менее важную роль играют появление новых частных фирм и создание класса предпринимателей.

4. Создание государственных институтов, «адекватных» рыночной экономике. Экономисты имеют различные взгляды по поводу того, что представляют собой эти «адекватные» институты, однако существует относительный консенсус в отношении следующего: (а) необходимости политической и институциональной стабильности; (б) необходимости защиты прав частной собственности от посягательств (со стороны не только правительства, но и мафии) и защиты налогоплательщиков от рентоориентированного поведения групп давления на правительство.

Хотя экономисты, как правило, сходятся во мнениях по поводу перечисленных выше целей, очень важно, кроме того, отметить те ограничения, с которыми сталкивается процесс перехода:

1. Ключевой особенностью переходного процесса является неопределенность результатов как на общем, так и на индивидуальном уровне. Экономисты иногда расходятся в оценках важности неопределенности. Во многих работах политических аналитиков, посвященных переходному периоду, в неявной форме присутствует мысль о существовании какой-то четко определенной цели перехода: обычно это тот «чертеж» идеальной экономической системы, который нравится самому аналитику. Однако если быть честным, то нужно признать, что модель капитализма, к которой должны сойтись страны с переходной экономикой, не всегда очевидна. Споры, ведущиеся между экономистами по поводу роли государства в рыночной экономике, вполне естественным образом переносятся и на дебаты о переходе к капитализму. Что более важно, даже если и существует ясная цель перехода, нет ни одной общепризнанной

теории, которая указывала бы, как можно достичь этой цели. Разве могут наши экономические теории подсказать нам, к чему ближе будет результат переходных процессов в странах Центральной и Восточной Европы — к западногерманскому экономическому чуду или к Веймарской республике, не говоря уже о бывшей Югославии? Таким образом, здесь имеет место очень большая общая неопределенность результатов, и накопленный на данный момент в этих странах опыт не уменьшил этого ощущения неопределенности. Действительно, как уже отмечалось выше, значительное падение объемов производства в начале переходного периода оказалось неожиданностью. С тех пор некоторые страны, например Польша, весьма успешно восстановили прежние объемы производства, в то время как другие, например Россия, не только не добились этого, но, по-видимому, понесли еще большие потери. Вполне возможно, что вследствие перехода к капитализму Россия понесла непоправимые потери в том, что касается уровня ее дохода, и она еще очень долго будет оставаться слабой в экономическом отношении. Можно представить себе и еще худшие сценарии. В 1999г., когда создавалась эта книга, неопределенность в отношении будущего России все еще оставалась неразрешенной. Таким образом, общая неопределенность имеет очень большое значение. Нужно также добавить, что экономические агенты и разработчики политики действуют и принимают решения, принимая эту общую неопределенность как данность. Так как процесс перехода является результатом решений, принимаемых отдельными людьми и разработчиками политики в условиях значительной неопределенности результатов, теория перехода к капитализму должна учитывать это относительное неведение при моделировании процесса перехода. Теория перехода к капитализму должна также учитывать тот процесс экспериментирования и познания, который должен иметь место во время переходного периода.

2. Еще одно важное ограничение связано с взаимодополняемостью реформ и взаимодействиями между отдельными реформами. Сосредоточив внимание на отдельных реформах, можно получит неверную картину переходного процесса. Существует, например очевидная взаимодополняемость приватизации и либерализации цен. Стимулы, связанные с получением прибыли на деформированных рынках, приводят к неправильному распределению ресурсов, а свободные цены сами по себе не обеспечивают оптимальных распределительных результатов, если у фирм нет стимулов, побуждающих их максимизировать стоимость. Программы макроэкономической стабилизации также требуют использования различных инструментов в зависимости от того, осуществлена ли либерализация цен или нет. Все ученые-экономисты склонны согласиться с наличием этих взаимодополняющих факторов, но они не всегда соглашаются друг с другом по поводу следствий, вытекающих из их наличия. Некоторые считают, что наличие взаимодополняющих факторов представляет собой достаточный аргумент для оправдания шокового подхода к реформированию, в то время как другие с этим не согласны. В следующей

главе мы убедимся в том, что последняя точка зрения является верной и что наличие взаимодополняемости может даже оказаться необходимым условием оптимальности градуалистских стратегий реформирования.

3. Наконец, решающее значение имеют политические ограничения, так как переход к капитализму — это охватывающий всю экономику процесс. Выгодный для одних и невыгодный для других — даже в том случае, если совокупное благосостояние населения возрастает. Эти политические ограничения особенно важны в странах Восточной Европы, где политическая реформа — переход к демократии — предшествовала экономической реформе — переходу к рынку. Политические ограничения важны *ex ante* (до начала реформирования), когда нужно убедить избирателей в необходимости начать процесс реформирования (исход которого может быть неопределенным) и *ex post* (после проведения реформ), когда необходимо избежать возврата к прежнему положению (Ролан, 1994). Важно подчеркнуть центральное значение политических ограничений при проведении таких крупномасштабных экономических реформ, как переход к капитализму, и важность неразрывной связи между экономической и политической сторонами реформирования. В прошлом экономисты слишком часто возлагали на безобразную политику вину за провал элегантных экономических теорий. Эта тенденция ведет начало от пигувианской традиции и от школы экономики благосостояния, в которых проблемы экономики считаются эндогенными и подлежащими анализу, в то время как политика считается экзогенной и является объектом рекомендаций, даваемых экономистами. Как отмечал, имея в виду эту традицию, Вейнгаст (1997): «Иронический аспект этой позиции экономистов состоит в том, что им хочется, чтобы люди преследовали свои эгоистические интересы на рынках, но не в политике». Действительно, до относительно недавнего времени экономисты слишком долго игнорировали экономическую подоплеку политической деятельности. Политики и группы особых интересов испытывают разумное беспокойство по поводу убытков, которые они могут понести в результате осуществления экономических реформ. У экономистов нет оснований для того чтобы игнорировать вытекающие из этого обстоятельства политические ограничения — точно так же, как они не могут игнорировать бюджетные ограничения или ограничения, связанные со стимулами.

Несмотря на то что существует согласие в отношении конечной цели реформирования, уже проявились немаловажные политические разногласия, связанные со скоростью и последовательностью осуществления реформ. Важно выявить источники этих разногласий, рассмотреть подчеркиваемые сторонами ограничения и внутреннюю логику приводимых ими аргументов.

Одновременный учет общей неопределенности, взаимодополняющих факторов и политических ограничений в рамках одной теоретической модели — задача захватывающая и сложная. Такие сложности могут отчасти служить объяснением относительно малого числа теоретических работ, пос-

выщенных переходу к капитализму. Действительно, любая теория перехода рискует оказаться неадекватной, если она не рассматривает переход как крупномасштабное изменение институтов, включая перечисленные нами выше компоненты, а в экономической теории имеется немало других требующих внимания нерешенных проблем, не столь общих, но тем не менее значимых. Как область экономических исследований теория переходной экономики сталкивается с хорошо известной проблемой подвыпившего гражданина, потерявшего ключ от дома где-то перед крыльцом, но ищущего его под фонарем на улице, поскольку это единственное светлое место. Теоретики знают, что цель теории — выбрать из нашей сложной действительности ключевые факторы и проанализировать их взаимодействие в доступной для понимания форме. Доступность может оказаться очень важным ограничением. Решать эту проблему мы можем только при помощи компромиссов. Мы начинаем часть I этой книги (в главе 2) с рассмотрения модели, учитывающей общую неопределенность, взаимодополняющие факторы и политические ограничения. Это обеспечивает полноту изложения и позволяет сделать те выводы, которые, по нашему мнению, имеют решающее значение для понимания стратегий и процессов перехода. Недостаток этого подхода заключается в том, что в целях доступности эти факторы должны моделироваться относительно абстрактным образом, с использованием небольшого институционального и экономического материала. Однако мы считаем, что при рассмотрении проблем перехода к капитализму лучше сначала увидеть «лес», а потом уже — «дерево». В последующих главах дается более подробный и специфичный анализ, сосредоточивающийся на отдельных аспектах переходного процесса и абстрагирующийся от других его аспектов.

1.5. СТИЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРЕХОДЕ К КАПИТАЛИЗМУ

Мы уже упоминали о некоторых из основных неожиданностей переходного периода. Теперь мы дадим краткое описание стилизованных фактов, касающихся перехода к капитализму, которые экономическая теория должна попытаться объяснить.

1.5.1. Различия в траекториях и стратегиях реформ

Употребление слова «стратегия» применительно к переходу к капитализму может в некотором смысле дезориентировать читателя. У него может возникнуть впечатление, что в начале этого перехода сознательно разрабатывались какие-то детальные планы и в дальнейшем реформаторы руководствовались

этими планами как дорожной картой. Прежде всего надо отметить, что из-за существования общей неопределенности не существует ничего подобного «карте» перехода. Поэтому фактический ход реформирования может также оказаться весьма отличным от первоначальной стратегии. Траектория реформ может в равной мере определяться импровизированными реакциями на неожиданные события и требования и результатами сознательного дальновидного выбора, совершаемого в условиях неопределенности. Тем не менее мы считаем полезным употребление слова «стратегия» при рассмотрении первоначального выбора направлений реформирования. Хотя такая «рационализация» может вести к преувеличению предвидения и стратегического мышления реформаторов, она тем не менее полезна для понимания логики, определявшей динамику реформ в различных странах. Упоминание стратегий не означает, что множество выбора было одинаковым во всех странах или что стратегии определялись просто выбором реформаторов. Важную роль играли различия в исходных условиях и в политических ограничениях, существовавших в различных странах. Поэтому при сравнении стран следует проявлять особую осторожность. Не следует, однако и делать выводы о том, что в каждой отдельной стране вообще не существовало выбора между различными стратегиями реформирования или что выбранные стратегии обязательно являлись оптимальными. Хотя сделанный выбор и может быть объяснен в контексте тех специфических условий, в которых он совершался, нет оснований исключать возможность неверных суждений и неправильных представлений о реальной обстановке, не говоря уже об уступках группам специальных интересов.

Приблизительный обзор скорости и последовательности реформирования в отдельных странах с переходной экономикой приводится в табл. 1.3 Мы привели здесь даты начала осуществления отдельных реформ и указали, как проводились эти реформы — либерализация цен, приватизация и реструктуризация предприятий — постепенно или шоковым методом. В некоторых случаях, несмотря на принятие соответствующих законов, они в дальнейшем почти не выполнялись. Мы старались указать для всех случаев год начала реального осуществления реформ.

Таблица 1.3 демонстрирует как различия, так и сходства в стратегиях перехода, принятых в различных странах. Прежде всего есть страны, придерживавшиеся главным образом стратегии постепенного реформирования: Китай, Венгрия и Словения. Интересно отметить, что эти страны начинали реформы раньше, чем другие страны: Китай — в 1978 г., Венгрия — в 1968 г., а Словения — в 1965 г. в составе бывшей Югославии. Далее, существуют определенные закономерности в очередности проведения реформ. Как правило, политика поощрения развития малого частного бизнеса начинает осуществляться на раннем этапе переходного процесса, а приватизация и реструктуризация проводятся позднее. Кроме того, в этих странах либерализация цен

Таблица 1.3 Скорость и последовательность проведения реформ

Страна	Реформа политической системы	Либерализация цен	Стабилизация экономики	Налоговая реформа	Появление частных фирм	Приватизация	Реструктуризация предприятий	Реформа законов о банкротстве	Банковская реформа
Китай	1978	1984 (дуальная)	1994	1980	1978	1995 (постепенная)	1995 (постепенная)	-	-
Венгрия	1989	1968 (постепенная)	1995	1988	1982	1990 (постепенная)	1992 (постепенная)	1992	1991
Вьетнам	—	1989 (шоковая)	1989	1990	1979	1989 (постепенная)	1989	1993	1991
Польша	1989	1990 (шоковая)	1990	1992	1990	1990 (постепенная)	1993 (постепенная)	1992	1993
Чехия	1989	1991 (шоковая)	Недостаточная	1993	1991	1992 (массовая)	1993 (постепенная)	1993	1991
Словакия	1989	1991 (шоковая)	Недостаточная	1993	1991	1992 (постепенная)	1993 (постепенная)	1993	1991
Словения	1989	1965 (постепенная)	1990	1990	1965	1993 (постепенная)	1989 (постепенная)	1989	1993
Россия	1991	1992 (шоковая)	1995	1995	1992	1993 (массовая)	1992 (постепенная)	1993	1992
Украина	1991	1994 (шоковая)	1995	1992	1992	1994 (постепенная)	1995 (постепенная)	—	1995
Румыния	1989	1990 (шоковая)	1994	1993	1991	1991 (постепенная)	1993 (постепенная)	1995	—
Болгария	1989	1991 (шоковая)	1991	1994	1993	1994 (постепенная)	1991	1994	1997

Источники: Европейский банк реконструкции и развития; авторские оценки.

и приватизация, как правило, осуществляются постепенно.¹² Стабилизация экономики в тех случаях, когда она осуществляется, обычно имеет место в середине переходного периода, а не в его начале. Даже Вьетнам, который провел либерализацию цен и стабилизацию экономики в 1989 г. шоковым методом, поощрял создание частных фирм и рыночную активность начиная с 1979 г. «Подрядная система» в сельском хозяйстве Вьетнама была близка к китайской системе ответственности, а дуальное ценообразование получило серьезное развитие еще до 1989 г. К 1989 г., когда были начаты радикальные реформы, на частный сектор в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности приходилось 60% ВВП и 85% общего числа работающих. Приватизация, если она имеет место во Вьетнаме, проводится постепенно. Таким образом, последовательность реформ во Вьетнаме достаточна близка к той, что наблюдалась в Китае, несмотря на наличие важных различий в сроках.

Приблизительно можно считать, что другие страны следовали шоковым стратегиям, но при этом необходимо сделать оговорки. Наилучшим примером является Польша, где большинство реформ началось в 1990 г. Тем не менее приватизация в Польше фактически осуществлялась постепенно, после того как в 1991–95 гг. была заблокирована политиками массовая приватизация (быстрая приватизация путем раздачи активов по ваучерной схеме), утратившая после этого свой движущий импульс. Чехия представляет собой второй по качеству пример шоковой политики: либерализация цен, стабилизация экономики и приватизация — все это было осуществлено в 1991–92 гг. Эта страна, кроме того, дала первый пример приватизации по ваучерной схеме, начавшейся в 1992 г. Тем не менее в Чехии можно наблюдать определенную последовательность проведения реформ: реструктуризация предприятий была отложена до окончания программы приватизации. Реструктуризация носила более постепенный характер, чем в Польше и в Венгрии; в частности необходимо отметить очень мягкий закон о банкротстве и накопление безнадежных задолженностей в банковском секторе после приватизации (Андерсон и Кегельс, 1997). Словакия, проводя реформы, тщательно придерживалась чешского образца — за исключением того факта, что после раскола Чехословакии приватизация здесь стала проводиться постепенно. Можно считать, что и Россия, по крайней мере частично, придерживалась шоковой стратегии. Либерализация цен, стабилизация экономики и приватизация — все это было начато в 1992 г. Стратегии стабилизации не получили политической поддержки, и только в 1995 г. удалось добиться некоторого значительного прогресса в стабилизации экономики. Массовая приватизация, как и в случае с Чехией, была осуществлена быстро.

Опыт России иллюстрирует утверждение, которое в определенной степени имеет ту же или даже большую силу для таких стран, как Румыния,

¹² Начиная с 1989 г. либерализация цен в Венгрии существенно ускорилась.

Болгария и, разумеется, Украина и другие страны бывшего СССР: страны, начавшие процесс перехода к капитализму позднее, добиваются меньших успехов в осуществлении реформ. Попытки проведения радикальных реформ не могут пробиться через политический процесс и блокируются. Украина, несмотря на неоднократные фальстарты, имевшие место после обретения независимости в 1991 г., смогла всерьез начать переход к капитализму лишь в 1994 и 1995 гг. С тех пор процесс реформирования серьезно затормозился. В позже начавших переход странах чаще случаются и возвраты назад в политике. В Болгарии была отменена либерализация цен, начатая в 1992 г., а приватизация столкнулась с мощным сопротивлением. В районах «красного пояса» России либерализация цен не проводилась. Румыния также испытала неудачи при осуществлении своей программы приватизации и так и не смогла провести в жизнь планы массовой приватизации. Стабилизация экономики, как правило, также проходит менее удачно в странах, позже начавших переход к капитализму.

Либерализация цен чаще всего проводится шоковым методом, за исключением стран, придерживающихся постепенного подхода к реформам. В Китае параллельное (дуальное) ценообразование было введено повсеместно в 1984 г. Во всех секторах экономики были освобождены цены на сверхплановую продукцию при сохранении плановых цен на плановую продукцию.

Во всех странах реструктуризация предприятий обычно имеет место на поздних этапах перехода, никогда не проводится в его начале и всегда является постепенной: убыточные предприятия никогда не закрываются «в один присест»; процесс высвобождения работников растянут во времени. Интересно, что в Польше и Румынии планы массовой приватизации столкнулись с сильным политическим сопротивлением и только Чехия и Россия сумели добиться быстрого осуществления массовой приватизации.

Традиционное экономическое мышление восприняло бы эту политику и эти стратегии как данность и занялось бы простой оценкой их экономических эффектов — что, несомненно, представляет собой важную задачу. Однако при этом не будет задан вопрос о том, как возникают эти различия и сходства стратегий. К примеру, менее очевидный успех (а зачастую и явный провал) стран, которые позже других осуществили либерализацию цен (и проводили ее более поэтапно), был интерпретирован Всемирным банком и другими экономистами таким образом, что более быстрая либерализация цен позволяет лучше стабилизировать экономику и ускорить ее рост (Всемирный банк, 1996; Ослунд, Бун и Джонсон, 1996 и др). При такой интерпретации политические решения рассматриваются как экзогенные, а политические ограничения не учитываются. Альтернативное объяснение состоит в том, что страны, позже начавшие переход к капитализму, сталкиваются с более сильным сопротивлением реформам и тем самым — с более сильными политическими ограничениями при осуществлении политики реформирования. Эта точка зрения соответс-

твует наблюдениям, свидетельствующим о том, что в таких странах имеют место торможение реформ и частичный возврат назад в политике. В данном случае, когда задержка и неполнота реформ являются следствием политических ограничений, утверждение о том, что более быстрая либерализация цен даст лучшие экономические результаты, не приносит особой пользы с точки зрения выработки политики.

1.5.2. Различия в макроэкономических показателях после либерализации цен

После обзора различий в путях и стратегиях перехода к капитализму в различных странах будет полезным рассмотреть различие между макроэкономическими показателями этих стран. На рис. 1.1–1.5 показана динамика реального ВВП в отдельных странах с переходной экономикой в годы после проведения либерализации цен.

На этих иллюстрациях отчетливо видны различные — и расходящиеся — траектории показателей объема производства после либерализации цен. Рисунок 1.1 демонстрирует пять типов реакции объема производства на либерализацию цен. В Китае после либерализации наблюдается непрерывный и значительный рост производства без скачков.¹³ Во всех остальных странах первоначально имело место сокращение производства. В некоторых странах после длившегося несколько лет снижения объемов производства уже начался их рост. Лучшим примером такой тенденции является Польша. Страны, где наблюдаются сходные явления, сгруппированы на рис. 1.2 (Польша, Венгрия, Словения, Чехия, Словакия, Хорватия и Эстония). Для другой группы стран характерен неуверенный выход из спада, когда после первоначального подъема наблюдается дальнейшее падение объемов производства. К этой группе, представленной на рис. 1.3, относятся Болгария и Румыния. В других странах имел место очень значительный спад производства, и эти страны далеки от полного восстановления исходных объемов производства (Латвия и Литва, рис. 1.4); к последней группе относятся страны, в которых после либерализации цен происходил непрерывный спад производства и признаков оздоровления экономики немного. Кажущийся перманентным гигантский обвал производства в странах этой последней группы представляет собой не только один из самых горьких сюрпризов переходного периода, но и ужасающую экономическую драму, имеющую

¹³ Мы приняли за дату начала либерализации цен 1984 г., так как именно в этом году в промышленности была в широком масштабе проведена дуальная либерализация цен. Если принять за эту дату 1978 г., когда были осуществлены деколлективизация и либерализация цен в сельском хозяйстве, то тенденция роста станет еще более впечатляющей.

важные, хотя и неизмеренные еще последствия, которые, скорее всего, будут долго ощущаться и в XXI в.

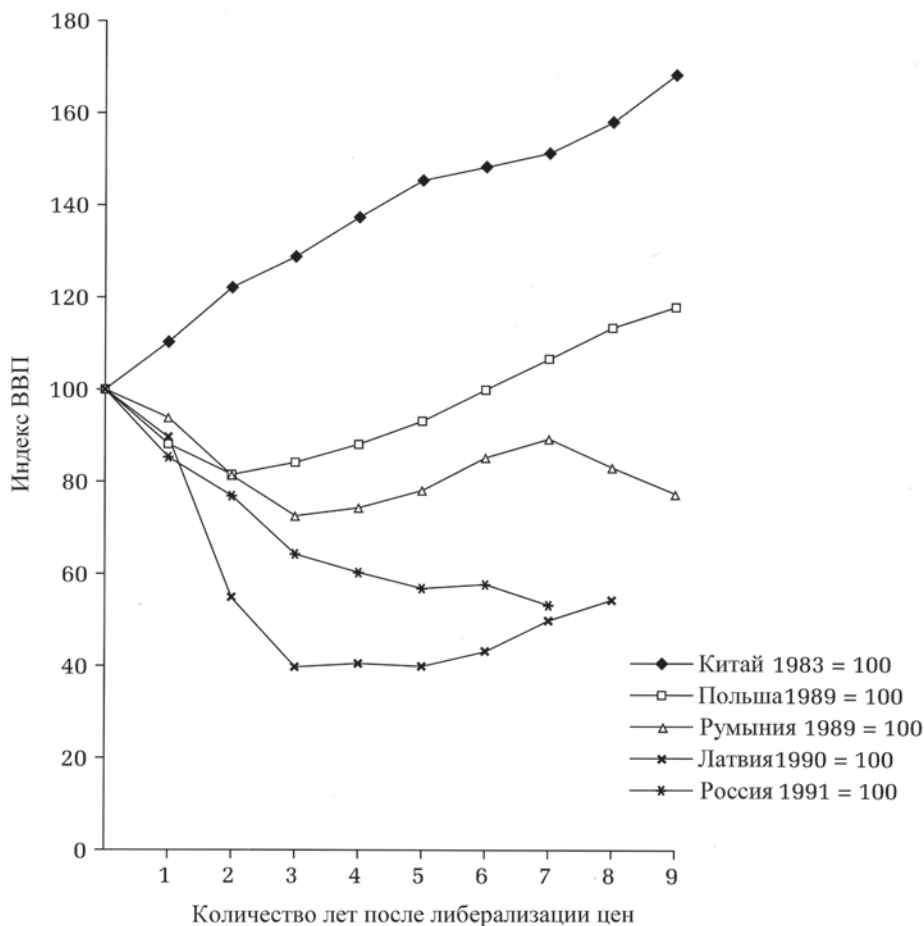

Рис. 1.1.

Однако сокращение объемов производства примерно на 50%, зарегистрированное во многих бывших советских республиках необходимо скорректировать с учетом оценок объемов теневой экономики. Используя данные о потреблении электроэнергии, Джонсон, Кауфман и Шляйфер (1998) оценивают долю неофициальной экономики в России и Украине соответственно в 27 и 26,4% в 1990–93 гг. и в 41,6 и 46,9% в 1995 г., что свидетельствует и о большой доле теневой экономики и о ее резком увеличении. Страны бывшего СССР, испытывавшие наибольший спад производства, одновременно продемонстрировали наиболее впечатляющее увеличение доли неофициальной экономики. Ввиду значительной неэффективности операций в теневой экономике, где отсутству-

ют власть закона и защищенность прав собственности, это увеличение доли теневой экономики не компенсирует крупномасштабное сокращение объемов производства, но придает ему менее апокалиптический вид. Почему в некоторых переходящих к капитализму странах экономика уходит в подполье — этот вопрос имеет большое значение.

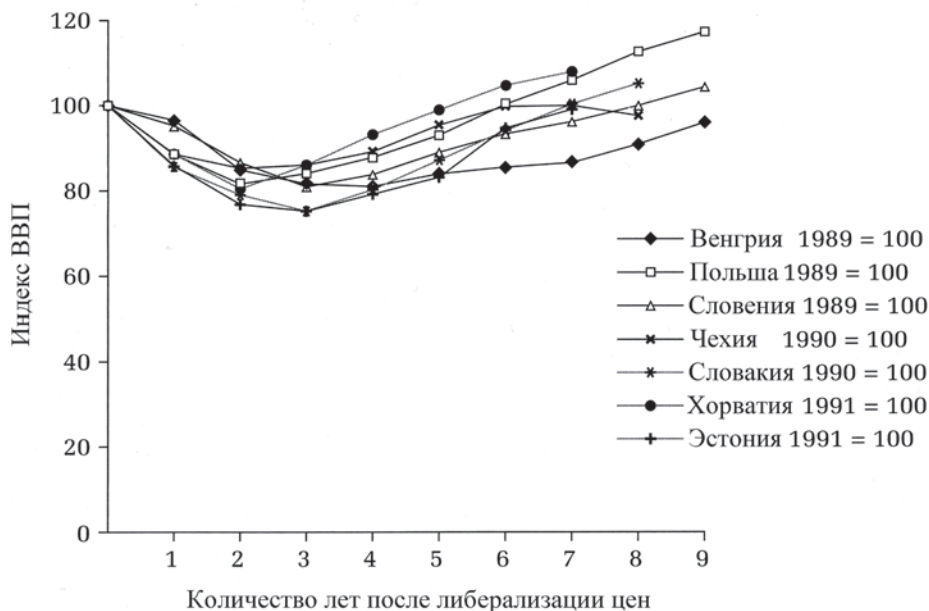

Рис. 1.2.

Рисунок 1.1 в некотором отношении является иллюстрацией той общей неопределенности, о которой говорилось ранее в этой главе. Лишь немногие из наблюдателей могли ожидать (если такие вообще были), что будет наблюдаться падение производства в столь значительных масштабах или такое расхождение в динамике объемов производства в различных переходных экономиках. Поэтому важно создать теории, способные объяснить и резкий спад производства в некоторых странах, и различия между, скажем, Китаем, Польшей и Россией.

Другие ключевые показатели переходного периода суммированы в табл. 1.4.

Одним из феноменов, наблюдавшихся в странах с переходной экономикой, было сокращение ожидаемой продолжительности жизни. Оно очевидным образом имеет место в России и Украине, в чуть меньшей степени — в Румынии и Болгарии. Неравенство возросло во всех странах с переходной экономикой, но наибольший рост отмечался в России и Украине. В странах Центральной Европы это увеличение неравенства было относительно умеренным, и коэффициент Джини, как правило, не достигал 30.

Рис. 1.3.

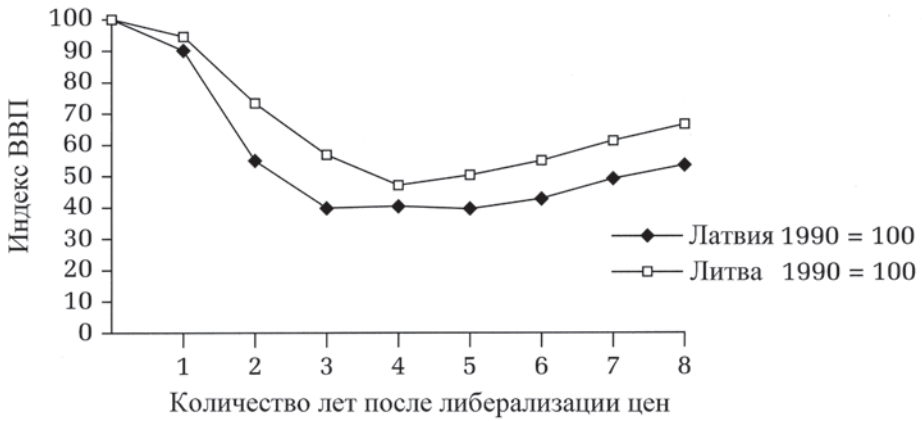

Рис. 1.4.

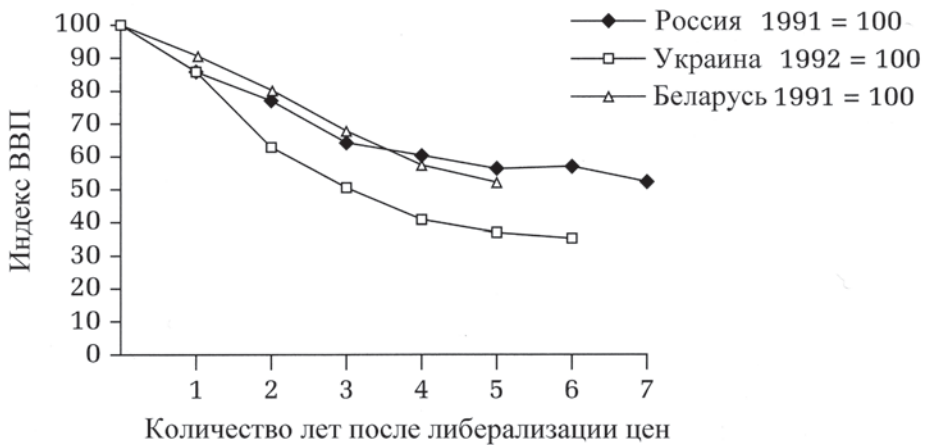

Рис. 1.5.

К цифрам ВВП на душу населения за 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы следует относиться чрезвычайно осторожно. Данные за 1998 г. свидетельствуют о значительном расхождении между различными странами с переходной экономикой: с одной стороны, Вьетнам — 314 долларов, с другой стороны — Словения с 10 160 долларами.

Таблица 1.4 *Обобщающие показатели отдельных стран с переходной экономикой*

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни на момент рождения		Неравенство (индекс Джини)		ВВП на душу населения (в постоянных долл./ США 1995 г.)	
	1989	1997	1987–1889	1993–1997	1989	1997
Россия	69,2	66,9	21,9	51,8	3900	2240
Украина	70,5	67,4	23	47,3	3500	1490
Польша	71	72,7	26	28	3050	3650
Венгрия	69,5	70,6	20,7	22,9	4820	4540
Чехия	71,7	73,9	19	27	5730	5110
Словения	72,7	74,7	22,9	22,3	8270 ^a	10160
Румыния	69,5	69	23	29	1680	1400
Болгария	71,8	70,7	23	34	1730	1270
Китай	70	70	36	41,5	340	670
Вьетнам	66	68	н.д.	35,7	202	314

Источники: Всемирный банк, Миланович (1998, 1999).

^a 1992 г.

1.5.3. Различия в реакции предприятий на изменения формы собственности и изменения в корпоративном управлении

В переходных экономиках уже сложился ряд различных структур собственности и управления корпорациями. Очевидно различие между государственными и частными предприятиями, однако действительность доказала, что и внутри этих категорий имела место значительная вариация показателей. Как отмечалось ранее, крупным сюрпризом китайских реформ стал рост муниципальных предприятий (МП), которые были главным источником роста экономики Китая в переходном периоде (см., например работу Берда и Квинсона, 1990). МП представляют собой не псевдочастные предприятия, а предприятия, которые принадлежат местным органам власти в сельских районах Китая и контролируются ими (Чи и Квиан, 1998а). Как можно объяснить тот

факт, что показатели МП превосходят показатели ГП? Еще один важнейший сюрприз, как отмечалось ранее, принесло наблюдение за реструктуризацией ГП до приватизации. Аналогичным образом среди приватизированных предприятий независимо от того, были ли они приватизированы в ходе массовой приватизации или проданы с торгов, приватизировали ли их инсайдеры или аутсайдеры, тип внешних собственников (разрозненные акционеры, инвестиционные фонды или зарубежные транснациональные корпорации), судя по всему, отражается на результатах работы предприятий.

Существуют важные эмпирические работы, основанные на данных, собранных на уровне фирм, в которых сделаны попытки определить, как влияют тип собственности и управления на показатели деятельности предприятий. Решить такую задачу нелегко из-за эффектов эндогенности и отбора. Регрессионные характеристики деятельности предприятий различных форм собственности могут быть дезориентирующими, поскольку показатели и внутренние характеристики фирмы могут оказывать влияние на форму самой приватизации. Имеющиеся на данный момент результаты таких исследований, которые мы рассмотрим в главе 10, позволяют предположить, что приватизация, осуществляемая инсайдерами или разрозненными акционерами, ваучерная приватизация или приватизация, осуществляемая с участием только ваучерных инвестиционных фондов, приносят худшие результаты по сравнению с приватизацией, осуществляемой аутсайдерами.

Растущее количество эмпирического материала требует создания теорий, позволяющих сравнивать различные структуры собственности и управления и более точно понимать разнообразные связи, существующие между реструктуризацией и приватизацией. Важно понять те специфические каналы, посредством которых государственная собственность и различные формы частной собственности оказывают влияние на стимулы, которые определяют деятельность руководителей фирм.

1.5.4. РЕЗЮМЕ

Мы выделили три важных комплекса вопросов, встающих в связи с опытом перехода к капитализму: (1) как следует понимать различия в стратегиях перехода с учетом исходных условий, существовавших в каждой стране? (2) Как следует понимать различия в макроэкономических показателях после либерализации цен? (3) Как следует понимать различия в показателях деятельности предприятий, зависящих от изменений форм собственности и изменений в управлении корпорациями? Эти комплексы вопросов будут поочередно рассмотрены в трех частях книги.

ЧАСТЬ I

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
И СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ**

ГЛАВА 2

ПОЛИТИКА РЕФОРМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

2.1. ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

С одной стороны, политики часто критикуют экономистов за то, что те, формулируя политические советы, не учитывают существующих политических ограничений. С другой стороны, экономисты часто обвиняют политиков в неспособности к решительным действиям или в проведении неподготовленных реформ. Должны ли экономисты учитывать политические ограничения при формулировании политических советов или нет — этот вопрос остается предметом дебатов в кругах ученых-экономистов, однако в реальной жизни при принятии политических решений невозможно не считаться с политическими ограничениями. Разумеется, невозможно игнорировать эти ограничения и при изучении экономических реформ.

Политические ограничения, по-видимому, играли важную роль в реальном процессе перехода от социализма к капитализму. В России прежний парламент в 1992 и 1993 гг. препятствовал осуществлению планов стабилизации экономики, и сменявшие друг друга начиная с 1992 г. парламенты продемонстрировали сильное неприятие рыночных реформ. Политические ограничения, кроме того, играли важную роль при принятии решений, касавшихся проведения реформ. Наиболее известным примером является российский план приватизации. Бойко, Шляйфер и Вишны (1995) утверждали, что главные аргументы в пользу раздачи государственных активов в России носили не экономический, а политический характер и что любой другой план приватизации, помимо выбранного, был бы в то время отвергнут политическим процессом.

В Польше политические ограничения сыграли важную роль при проведении приватизации и реструктуризации предприятий. Польский план массовой приватизации, в основе которого лежали ваучерная приватизация и учреждение чековых инвестиционных фондов, в течение по меньшей мере трех лет блокировался парламентом и был одобрен лишь в апреле 1993 г. после многочисленных поправок, изменений и пересмотров. Когда этот план достиг стадии осуществления, он уже утратил движущий импульс.

В Чехословакии политические ограничения, препятствующие осуществлению приватизации и реструктуризации, имели более четкую географию. В

Словакии они имели большее значение, чем в Чехии? и это различие сыграло важную роль в распаде страны.

В Венгрии наблюдались политические ограничения, имевшие отношение к приватизации. Создание Государственного агентства приватизации отчасти явилось реакцией на опасения по поводу сопротивления общества спонтанной приватизации (Дэвис и Кондон, 1994).

Во всех странах с переходной экономикой политические ограничения, кроме того, играли важную — и различную — роль в блокировании некоторых составных частей процесса реструктуризации. Планы, предусматривавшие резкое сокращение субсидирования государственных предприятий, зачастую не могли воплотиться в жизнь. Сокращения налогового субсидирования фирм, которых требовал МВФ, часто превращались в скрытое субсидирование, принимавшее форму банковских кредитов и взаимной задолженности предприятий друг другу. Отмечалось сильное сопротивление работников закрытию неэффективных государственных предприятий, о чем свидетельствовал пример завода «Урсус» в Польше и многочисленные иные примеры во всех странах с переходной экономикой.

Приведенные примеры не являются исчерпывающими? и можно вспомнить многие другие политические ограничения, существующие в экономиках, совершающих переход к капитализму.

В этой главе мы анализируем влияние, которое политические ограничения оказывают на оптимальные скорость и последовательность проведения реформ в условиях неопределенности. В разделе 2.2 мы вводим понятия политических ограничений *ex ante* и *ex post*, имеющие большое значение для анализа динамики процессов реформирования и сопротивления реформам в условиях неопределенности. В разделе 2.3 мы анализируем стратегии реформирования в условиях, когда существует только индивидуальная неопределенность в отношении результатов реформ, и демонстрируем, что шоковый подход к реформам, в целом, является доминирующим. В разделе 2.4 мы анализируем проблему выбора между шоковым и градуалистским подходами в условиях общей неопределенности. Общая неопределенность может сделать градуалистский подход оптимальным, так как он обеспечивает гибкость при осуществлении реформ. В разделе 2.5 мы анализируем вопросы оптимальной последовательности реформ в тех случаях, когда оптимальными являются стратегии постепенного реформирования. В разделах 2.6 и 2.7 дается подробный анализ некоторых аспектов стратегий реформирования в рамках данной главы. Раздел 2.6 посвящен эндогенным взаимодействиям между реакцией (иностранных) инвестиций, стратегиями и результатами реформирования и политическим риском. В разделе 2.7 дается дальнейшее развитие анализа осуществления реформ: сравнение влияния восточноевропейских (советского типа) и китайских организационных форм централизованного планирования доказывает, что последние обеспечили большие, по сравнению с первыми, возможности

для экспериментирования с реформами. На протяжении всей главы в центре нашего анализа находится сравнение шокового и градуалистского подходов, а в случае последнего подхода — и оптимальная последовательность реформ. Мы не анализируем вопросы разработки трансфертных схем, обеспечивающих выплату компенсации тем, кто пострадал от реформ, — данные вопросы будут подробно анализироваться в следующей главе, где мы рассмотрим влияние политических ограничений на реформы в условиях отсутствия неопределенности.

2.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ *EX ANTE* И *EX POST*

Рассматривая политические ограничения, целесообразно проводить различие между политическими ограничениями *ex ante* (предшествующими осуществлению реформы) и *ex post* (последующими, возникающими после или в процессе проведения реформы). Вслед за Роланом (1994) мы определяем политические ограничения *ex ante* как факторы, ограничивающие круг осуществимых решений, которые могут быть приняты реформаторами, а политические ограничения *ex post* — как факторы, создающие возможность отказа от уже принятых решений и возвращения к исходной ситуации, после того как результаты решений стали известны. Эти два типа политических ограничений требуют различных подходов. Наличие ограничений *ex ante* влечет за собой либо необходимость принятия компромиссных планов реформ, либо разработки внушающих доверие компенсаций для тех, чье положение ухудшится в результате проведения реформ, либо необходимость отложить принятие решений по радикальным программам реформирования. Для преодоления политических ограничений *ex post* предпринимаются попытки создания такой ситуации, в которой реформы становятся необратимыми.

В детерминированном мире политические ограничения *ex ante* и *ex post* окажутся одинаковыми. Однако если в период проведения реформы имеет место неопределенность, разрешаемая с течением времени, они могут существенно отличаться друг от друга. Формально это было впервые показано Фернандесом и Родриком (1991) в рамках модели либерализации торговли.¹ Однако их основная аргументация носит достаточно общий характер и может быть изложена весьма просто.

Предполагается бесконечный временной горизонт со ставкой дисконта, равной δ . Накануне проведения какой-либо реформы для всех индивидуумов существует одна и та же, равная p , вероятность улучшения их положения в

¹ В аналогичном духе выдержана модель Родрика (1995), в которой рассматривается политика реструктуризации, первоначально пользующаяся поддержкой работников государственного сектора, однако позднее отвергаемая ими.

результате реформы и получения ими чистого приведенного дохода $g > 0$; вероятность ухудшения положения после реформы и получения чистого приведенного дохода $l < 0$ составляет $1 - p$. Неопределенность носит чисто индивидуальный характер, и поэтому при достаточно большой численности населения в силу действия закона больших чисел величина p будет также характеризовать процентную долю населения, в конечном итоге выигравшую от проведения реформы. Будем считать, что при сохранении статус-кво доход равен 0. В момент $t = 0$ граждане голосуют за или против осуществления реформы. В случае одобрения реформы в момент $t = 0$ они могут провести повторное голосование по этому вопросу в момент $t = 1$. В этом случае они понесут издержки в размере ξ . Будем считать, что $l < -\xi$, так что проигравшие в результате реформы во всех случаях предпочтут возврат к исходной ситуации до реформы.

Если $p > 1/2$, то по окончании реформы большинство населения окажется в выигрыше, и в момент $t = 1$ выступит против любых попыток возврата к статус-кво. Однако если допустить, что население нейтрально по отношению к риску, то при $pg + (1 - p)l < 0$ реформа будет отвергнута до ее проведения всеми индивидуумами. Действительно, если людям известно, что единожды утвержденная реформа не будет пересмотрена впоследствии, они не станут утверждать ее, если ожидаемый доход отрицателен, — даже если в конечном счете большинство из них должно оказаться в выигрыше. Таким образом, вполне возможны ситуации, когда реформы, в конечном счете выгодные для большинства населения, отвергаются до их проведения. Однако если $p < 1/2$, то по окончании реформы большинство населения всегда потребует ее отмены. Соответственно даже если $pg + (1 - p)l > 0$, но при этом издержки возврата к статус-кво превышают ожидаемый доход за один период, т. е. $\xi > (1 - \delta)[pg + (1 - p)l]$ (что всегда справедливо для $\delta \rightarrow 1$), то реформа также не получит одобрения. В самом деле, люди будут знать, что вероятность последующей отмены реформы равна 1 и соответственно чистый финансовый результат проведения реформы составит $(1 - \delta)[pg + (1 - p)l] - \xi$, что хуже, чем нулевой результат в случае сохранения статус-кво. Для того чтобы реформы состоялись, они одновременно должны удовлетворять политическим ограничениям *ex ante* и *ex post*. Во всех остальных случаях реформы не будут одобрены. Именно по этой причине существует явление, которое Фернандес и Родрик называют *склонностью к сохранению статус-кво* и которое ведет к противодействию реформам. Для того чтобы прийти к этому несложному, но важному выводу, нет необходимости принимать допущение о том, что индивидуумы не склонны к риску. Необходимо лишь допустить наличие неопределенности, разрешаемой со временем в ходе реформ.

Важно отметить, что разрешение неопределенности со временем приводит к изменению преобладающего мнения относительно необходимости реформы. В случае, когда $pg + (1 - p)l < 0$ и $p > 1/2$, 100% голосующих до проведения

реформы выскажутся против нее, но после ее осуществления она получила бы поддержку у более чем 50% голосующих. В последующих разделах мы убедимся в том, что данный фактор изменения преобладающего мнения имеет большое значение при определении оптимальной последовательности проведения реформ.

2.3. ГРАДУАЛИЗМ И ПРОМЕЖУТОЧНАЯ СКЛОННОСТЬ К СОХРАНЕНИЮ СТАТУС-КВО

Рассмотрим теперь случай проведения двух реформ. В оставшихся разделах этой главы нашей целью будет анализ соотношений между шоковой стратегией, при которой обе реформы проводятся одновременно, и постепенным (градуалистским) подходом, при котором предлагается провести сначала одну реформу, а затем, по прошествии одного периода, после разрешения неопределенности в отношении результатов первой реформы, предлагается провести вторую реформу. При градуализме ожидаемые результаты и реализация реформ будут зависеть и от последовательности проведения этих реформ.

На протяжении всей главы мы исходим из наличия взаимодополняемости между реформами. Мы можем привести несколько примеров такой взаимодополняемости. Для начала допустим, что реформа № 1 — это развитие малого частного бизнеса, а реформа № 2 представляет собой реформирование государственного сектора экономики. Следуя за Мэрфи, Шлейфером и Вишны (1992), к работе которых мы вернемся в главе 6, мы можем сказать, что обе реформы обеспечат появление новых фирм и конкуренцию и увеличат предложение продукции, а также эффективность распределения ресурсов. Однако развитие сектора малого частного бизнеса без реформирования государственного сектора может привести к неэффективному отвлечению исходных ресурсов из государственного сектора — в том случае, если частный сектор может предлагать более высокие цены на эти ресурсы, а ГП не разрешено поступать подобным образом. Такое неэффективное отвлечение ресурсов может вызвать разрыв производственных связей в государственном секторе и создать ситуацию, которая с точки зрения благосостояния общества хуже, чем исходная ситуация. В качестве другого примера представим себе «пакет» реформ, обеспечивающих проведение приватизации. Реформы 1 и 2 могут, например проводиться в двух секторах экономики, в легкой и тяжелой промышленности. Частичная приватизация не является оптимальным решением, поскольку каждому сектору необходимо, чтобы другой сектор функционировал эффективно. Допустим, к примеру, что в секторе 1 требуется сократить производство, в то время как в секторе 2 производство необходимо увеличить. Если сектор 1 приватизирован, а сектор 2 не приватизирован, то сектор 1 может сократить численность занятых в нем работников, в то время как сектор

2 может оказаться не в состоянии воспользоваться возникшей возможностью для найма рабочей силы, необходимой для расширения его деятельности. Эта его неспособность может объясняться недостатком соответствующих стимулов или отсутствием финансовых возможностей (если правительство воздерживается от осуществления инвестиций из-за проведения политики стабилизации экономики или если частный сектор неохотно вкладывает деньги в неприватизированные фирмы). В любом случае, результат частичной приватизации — только в секторе 1 — окажется худшим по сравнению с тем результатом, который был бы достигнут в случае одновременного проведения приватизации в секторах 1 и 2. Можно привести много других примеров взаимодополняемости. Ван Вийнберген (1992) и Бойко (1992), например смоделировали взаимодополняемость при либерализации цен. Гейтс, Милгром и Робертс (1993) смоделировали взаимодополняемость между либерализацией цен и изменениями стимулирования, Беннетт и Диксон (1995) — между приватизацией и политикой поощрения конкуренции (модель взаимодополняемости в реформировании см. в работе Фридмана и Джонсона 1996 г). В реальной действительности степень взаимодополняемости будет в очень большой степени зависеть от того, какие конкретно реформы рассматриваются, от деталей проектирования и осуществления каждой реформы и от начальных условий, существовавших в рассматриваемой стране.

Тип неопределенности и обучение² в процессе реформирования играют ключевую роль при сравнении различных стратегий реформирования. В частности при наличии общей неопределенности, как мы убедимся в дальнейшем, градуалистская стратегия, благодаря ее гибкости и ценности с точки зрения экспериментирования может оказаться способом преодоления склонности к сохранению статус-кво. И наоборот, когда неопределенность является чисто индивидуальной или уникальной, как в модели Фернандеса и Родрика (1991), градуалистский подход всегда уступает шоковому. Он не только не преодолевает склонность к сохранению статус-кво, но порождает дополнительную склонность такого рода, а именно промежуточную склонность к сохранению состояния статус-кво, когда определенные заинтересованные круги могут заблокировать процесс реформирования.³ Мы проанализируем вначале случай чисто индивидуальной неопределенности.

Итак, мы расширяем рамки анализа Фернандеса и Родрика, предусматривая проведение двух реформ. Реформа 1 приносит части населения p_1 чистую

² Под обучением в данной главе понимается выявление информации о возможных результатах реформ с тем чтобы принять решение об их проведении или отмене. — *Прим. ред. пер.*

³ В следующей главе мы убедимся в том, что при отсутствии каких-либо форм неопределенности шоковый подход не обязательно является предпочтительным, так что существует проблема выбора между шоковым и градуалистским подходами к проведению реформ.

приведенную выгоду $g_1 > 0$, а части населения $(1 - p_1)$ — чистый приведенный убыток $l_1 < 0$. Аналогичным образом реформа 2 приносит части населения p_2 выгоду $g_2 > 0$, а части населения $(1 - p_2)$ — убыток $l_2 < 0$. Обозначим буквой ξ издержки отмены обеих реформ после их осуществления, а ξ_1 — издержки отмены реформы 1 при осуществлении стратегии постепенного реформирования. Мы считаем, что в последнем случае процесс реформирования начинается с реформы 1. Реформы считаются статистически независимыми. Поэтому в случае одобрения осуществления обеих реформ — и постепенного, и одно-временного — распределение выгод и убытков является следующим:

$$\begin{aligned} & \text{Результат } g_1 + g_2, g_1 + l_2, l_1 + g_2, l_1 + l_2 \\ & \text{Доля населения } p_1 p_2, p_1(1 - p_2), (1 - p_1) p_2, (1 - p_1)(1 - p_2) \end{aligned}$$

Примем без потери общности, что $g_1 + l_2 > l_1 + g_2$. Как и в случае с проведением одной реформы необходимо прежде всего отметить, что поскольку неопределенность является индивидуальной, а не общей, то заранее известно с вероятностью, равной 1, будет ли в случае одобрения реформ иметь место последующий возврат в исходное состояние. Если он будет иметь место, то, как мы видели ранее, реформы не будут одобрены, коль скоро издержки возврата в исходное состояние (отмены реформ) остаются достаточно большими или в том случае, если $\delta \rightarrow 1$. Таким образом, реформы будут одобрены только тогда, когда возврата в исходное состояние не будет.

Рассмотрим теперь шоковую стратегию, при которой обе реформы осуществляются одновременно. Возврата в исходное состояние не будет, если реформы выгодны для большинства населения. Допустим, что $p_1 < 1/2$, а $p_1 + (1 - p_1)p_2 > 1/2$; в этом случае медианный избиратель получает $l_1 + g_2$. В том случае, если $l_1 + g_2 > -\xi$ возврата в дореформенное состояние не будет никогда. Отметим, что после осуществления обеих реформ тип изначальной стратегии — шоковый или градуалистский — уже не влияет на принятие решения относительно возврата в дореформенное состояние. Если вернуться к случаю шоковой стратегии, то решение в пользу проведения реформ будет принято в том случае, если:

$$p_1 g_1 + (1 - p_1) I_1 + p_2 g_2 + (1 - p_2) I_2 > 0 \tag{2.1}$$

Рассмотрим теперь градуалистский подход. Смоделируем взаимодополняемость, приняв, что ожидаемый результат реформы 1 снижается на величину γ . Идея наличия взаимодополняемости выражается также допущением, согласно которому:

$$g - \gamma < -\xi_1 \tag{2.2}$$

т. е. возврат в исходное состояние всегда является более предпочтительным, чем сохранение результатов частичной реформы. Если реформы никогда не будут пересмотрены, то ожидаемый результат при градуализме составит:

$$(1 - \delta)[p_1 g_1 + (1 - p_1)I_1 - \gamma] + \delta[p_1 g_1 + (1 - p_1)I_1 + p_2 g_2 + (1 - p_2)I_2] \quad (2.3)$$

Из выражения (2.3) очевидно, что результат, ожидаемый при градуализме и отсутствии возврата в исходное состояние, строго хуже, чем аналогичный результат, ожидаемый при шоковом подходе. В самом деле, ввиду наличия взаимодополняемости, после осуществления одной лишь реформы 1 будет иметь место промежуточное ухудшение (из соотношения (2.2) следует, что $p_1 g_1 + (1 - p_1)I_1 - \gamma < 0$). Более того, в этом случае задерживается полное реформирование, имеющее положительный ожидаемый результат.

Из-за наличия взаимодополняемости после осуществления реформы 1 встает выбор — следует ли переходить к проведению оставшихся реформ или же лучше вернуться к исходному состоянию. Сейчас мы продемонстрируем, что градуалистский подход может быть менее благоприятным вариантом при одних и тех же допущениях в отношении результатов *ex ante* и *ex post*. Действительно, так как $p_1 < 1/2$, то ключевую роль среди избирателей, решающих, следует ли вернуться назад или необходимо одобрить проведение реформы 2, играют те, кто в результате реформы 1 понесли убыток l_1 . Таким образом, вполне возможно, что для этой группы избирателей ожидаемая выгода от продолжения реформ окажется меньше, чем выигрыш от возврата к статус-кво; т. е. возможно, что $l_1 + p_2 g_2 + (1 - p_2)I_2 < -\xi_1$, притом что соотношение (2.1) по-прежнему выполняется. В этом случае постепенная стратегия всегда будет приводить к возврату в дореформенное состояние — в отличие от шоковой стратегии, что делает первую менее привлекательной и с точки зрения *ex ante*.

Если принять, что $\delta \rightarrow 1$, с тем чтобы исключить любые эффекты дисконтирования — то единственной переменной, имеющей значение при сравнении стратегий, будет различие в решениях о возврате назад (отмене реформ). Для различных значений параметров p , g , и li возврат назад при шоковом подходе никогда не может встречаться чаще, чем при градуализме, а при градуализме он может быть более частым, чем при шоковом подходе. Поэтому градуализм никогда не может быть строго лучше шокового подхода, а в некоторых случаях первый оказывается хуже второго. В самом деле, возможны три случая:

1. При градуализме возврат назад в промежутке между реформами не имеет места; в таком случае его результат идентичен результату шокового подхода при $\delta \rightarrow 1$.
2. При градуализме в промежутке между реформами имеет место возврат назад, и такой же возврат назад будет иметь место после двух реформ; в этом случае никогда не будет предпринята ни одна из реформ.
3. При градуализме имеет место возврат назад в промежутке между реформами, но не после проведения двух реформ; в таком случае градуалистский

подход строго уступает шоковому, когда последний имеет положительный ожидаемый результат.

Так как неопределенность является только индивидуальной, вероятность возврата в дореформенное состояние всегда равна либо 0, либо 1. Когда возврат назад в промежутке между реформами не имеет места, а шоковая стратегия имеет положительный ожидаемый результат, градуалистский подход строго хуже шокового, так как он приводит к промежуточному ухудшению и задержке полного осуществления реформ. Когда имеет место возврат назад в промежутке между реформами, а шоковая стратегия имеет положительный ожидаемый результат, градуалистский подход влечет за собой промежуточную склонность к сохранению статус-кво, отсутствующую при шоковом подходе, что делает последний строго более предпочтительным по сравнению с первым. Важным преимуществом шокового подхода над градуалистским в условиях индивидуальной неопределенности является то, что он, никогда не уступая постепенному подходу, позволяет к тому же связать воедино различные реформы, что предотвращает склонность к сохранению статус-кво, связанную с проведением отдельных реформ.

2.4. ОБЩАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Теперь мы введем общую неопределенность и продемонстрируем, что в этом случае существует проблема выбора между шоковым подходом и градуализмом и что последний может быть предпочтительнее первого.

2.4.1. Проблема выбора между шоковым подходом и градуализмом

Мы следуем общей модели Дьюатрипона и Ролана (1995, 1997). Для простоты мы предполагаем в этом разделе наличие репрезентативного агента. Действительно, уже в рамках модели с репрезентативным агентом при наличии лишь общей неопределенности можно получить немало результатов. В разделе 2.5 мы вводим разнородность индивидуумов. За исключением этого, модель, принятая в настоящем разделе, является довольно общей. В разделе 2.5 будет использован ее упрощенный вариант.

Рассмотрим две реформы $i = 1, 2$ с неопределенными результатами, которые зависят от соответствующих состояний природы O_{1j} ($j = 1, 2 \dots J$) и O_{2k} ($k = 1, 2 \dots K$). Как отмечалось в главе 1, общая неопределенность является важным компонентом перехода к капитализму. Неясно, окажется ли результат перехода более близким к западногерманскому экономическому чуду или же он будет ближе к Веймарской республике, не говоря уже о бывшей Югославии.

Аналитики переходных экономик слишком часто в неявной форме исходят из того, что окончательным результатом перехода будет какая-то версия западно-германского чуда. В более общем плане допущение общей неопределенности в очень значительной степени отражает наше неведение в том, что касается процесса перехода, а также аналогичное неведение самих действующих лиц. Данное неведение хорошо отражено в заглавии недавно вышедшей книги Шлейфера и Трейсмана (2000), посвященной политической тактике российских реформаторов, — «Без карты». Предположение о наличии общей неопределенности, кроме того, может отражать тот факт, что такой процесс крупномасштабных институциональных изменений подразумевает интенсивную координацию деятельности экономических агентов. Из этого, как правило, следует множественность равновесий, причем никто не знает заранее, какое равновесие будет выбрано. Предположение о наличии общей неопределенности является реалистическим и плодотворным не только в контексте перехода к капитализму. Оно может применяться и к другим ситуациям, в которых несомненно присутствует неопределенность в отношении конечного результата: введению единой валюты в Европе, вступлению стран Центральной Европы в Европейский союз или самому процессу европейской интеграции. Можно без труда подобрать и другие, неевропейские примеры.

После осуществления обеих реформ («полного реформирования») чистый приведенный выигрыш типичного индивида составляет $F(O_{1j}, O_{2k}, t)$ при реализациях O_{1j} и O_{2k} . Если была осуществлена только реформа i («частичное реформирование») чистый приведенный выигрыш типичного индивида составляет $P(O_{1m}, t)$ при реализации O_{1m} .

Для простоты будем считать, что при осуществлении обеих реформ выигрыш инвариантен во времени: $F(O_{1j}, O_{2k}, t) = F(O_{1j}, O_{2k})$ и $P(O_{1m}, t) = P(O_{1m})$ для всех t . Будем считать, кроме того, что выигрыш за один период также инвариантен во времени и определяется формулами $f(O_{1j}, O_{2k}) = [F(O_{1j}, O_{2k})]/[1 - \delta]$ и $p(O_{1m}) = [P(O_{1m})]/[1 - \delta]$.⁴ В целях упрощения $F(O_{1j}, O_{2k})$ считается независимой от последовательности реформ. Эта величина остается одинаковой, независимо от того, осуществляется ли первой реформа 1 или реформа 2. Таким образом, эффекты зависимости от пути, связанные с последовательностью реформ, отсутствуют по определению. Это упрощающее допущение представляет собой очевидное ограничение анализа, приводимого в этом разделе. Читатель не должен забывать об этом. В последующих главах мы увидим, что результат реформ может зависеть от скорости и последовательности

⁴ Последнее допущение очевидным образом представляет собой упрощение, и влияние частичного реформирования на благосостояние со временем, скорее всего, будет ослабевать. Мы исходим из того, что снижение уровня благосостояния происходит немедленно. Это приводит к тому, что частичное реформирование и градуалистский подход к реформам выглядят у нас хуже, чем они есть в реальности.

их проведения. Однако в настоящий момент данное допущение полезно для аналитического выявления главных проблем политического выбора между шоковым и градуалистским подходами.

Взаимодополняемость реформ моделируется путем принятия допущения, согласно которому $P() < F()$. Мы исходим из того, что для выявления $F()$ и $P()$ требуется один период. Важно отметить, что несмотря на взаимодополняемость, осуществление одной реформы дает нам информацию о $F()$, получаемую путем наблюдения $P()$. Действительно, так как $P(O_{1m})$ принимает некоторое определенное значение для каждого значения O_{1m} , наблюдение $P()$ означает наблюдение разбиения множества значений O_{1m} . Таким образом, величина выигрыша от частичного реформирования потенциально могут давать информацию о вероятных выигрышах от полного осуществления реформ, а точность получаемого знания будет зависеть от того, насколько тонким является это разбиение. Это разбиение может включать в себя единственный элемент ($N_i = 1$). В этом случае мы ничего не узнаем о перспективах полного реформирования. Однако разбиение может включать в себя до J или K элементов, соответственно для реформ 1 и 2 ($N_i = J$ или K), и в этом случае мы получим полное представление о O_{1m} . В реальной действительности, в зависимости от того, является ли разбиение тонким или грубым, наши знания будут более или менее полными.⁵ Мы считаем N_i заданным. Таким образом, варьирование N_i остается в качестве объекта исследования сравнительной статистики. При заданном N_i обозначим элемент разбиения через S_{in} . Переменная S_{in} может рассматриваться как «сигнал», наблюдаемый при осуществлении реформы i . Эта формулировка имеет достаточно общий характер, поскольку соответствующие разбиения рассматриваемых ситуаций могут быть охарактеризованы различными показателями — например объемом начатых инвестиций, числом новых частных предприятий, результатами внешней торговли и т. д. Если вернуться к нашему примеру с развитием малого частного бизнеса, то, хотя данная реформа и может привести к искажению распределения ресурсов, ее осуществление может выявить информацию, которая будет полезной при оценке перспектив полного реформирования. Оно может, например выявить уровень развития предпринимательского духа в данной экономике, даже если этот дух предпринимательства приводит к неблагоприятным эффектам в контексте частичной реформы.

Мы ранжируем сигналы в терминах ожидаемых результатов полного реформирования.⁶

⁵ Мы могли бы допустить, что со временем разбиение становится более тонким. Такое допущение представляло бы собой интересное расширение модели.

⁶ Здесь неявно предполагается, что более грубое разбиение содержится в более тонком. — *Прим. ред. пер.*

$$n > n' \Rightarrow E_{jk} \left[F(O_{1j}, O_{2k}) | S_{in} \right] \geq E_{j,k} \left[F(O_{1j}, O_{2k}) | S_{in'} \right]$$

«Выигрыш при бездействии» принимается равным нулю и представляет в редуцированной форме эволюцию экономики в том случае, когда рассматриваемый пакет реформ не осуществляется (однако альтернативный пакет может быть осуществлен). Поскольку $P(\cdot)$ и $F(\cdot, \cdot)$ могут быть отрицательными величинами, отказ от реформ в пользу исходного состояния может оказаться оптимальным решением. После отказа от данного пакета реформ экономика возвращается к своему «выигрышу при бездействии». Возьмем в качестве примера случай, когда «инсайдерская приватизация» проваливается, так как менеджеры, вместо того чтобы оптимальным образом управлять контролируруемыми ими активами, начинают растрчивать их. Причинами такого поведения могут быть некомпетентность, боязнь перехода предприятий в чужие руки или боязнь возврата к прежней политике. В этом случае, возможно, придется отменить инсайдерскую приватизацию, с тем чтобы прекратить растрату активов и попытаться выработать лучшую стратегию приватизации.

Пусть ξ_i — издержки отмены реформы i в том случае, когда она была единственной осуществленной реформой. Если обратиться к примеру с инсайдерской приватизацией, то ее отмена сопряжена со значительными издержками, так как правительству необходимо вернуть себе контроль над активами для того чтобы испробовать другой метод приватизации (например передать контроль над активами группам внешних инвесторов) или сохранить активы в государственной собственности. Аналогичным образом ξ — издержки отмены обеих реформ. Издержки, связанные с отменой реформ, несет типичный агент. Будем считать, что $0 < \max \{ \xi_1, \xi_2 \} < \xi \leq \xi_1 + \xi_2$; это означает, что отмена одной реформы связана с меньшими издержками, чем отмена обеих реформ. Интуиция подсказывает, что отмена инсайдерской приватизации в двух секторах экономики обойдется дороже, чем ее отмена в одном секторе. Если вернуться к еще одному рассматривавшемуся ранее примеру, то представляется очевидным, что в случае ликвидации малого частного бизнеса в экономике, не реформированной во всех прочих отношениях, население в целом понесет меньшие издержки, чем в случае восстановления контроля над ценами, денационализации и т. д. Это допущение относительно издержек отмены реформ для частичного и полного реформирования будет играть важную роль в нашем дальнейшем анализе.

Кроме того, мы снова учитываем идею взаимодополняемости между реформами, полагая, что $P(O_{im})$ всегда отрицательно и меньше, чем (отрицательный) выигрыш от отмены реформы — ξ_i , так что частичное реформирование как таковое никогда не является привлекательным. На более общем уровне это допущение отражает идею «отсутствия третьего пути» между

капитализмом и социализмом — идею, которая высказывалась многими учеными, исследовавшими проблемы переходного периода (см., например работу Корнаи 1998 г). И опять-таки степень нежизнеспособности частичного реформирования в долгосрочной перспективе будет зависеть от многих деталей институционального характера. В данный момент мы просто принимаем, что частичное реформирование в долгосрочной перспективе нежизнеспособно.

Перейдем теперь к анализу модели. С учетом возможности отмены реформ после разрешения неопределенности и допущения, согласно которому обучение имеет место по истечении одного периода, мы можем определить «шоковый» выигрыш BB , получаемый при одновременном осуществлении обеих реформ:

$$BB = (1 - \delta) E_{j,k} F(O_{1j}, O_{2k}) + \delta E_{j,k} \max \{-\xi, F(O_{1j}, O_{2k})\} \quad (2.4)$$

Таким образом, в течение одного периода имеет место результат $F(O_{1j}, O_{2k})$, после чего можно принять решение относительно отказа от данного пакета реформ.

При градуалистском подходе в течение одного периода проводится реформа 1. После того как стала известна величина $P(O_{1j})$, может иметь место либо отмена реформы с возвратом к статус-кво, либо переход к осуществлению реформы 2. Вспомним, что частичное реформирование заведомо хуже любого из этих вариантов. Когда осуществлены обе реформы, они также могут быть отменены спустя один период — точно так же, как и в случае шокового подхода. Обозначим эту стратегию и последовательность реформ GR_{12} ⁷.

Допустим, что сначала была осуществлена реформа 1 и был получен сигнал S_{1n} . Тогда выигрыш от продолжения реформирования $R_2(S_{1n})$ составит:

$$R_2(S_{1n}) = (1 - \delta) E_{j,k} [F(O_{1j}, O_{2k}) | S_{1n}] + \delta E_{j,k} \max \{-\xi, F(O_{1j}, O_{2k}) | S_{1n}\}. \quad (2.5)$$

Поскольку ожидание $F(\cdot)$ возрастает по n , определим \tilde{n} таким образом, что $R_2(S_{1n}) \geq -\xi_1$, в том, и только в том случае, когда $n \geq \tilde{n}$. Другими словами, отмена реформы имеет место только при сигналах, худших, чем $S_{1\tilde{n}}$. Тогда выигрыш *ex ante* от постепенного реформирования, начинающегося с реформы 1, GR_{12} , составит:

$$GR_{12} = (1 - \delta) E_j P(O_{1j}) + \delta \text{Prob}(n < \tilde{n})(-\xi_1) + \delta \text{Prob}(n \geq \tilde{n}) E_{n \geq \tilde{n}} [R_2(S_{1n})], \quad (2.6)$$

⁷ Заметим, что другие стратегии уступают данной. Например «циклическая стратегия», т. е. осуществление какой-то реформы, ее отмена, повторение реформы и т.д. является расточительной, т. к. в этом случае каждый раз имеют место издержки, связанные с отменой реформы. В силу аналогичной причины стратегия, при которой после отмены реформы 1 опробуется реформа 2, хуже, чем GR_{12} .

где приняты следующие обозначения. Если p_n представляет собой вероятность сигнала S_{1n} , $n = 1, \dots, \tilde{n}, \dots, N_j$ то

$$\text{Prob}(n < \tilde{n}) \equiv \sum_{n=1}^{\tilde{n}-1} p_n \quad \text{и} \quad E_{n \geq \tilde{n}} [R_2(S_{1n})] \equiv \sum_{n=\tilde{n}}^{N_j} \frac{p_n}{p_{\tilde{n}} + \dots + p_{N_j}} R_2(S_{1n}).$$

Мы можем переписать выражение для GR_{12} , заметив, что

$$BB = \text{Prob}(n < \tilde{n}) E_{n < \tilde{n}} [R_2(S_{1n})] + \text{Prob}(n \geq \tilde{n}) E_{n \geq \tilde{n}} [R_2(S_{1n})] \quad (2.7)$$

Тогда мы получим

$$GR_{12} = (1 - \delta) E_j P(O_{1j}) + \delta BB + \delta \text{Prob}(n < \tilde{n}) \left\{ \xi_1 - E_{n < \tilde{n}} [R_2(S_{1n})] \right\}. \quad (2.8)$$

В правой части уравнения (2.8) имеются три члена, которые позволяют нам сравнить шоковый и градуалистский подходы. Первый член, $(1 - \delta) E_j P(O_{1j})$, всегда < 0 . Он характеризует промежуточные тяготы в первом периоде при градуализме, вызываемые сильными эффектами взаимодополняемости между реформами. Второй член характеризует задержку реформирования по сравнению с шоковым подходом, которая может быть связана со значительными издержками. Отсрочка наносит ущерб при $BB > 0$, но при $BB < 0$ дело обстоит иначе. Эти два элемента уже присутствовали в анализе индивидуальной неопределенности. Наиболее интересен третий член, характеризующий ценность варианта ранней отмены реформ.⁸ Если существует \tilde{n} , то $\left\{ \xi_1 - E_{n < \tilde{n}} [R_2(S_{1n})] \right\} > 0$.

Действительно, согласно определению \tilde{n} , $R_2(S_{1n}) < -\xi_1$ для $n < \tilde{n}$. Таким образом, нетрудно увидеть, что $E_{n < \tilde{n}} [R_2(S_{1n})] < -\xi_1$. Если $\text{Prob}(n < \tilde{n}) > 0$, то ценность варианта ранней отмены реформ будет строго положительной.

Уравнение (2.8) позволяет нам понять, когда оптимальной стратегией может быть шоковый или градуалистский подход, а также понять проблему выбора между ними, исходя из критерия максимизации ожидаемого *ex ante* выигрыша от перехода к капитализму. Для оптимальности шокового подхода достаточно какого-либо подходящего сочетания следующих обстоятельств: (1) слишком сильны промежуточные тяготы [$E_j P(O_{1j}) < < 0$]; (2) частичное реформирование не дает знаний ($N_j = 1$) — в этом случае ценность варианта ранней отмены реформ, естественно, равна нулю — или же знание все же может быть получено, но варианта ранней отмены реформ не существует (не существует $n < \tilde{n}$); (3) ожидаемый результат пакета шоковых реформ является положительным и большим. Градуалистский подход может быть оптимальным тогда, когда имеет место какое-либо достаточное сочетание следующих условий: (1) $BB < 0$; (2) ценность варианта ранней отмены реформ достаточно

⁸ Третий член равен сумме денег, которую нейтральный к риску агент был бы готов уплатить в нулевом периоде за право (опцион) на отмену первой реформы после первого периода, если продолжение реформ окажется для него невыгодным. — Прим. ред. пер.

высока; (3) $EP(O_{1j})$ не имеет j слишком большого отрицательного значения. Заметим, что если $\delta \rightarrow 1$, то $GR_{12} > BB \leftrightarrow 0 < \text{Prob}(n < \tilde{n}) < 1$.

При градуализме существует вариант, отсутствующий при шоковом подходе, а именно ранняя отмена реформ с меньшими издержками. При шоковом подходе существует выбор — либо сохранить статус-кво, либо узнать результат полного реформирования. В последнем случае, однако если общий результат реформирования окажется плохим, отмена реформ будет сопряжена с очень значительными издержками. При градуализме имеется дополнительный вариант, а именно вариант экспериментирования или частичного обучения с возможностью ранней отмены реформ в том случае, если после первоначальной частичной реформы перспективы полного реформирования представляются достаточно плохими. Высокие издержки отмены реформ при шоковом подходе могут рассматриваться как преимущество с точки зрения политических ограничений *ex post*, поскольку они уменьшают обратимость осуществляемых реформ. С точки зрения политических ограничений *ex ante* высокие издержки отмены реформ могут сделать шоковый подход непривлекательным или даже неприемлемым по сравнению с состоянием статус-кво. Поскольку градуалистский подход обеспечивает дополнительный вариант с ранней отменой реформ после частичного разрешения неопределенности, этот подход может облегчить начало реформирования.

Для того чтобы градуалистский подход был оптимальным, первая реформа должна быть информативной: вероятность ранней отмены реформ [$\text{Prob}(n < \tilde{n})$] должна быть меньше 1 (в противном случае оптимальным вариантом является сохранение статус-кво) и больше 0 (иначе шоковая стратегия предпочтительнее градуализма). Чем мельче разбиение состояний природы, о котором поступают сигналы, тем выше шансы на то, что первая реформа будет информативной в указанном выше смысле.

Градуалистский подход будет предпочтительнее шокового тогда и только тогда, когда выполняется это условие информативности при условии, что обучение происходит достаточно быстро, т. е. если величина δ достаточно близка к единице.⁹ В противном случае он не сможет превзойти шоковый подход. Заметим, что при достаточно быстром обучении необходимое условие информативности заключается в том, что ранняя отмена реформ связана с меньшими издержками, чем отмена полностью осуществленных реформ. Нетрудно увидеть, что если $\xi_1 = \xi$ при $\delta \rightarrow 1$, то вариант, при котором сначала узнается результат полного реформирования, а затем принимается решение по поводу отмены реформ, не сопряжен с дополнительными издержками; в этом случае шоковый подход — естественный способ узнать результат полного реформирования — является наилучшим. Согласно проведенному анализу,

⁹ Напомним, что в контексте нашей модели, в которой чистые приведенные стоимости являются фиксированными величинами, $\delta \rightarrow 1$ означает, что продолжительность периода обучения становится произвольно малой.

при наличии издержек отмены реформ и общей неопределенности ключевым фактором, определяющим выбор между шоковым подходом и градуализмом, является не столько результат частичного реформирования, сколько степень его информативности в отношении будущих результатов. Выполнение этого условия информативности в реальной действительности может зависеть от типа рассматриваемого пакета реформ. К примеру, даже если приватизационные программы в различных секторах экономики и могут рассматриваться как взаимодополняющие, осуществление программы приватизации в одном секторе может открыть многое относительно ожидаемого результата приватизации при ее осуществлении во всех секторах. Можно также без труда привести примеры, в которых взаимодополняемость столь сильна, что частичное реформирование вообще не является информативным.¹⁰

Стоит изложить некоторые следствия данного анализа. Прежде всего так как ценность варианта ранней отмены реформ увеличивает разрыв между ожидаемым *ex ante* выигрышем градуалистской программы и аналогичным выигрышем от шоковой стратегии, возможно выполнение неравенств $GR_{12} > 0 > BB$. Другими словами, для некоторых значений выигрыша при бездействии градуалистский подход может быть привлекательным *ex ante*, в то время как шоковый подход таковым не является. Поэтому градуалистская стратегия может оказаться полезным средством преодоления склонности к сохранению статус-кво! Это заключение контрастирует с выводом, сделанным в предыдущем разделе, согласно которому при наличии только индивидуальной неопределенности градуалистский подход лишь порождает дополнительную склонность к сохранению статус-кво.

Этот случай имеет интересные следствия и с точки зрения сроков осуществления программ перехода к капитализму. Если исходить из того, что выигрыш при бездействии со временем убывает, то исходная ситуация с $GR_{12} > 0 > BB$ приводит нас к прогнозу, согласно которому: (1) градуалистская программа начнется раньше; (2) программы шокового реформирования будут, как правило, наблюдаться в тех странах, где сильнее ощущение кризиса (после упущенных возможностей постепенного реформирования). Оба этих прогноза соответствуют наблюдениям, согласно которым программы постепенных реформ в Венгрии и Китае появились раньше, чем шоковые программы в Польше и России, начавшиеся при более сильном ощущении кризиса.

¹⁰ Многие разновидности градуалистского подхода реформирования, разумеется, могут быть неумными, обреченными на неудачу, и серьезные политики никогда не станут их рассматривать. При коммунистическом режиме имела хождение следующая шутка: польские руководители решили изучить успехи Британии в организации дорожного движения. После командировки группы экспертов в Великобританию они решили избрать градуалистский подход к реформе правил уличного движения. В качестве первого шага половине варшавских водителей разрешили ездить по правой стороне дороги, а другой — по левой.

Заметим, что если $GR_{12} > 0 > BB$, то максимизация благосостояния будет очевидным образом приводить к выбору градуалистского, а не шокового подхода. Именно таким будет решение благожелательного социального плановика, и именно такой совет даст исходя из соображений благосостояния экономист. Если, однако предположить, что политическим деятелем, обладающим правом предложить пакет реформ, является реформатор, чья цель — минимизировать возможность отмены реформ, зависящую от их приемлемости, то он предпочтет постепенному подходу шоковый, так как последний в большей степени обеспечивает необратимость реформ. Действительно, при шоковом подходе отмена реформ имеет место, только если $F(O_{1j}, O_{2k}) < -\xi$, в то время как при градуализме отмена реформ имеет место, если $R_2(S_{1n}) < -\xi_1$. Заменив $R_2(S_{1n})$ соответствующим выражением и допустив в целях упрощения, что $\delta \rightarrow 1$, мы получаем

$$E \max_{j,k} \{ -\xi, F(O_{1j}, O_{2k}) | S_{1n} \} < \xi_1.$$

Можно немедленно увидеть, что возможно получить такие состояния мира O_{1j}, O_{2k} , соответствующие сигналу S_{1n} , при которых $F(O_{1j}, O_{2k}) > -\xi$, но при этом $E \max_{j,k} \{ -\xi, F(O_{1j}, O_{2k}) | S_{1n} \} < \xi_1$. Другими словами, во всех состояниях мира, в которых при шоковом подходе будет иметь место отмена реформ, при градуализме реформы также будут отменены, однако будут существовать и такие состояния мира, в которых отмена реформ имеет место при градуализме, но не происходит при шоковом подходе. Такой результат возможен, так как $\xi > \xi_1$, что, повторим еще раз, и делает ценным вариант ранней отмены реформ.

Это изложение показывает, что может существовать проблема выбора *ex ante/ex post* между шоковым подходом и градуализмом, причем градуалистский подход по сравнению с шоковым более приемлем *ex ante*, но обеспечивает более низкую необратимость реформ *ex post*. Таким образом, политик-реформатор будет использовать любую возможность для того чтобы добиться шоковых реформ с тем, чтобы обеспечить необратимость реформирования. Такие политики будут предпочитать шоковые стратегии во всех случаях, когда эти стратегии являются осуществимыми *ex ante*, — именно потому, что при этом исчезает вариант ранней отмены реформ. Идея использования «окон возможностей» (или периодов «чрезвычайной политики») для осуществления пакетов шоковых реформ часто высказывалась в политической литературе (Липтон и Сакс, 1990а; Бальцеревич, 1995). Формальный анализ, приводимый в этой главе, демонстрирует логику, скрывающуюся за таким выбором стратегии реформирования. Мы вернемся к соотношению между приемлемостью реформ *ex ante* и их необратимостью *ex post* в разделе 2.5, когда будем рассматривать вопросы оптимальной последовательности реформ.

Наш формальный анализ, кроме того, позволяет предположить, что большая необратимость реформ в таких «окнах возможностей» иногда может быть

скорее проклятием, чем благословением. При высоких издержках отмены реформ страна может по окончании реформ «застрять» в экономически неэффективной ситуации, в то время как при более низких издержках отмены можно было бы прекратить оказавшуюся неудачной реформу, а затем попробовать вместо нее что-то иное. Например российские политики иногда утверждают, что приватизация в России, несмотря на ее экономический провал, является политическим успехом, так как она не была отменена. Применительно к России совершенно неясно, можно ли рассматривать эту необратимость приватизации как успех исходя из критерия благосостояния. Как позволяет предположить данный пример, большая необратимость реформ не обязательно связана с более высоким благосостоянием населения и может быть связана с более низким благосостоянием.

Приведенная выше модель предполагала наличие репрезентативного агента, которому известно вероятностное распределение общего результата реформ. Мы могли бы представить себе и альтернативную модель, в которой агенты имеют разные субъективные представления¹¹ относительно вероятностей общих результатов и в которой имеет место их адаптация по Байесу. Тогда «реформаторы» имели бы оптимистические представления о реформировании и придавали бы плохим общим результатам очень низкие субъективные вероятности, в то время как «консерваторы» придерживались бы более пессимистичных представлений и связывали бы с низкими общими результатами высокие субъективные вероятности.¹² Реформаторы предпочитали бы шоковый подход, а консерваторы — сохранение статус-кво. Если реформаторы обладают правом предлагать реформы, но при этом необходимо одобрение консерваторов, например потому, что они составляют большинство — такая ситуация имела место в нескольких странах в важные периоды (несомненно, она имела место в Китае и России), — то консерваторы никогда не проголосуют за шоковое реформирование. Однако реформаторы могут захотеть убедить консерваторов втянуться в процесс реформирования, предложив для этого какую-то постепенную реформу. Можно предположить, что у консерваторов может найтись причина, которая побудит их принять, а не отвергнуть пакет постепенных реформ. В самом деле, возможно, они захотят проголосовать за постепенное реформирование для того чтобы склонить нынешних реформаторов к более пессимистическим взглядам и тем самым обеспечить на будущее более значительное консервативное большинство. Это могло бы быть интересным расширением рамок анализа.

Помимо перехода к капитализму гибкий подход к реформам, обеспечиваемый градуализмом, уменьшающим издержки проб и ошибок при наличии

¹¹ В тексте «*subjective beliefs*» («субъективные веры») — теоретико-игровой термин. — *Прим. ред. пер.*

¹² Такое допущение производит впечатление разумного, однако обосновать его теоретически нелегко: см. работу Ауманна, 1976.

общей неопределенности, может объяснить, почему политики так часто придерживаются градуалистского подхода к крупномасштабным реформам даже тогда, когда имеет место сильная взаимодополняемость реформ. Хорошим примером, очевидно, мог бы послужить процесс объединения Европы, где существует взаимодополняемость между различными реформами, такими как создание единого рынка, создание единой валюты и политическая интеграция.

Одним из приложений градуалистского подхода к реформам, обеспечиваемого моделью Дьюатрипона–Ролана (1995), является концепция «гибкой интеграции» (Дьюатрипон и др., 1995). Применительно к Европейскому союзу гибкая интеграция означает, что какое-то подмножество членов союза получило бы право двигаться вперед и осуществлять дальнейший этап европейской интеграции без обязательного участия в этом других членов союза. В то же время страны, не участвующие в данных реформах, не обязательно имели бы право вето в отношении этих реформ. Таким образом был осуществлен Европейский валютный союз, поскольку Великобритания, Дания и Швеция сознательно отказались от участия в нем. В сущности, гибкая интеграция позволяет подмножеству стран, наиболее активно стремящихся к осуществлению следующей стадии европейской интеграции, нести издержки, связанные с экспериментированием, в то время как более скептически настроенные страны выжидают, чтобы узнать результат реформы, и могут принять решение о присоединении к ней после разрешения неопределенности. Гибкая интеграция представляет собой способ, позволяющий обойти политические ограничения *ex ante*, созданные принятым в Совете Европы правилом единогласия, так как она устраняет право вето со стороны отдельных стран. В то же время она сохраняет права суверенных стран-участников союза, не подчиняя их власти простого большинства голосов и позволяя им при желании «выходить» из тех интеграционных шагов, с которыми они не согласны.

Те же рамки анализа можно применить и к вступлению в Европейский союз стран Центральной и Восточной Европы. Это важнейший вызов, брошенный строительству единой Европы, так как вступление этих стран увеличивает различия между странами-членами Европейского союза. Как указал Болдуин (1995), вступление в союз стран Центральной Европы, скорее всего, изменит соотношение сил внутри ЕС в пользу менее крупных и менее богатых стран в рамках существующих институтов. Начиная процесс вступления с подмножества, насчитывающего всего пять стран (Венгрия, Польша, Чехия, Эстония и Словения), ЕС проведет эксперимент, испытает свои (к тому времени реформированные) институты и предотвратит любые непоправимые шаги, которые могли бы быть сделаны в результате вступления в союз слишком большого множества стран.

2.4.2. Роль взаимодополняемости и движущая сила реформ

Приведенная выше модель является весьма общей и в частности учитывает взаимодополняемость различных реформ. Напомним, что мы исходили из того, что отдельная реформа сама по себе никогда не бывает привлекательной и поэтому за ней всегда следует либо вторая реформа, либо отмена реформы и возврат к выигрышу при бездействии. Таким образом, взаимодополняемость реформ не исключает потенциальной оптимальности градуализма. Причина заключается в том, что убыток первого периода, связанный с частичным реформированием ввиду взаимодополняемости, может быть с лихвой покрыт благодаря информативности частичного реформирования. Что произойдет, если мы откажемся от допущения взаимодополняемости? Если мы сделаем это, то мы поймем, что взаимодополняемость реформ фактически может быть необходимым условием оптимальности градуализма!

Чтобы убедиться в этом, следуя Дьюатрипону и Ролану (1995), полезно упростить предыдущий анализ, приняв, что:

$$F(O_{1j}, O_{2k}) = O_{1j} + O_{2k} \text{ и } P(O_{1m}) = O_{1m} - \gamma. \quad (2.9)$$

Допущение взаимодополняемости подразумевает, что значение γ должно быть достаточно большим, с тем чтобы выполнялось следующее условие: $O_{1m} - \gamma < -\xi_i$. Допустим вместо этого, что взаимодополняемость отсутствует и что реформы сепарабельны (т. е. $\gamma = 0$),¹³ а также что их результаты статистически независимы. В этом случае градуалистский подход к реформам никогда не будет оптимальным. Теперь каждая реформа может быть оценена самостоятельно, и она либо будет осуществлена немедленно, либо не будет осуществлена никогда. Таким образом, возможными стратегиями являются сохранение статус-кво, шоковое реформирование и частичное реформирование, но градуалистский подход не может быть оптимальным. Так, например если реформа 2 представляется непривлекательной *ex ante*, т. е. если $E(O_{2k}) < 0$, то, в лучшем случае, будет проведена реформа 1, но реформа 2 не будет осуществлена никогда.¹⁴

Однако при наличии взаимодополняемости, когда $P(O_{1m}) = O_{1m} - \gamma < -\xi_i$, как было продемонстрировано ранее, градуалистский подход к реформиро-

¹³ Реформы сепарабельны, если их результаты складываются при последовательном либо параллельном их осуществлении. — *Прим. ред. пер.*

¹⁴ Разумеется, если реформы не являются статистически независимыми, а, напротив, коррелируют друг с другом, то градуалистский подход все же может оказаться оптимальным вследствие эффекта обучения, сходного с тем, что мы уже видели, однако носящего менее общий характер. При этом положительный результат частичного реформирования может привести к прогнозированию лучшего результата для реформы 2, что приведет к ее осуществлению во втором периоде.

ванию может быть оптимальным. В этом случае после проведения реформы 1 может быть одобрена реформа 2, если $R_2(O_{1j}) > -\xi_1$. Развернув выражение для $R_2(O_{1j})$, перенеся $-\xi_1$ в левую часть неравенства и распределив его между двумя слагаемыми, мы находим, что решение о проведении реформы 2 после реформы 1 будет принято, если

$$(1 - \delta) \left[O_{1j} + \xi_1 + E_k(O_{2k}) \right] + \delta \max \left\{ -\xi + \xi_1, O_{1j} + \xi_1 + E_k(O_{2k}) \right\} \gg 0. \quad (2.10)$$

Рассматривая уравнение (2.10), необходимо отметить, что даже если реформа 2 представляется непривлекательной *ex ante*, т. е. если $E_k(O_{2k}) < 0$, то при наличии взаимодополняемости реформа 2 все же может быть выбрана, пока $O_{1j} + \xi_1 + E_k(O_{2k}) > 0$. Здесь сказываются два эффекта. Первой причиной одобрения реформы 2 является сохранение выгод, полученных в результате проведения первой реформы, если разрешение неопределенности оказалось благоприятным (высокое положительное значение O_{1j}). Действительно, поскольку из-за взаимодополняемости реформ частичное реформирование безусловно уступает либо отмене реформ, либо их дальнейшему развитию, единственный способ сохранить «сладкую пилюлю» реформы 1 заключается в том, чтобы проглотить «горькую пилюлю» реформы 2. Вторая причина одобрения реформы 2 состоит в том, что ее одобрение позволяет сэкономить на издержках, связанных с отменой первой реформы. Опять-таки из-за взаимодополняемости реформ единственными двумя альтернативами, подлежащими сравнению, являются отмена реформ и продолжение процесса реформирования. Когда реформы сепарабельны, нет необходимости рассматривать эти элементы при принятии решения о том, стоит ли одобрить реформу 2. Таким образом, взаимодополняемость позволяет градуализму сохранять движущую силу для дальнейшего реформирования в тех ситуациях, когда для сепарабельных реформ такая движущая сила отсутствовала бы.

Хеллман (1998) в своем неформальном анализе политической подоплеки частичного реформирования неявно предполагает, что реформы сепарабельны. Он доказывает, что частичные реформы приносят крупные концентрированные выгоды меньшинству населения, одновременно принося рассредоточенные временные убытки большинству. Такие выгоды связаны с рентой, которая может быть получена в результате частичных реформ, например с монопольной рентой, возникающей в результате либерализации цен при отсутствии конкуренции. Он указывает на тот факт, что частичное реформирование, как правило, чаще одобряется в тех странах, где правительства находятся у власти дольше и менее подотчетны избирателям. В этом случае меньшинство, которое выигрывает от частичного реформирования, в большей степени способно контролировать правительства, более изолированные от избирателей, побуждая их выбирать частичные, а не шоковые реформы и накладывая вето на продолжение реформ, так что реформы застревают в середине процесса

реформирования. Напротив, в тех странах, где правительства ближе к избирателям, предпочтение, как правило, будет отдаваться шоковому подходу, а не частичным реформам.

Однако обращаясь к рамкам изложенной выше модели, следует отметить, что анализ Хеллмана неявно демонстрирует наличие в странах Центральной и Восточной Европы, бывших объектом его анализа, сильной взаимодополняемости между политическими и экономическими реформами, что указывает на целесообразность последовательности реформирования, когда демократические реформы инициируются раньше, чем экономические реформы. Действительно, крушение коммунистических политических режимов в 1989 г. дало сильный толчок экономическим реформам. Появление некоммунистических демократических режимов, в особенности в странах, находящихся ближе всего к Западной Европе, страдавших от своей роли государств-сателлитов Советского Союза, обеспечило населению этих стран выигрыш, который нельзя недооценивать, учитывая демократические и национальные стремления. Выгоды от демократических реформ наряду с вновь обретенными правами избирателей облегчили принятие программ радикального экономического реформирования. Согласие на переход к рыночной экономике могло рассматриваться как необходимое условие стабилизации новых демократических режимов.

В контексте вступления в Европейский союз достаточно очевидно, что и демократия, и рыночная экономика были необходимыми условиями допуска в ЕС. Мы вернемся к этому вопросу в заключительной главе этой книги, однако переход к капитализму имел и важнейшую геополитическую составляющую в том смысле, что он представлял собой освобождение стран Центральной Европы от советско-российского господства. Вступление в Европейский союз представляет собой убедительный признак этого геополитического смещения Центральной Европы с «Востока» на «Запад». Поскольку Западная Европа никогда не признала бы новые демократии без проведения ими решительных рыночных реформ, было достаточно ясно, что те жители Центральной Европы, которые приветствовали пришествие демократии и вступление в Европу, были вынуждены принять рыночные реформы независимо от того, поддерживали они их или нет. Только так они получали шанс воспользоваться благами демократии и получить помощь от Европы, независимо от вступления в ЕС, можно утверждать, что возникновение частнособственнической рыночной экономики является необходимым условием создания тех электоратов, которые делают демократию самоподдерживающейся (Мур, 1996; Станизкис, 1991). Здесь опять-таки людям, горячо желавшим стабилизации новых демократических режимов, для того чтобы получить стабильную демократию, придется принять экономические реформы. Подводя итоги, можно сказать, что имеются веские

доводы в пользу существования взаимодополняемости между демократией и рыночными реформами.¹⁵

Очевидным примером того, как градуалистский подход создает движущую силу для продолжения реформ, является успех деколлективизации в Китае, создавшей опору для таких взаимодополняющих реформ, как либерализация цен и реформирование предприятий. Деколлективизация в сельском хозяйстве началась после декабрьского (1978 г.) пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Доля сельских семей-участников «системы семейной ответственности» — т. е. возврата к семейному фермерству, — возросла с 1% в 1979 г. до 45% в 1981 г. и до 90% в 1984 г. С 1978 по 1984 г. производство сельскохозяйственной продукции возросло на 56% (Лиин, 1992). Благодаря этому успеху и поддержке сельских жителей, получивших выгоды от осуществления первой фазы реформ, реформаторы получили возможность начать в 1984 г. осуществление второй фазы реформ, нацеленной на то, чтобы обеспечить поддержку реформ жителями городов (Нофтон, 1995). Эта фаза представляла собой введение дуальной системы цен, которую мы более подробно проанализируем в главе 6. Более масштабные реформы не удовлетворили бы ограничению допустимости *ex ante*. Успех дуального ценообразования сам по себе обеспечивал поддержку дальнейшего реформирования, и только в 1993–1994 гг. реформаторы смогли добиться политической поддержки для проведения следующей стадии реформ, которая включала в себя реструктуризацию ГП со значительными увольнениями работников, а также приватизацию (полный обзор переходного процесса в Китае см. в находящейся в печати работе Квиана).

В литературе, посвященной европейской интеграции, идея взаимодополняемости реформ и возможного обеспечения движущей силы реформирования вошла в состав того, что в кругах Европейской комиссии именуется «*велосипедной теорией*» объединения Европы. Согласно этой теории, процесс европейской интеграции можно сравнить с поездкой на велосипеде: можно либо двигаться вперед, либо упасть, но нельзя оставаться на одном месте. Эффекты, обеспечивающие движущую силу для продолжения реформ, играли важную роль в истории объединения Европы. В последние десятилетия в Европе сосуществовали два эксперимента по созданию наднациональных институтов: Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) и Европейский союз. В то время как ЕАСТ представляла собой исключительно соглашение о свободе торговли, шесть стран-основателей Европейского

¹⁵ Для того чтобы избежать каких-либо недоразумений, следует сказать, что этот вопрос отчасти ортогонален по отношению к вопросу о возможности сосуществования рыночной экономики и диктаторского политического режима. По существу, мы говорим здесь о наличии взаимодополняемости между рыночными реформами и демократией, а не между уже существующей рыночной экономикой и демократией, хотя и там имеет место очевидная взаимодополняемость.

сообщества (Франция, ФРГ, Италия, Бельгии, Нидерланды и Люксембург) преследовали более высокие цели (такие «отцы-основатели единой Европы», как Робер Шуман, хотели создать наднациональные институты, которые предотвратили бы возможность новой войны между европейскими странами). Однако эти страны начали с создания общего рынка, подписав в 1957 г. Римский договор. Первоначальный успех Общего рынка привел и к расширению, и к углублению союза. В 1973 г. к нему присоединились Великобритания, Дания и Ирландия, за которыми последовали в 1981 г. — Греция, в 1986 г. — Испания и Португалия, а в 1995 г. — Швеция, Финляндия и Австрия. Уже начали переговоры о вступлении в ЕС пять стран Центральной Европы: Польша, Венгрия, Чехия, Эстония и Словения. Другие страны с переходной экономикой также желают вступить в союз. Успех Общего рынка, кроме того, привел к углублению интеграции рынка с принятием Акта о едином рынке в 1987 г. и созданием Европейского валютного союза (ЕВС) в 1999 г. Возможный успех ЕВС может привести к тому, что на более позднем этапе к нему присоединятся другие страны, в частности Великобритания. Осуществление ЕВС породило различные вопросы, касающиеся гармонизации фискальных систем и координации экономической политики. Процесс европейской интеграции может еще более углубиться, но может и пойти вспять. Представляется маловероятным, чтобы он остался в своем нынешнем состоянии.

В связи с эффектом движущей силы, создаваемой первой реформой, медленно возникают вопросы, касающиеся последовательности реформ: при необходимости двух реформ, с какой из них следует начать? Примеры перехода к капитализму и европейской интеграции позволяют предположить, что хорошим началом может быть реформа, которая с высокой вероятностью принесет выгоды большинству населения, что обеспечит поддержку дальнейшим, более сложным реформам. Мы вернемся к этим вопросам в разделе 2.5, где будет дан их формальный анализ.

2.4.3. Роль издержек отмены реформ

Что произойдет, если не будет никаких издержек отмены реформ, т. е. если $\xi = \zeta_1 = 0$? Нетрудно видеть, что в этом случае шоковый подход всегда будет предпочтительным. В самом деле, подставив вместо издержек отмены реформ 0, мы получим следующее выражение для шокового подхода:

$$BB = (1 - \delta) E_{j,k} F(O_{1j}, O_{2k}) + \delta E_{j,k} \max \{0, F(O_{1j}, O_{2k})\}, \quad (2.11)$$

которое при $\delta \rightarrow 1$ всегда ≥ 0 . Следуя той же логике, мы заключаем, что выигрыш от продолжения реформ при градуализме $R_2(S_{1n})$ также ≥ 0 . Отсюда

следует, что ценность варианта ранней отмены реформ всегда равна нулю, поскольку не существует \tilde{n} и номера $n < \tilde{n}$ такого, что $R_2(S_{1n}) < -\xi_1$. Действительно, при отсутствии издержек отмены реформ обучение не связано с какими-либо издержками и, следовательно, ранняя отмена реформ никогда не имеет каких-либо преимуществ. Таким образом, при отсутствии издержек отмены реформ шоковый подход, подразумевающий большее (или более быстрое) получение информации, не может быть хуже градуализма.

Аналогичный результат будет иметь место тогда, когда выгоды от получения информации достаточно велики по отношению к издержкам. Именно так обстоит дело в модели обучения Бертоцци и Шпагата (1997). Они рассматривают проблему, стоящую перед правительством, желающим прекратить субсидирование государственного сектора экономики, но опасаящимся возникновения неприемлемо высокой безработицы. При отсутствии неопределенности в отношении темпов найма безработных частным сектором, отмена субсидирования осуществляется постепенно и в соответствии с формированием частного сектора. При наличии неопределенности оптимальным решением является более быстрая отмена субсидий на первоначальном этапе, позволяющая получить больший объем информации о темпе поглощения безработных частным сектором. Если темп такого поглощения оказывается невысоким, то в следующем периоде правительство может вновь повысить уровень субсидирования, с тем чтобы снова занять часть безработных в государственном секторе. Таким образом, единственные издержки быстрых действий — это издержки временной безработицы, связанные с обучением, так как издержки отмены реформ в данной модели отсутствуют. Если ввести необратимость реформ — так, чтобы первоначальные сокращения субсидий не могли бы быть отменены ввиду необратимости закрытия предприятий, — то эффекты обучения будут ослаблены. Этот анализ снова указывает на решающую роль издержек отмены реформ как издержек обучения, подлежащих сопоставлению с выгодами от обучения. Если издержки отмены реформ важны для крупномасштабных реформаторских экспериментов, то неопределенность будет приводить к замедлению реформ. В противном случае неопределенность будет способствовать ускорению реформ.

Материал этой главы напоминает о более ранних дебатах специалистов по философии политики, посвященных реформам. Такие философы, как Эдмунд Берк, Майкл Оукшотт и Карл Поппер выступали против радикальных изменений в обществе, высказываясь в пользу поэтапного реформирования; при этом они исходили из того, что в силу неопределенности результатов экспериментирование с реформами влечет за собой громадные издержки. Исходя из трудов этих философов Маррелл (1992) развивает эволюционистскую аргументацию в пользу градуалистского подхода к реформам в духе эволюционной теории экономики. Отметим, что особое внимание к общей неопределенности ведет к такому типу экономического мышления, при ко-

тором процессу уделяется больше внимания, чем его цели. Действительно, при допущении общей неопределенности мало что можно сказать о конечном пункте переходного процесса, и большее внимание будет уделяться процессу выявления информации о возможных результатах при помощи выбранной стратегии перехода.

Кроме того, здесь мы сталкиваемся и с важной этической проблемой. Консультирующие политиков экономисты, как правило, являются сторонниками каких-то конкретных политических решений и стараются склонить к своей точке зрения тех, кто принимает политические решения. В силу этого они обычно преуменьшают неопределенность, связанную с политическими решениями — в особенности с теми решениями, которые предлагаются ими. Это преуменьшение еще более усиливается в том случае, если, как это обычно и бывает, сторонники других политических вариантов столь же непреклонно представляют только светлые стороны предпочитаемых ими реформ. Однако будучи исследователями, экономисты благодаря стандартам своей академической профессии всегда более осторожны и менее предвзяты в том, что касается признания неопределенности результатов. Риторика политических советов, имеющая целью скорее убедить, нежели просто привести научные доказательства или аргументы, может создавать дезориентирующее впечатление, что диапазон политических вариантов и их результатов более узок, чем он есть в действительности. Однако если мы всерьез воспринимаем общую неопределенность, то нам следует проявлять осторожность в том, что касается чрезмерного отстаивания быстрых радикальных политических решений, создающих необратимые последствия; нам следует придавать большее значение ценности экспериментирования.

2.5. ОПТИМАЛЬНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РЕФОРМ

Мы проанализировали проблему выбора между шоковым и градуалистским подходами при наличии общей неопределенности и взаимодополняемости. Теперь мы можем рассмотреть вопросы, связанные с выбором оптимальной последовательности реформ в условиях, когда такой выбор имеет смысл, т. е. в условиях, когда градуалистский подход к реформам является предпочтительным по сравнению с шоковой стратегией. В этом случае последовательность реформ имеет решающее значение для обеспечения надежности и качества программ постепенного реформирования.

При выборе «правильной» последовательности реформ большое значение имеют три цели: (1) развертывание пакета реформ в определенной последовательности не должно приводить к утере рассматривавшегося ранее свойства информативности; (2) последовательность реформ должна быть такой, чтобы процесс реформирования оказался приемлемым *ex ante*; (3) последователь-

ность реформ должна быть ориентирована на формирование поддержки и движущих сил дальнейшего реформирования и на соблюдение политических ограничений *ex post*.

Что касается первой цели, то в ее дальнейшем анализе трудно продвинуться, используя представленную в этой главе абстрактную модель. Для того чтобы понять дифференциальные эффекты различных подходов к развертыванию пакетов реформ, необходимо иметь более подробные и точные экономические модели взаимодополняющих реформ. В последующем изложении мы будем попросту исходить из того, что свойство информативности сохраняется. Напомним, что это является необходимым условием предпочтительности градуалистского подхода к реформам по сравнению с шоковым.

Вторая и третья цели при определении оптимальной последовательности реформ могут вступать в противоречие друг с другом. Действительно, как и при сравнении градуалистского и шокового подходов, здесь может существовать проблема выбора между приемлемостью реформ *ex ante* и их необратимостью *ex post*. Как мы увидим в дальнейшем, эти две цели могут и не противоречить друг другу.

Приводимый в этом разделе анализ следует Дьюатрипону и Ролану (1995). Чтобы максимально упростить сравнение различных последовательностей реформ, мы предполагаем (без какой-либо потери общности),¹⁶ что каждая реформа генерирует только один из двух возможных результатов. Реформа i имеет хороший общий результат $G_i > 0$ с вероятностью p_i и плохой общий результат $L_i < 0$ с вероятностью $(1 - p_i)$. Введем обозначение

$$E_i = p_i G_i + (1 - p_i) L_i, \quad (2.12)$$

и предположим, что

$$R_i(G_j) > -\xi_j > R_i(L_j), \quad (2.13)$$

$$R_j(G_i) > -\xi_i > R_j(L_i).$$

Последние два условия означают, что каждая из реформ i и j является информативной. Используя модель, описанную в разделе 2.4, мы находим, что

$$BB = (1 - \delta)(E_i + E_j) + \delta \max \{-\xi, E_i + E_j\}$$

Аналогичным образом ввиду информативности этих реформ мы имеем:

$$GR_{ij} = (1 - \delta)(E_i - \gamma) + \delta p_i R_j(G_i) - \delta(1 - p_i) \xi_j \quad (2.14)$$

где

$$R_j(G_i) = (1 - \delta)(G_i + E_j) + \delta p_i(G_i + G_j) + \delta(1 - p_i) \max \{-\xi, G_j + L_j\}, \quad (2.15)$$

¹⁶ Более абстрактная формулировка, приводимая в разделе 2.4 позволяет нам с самого начала точно определить эффект информативности.

и аналогичное выражение выводится для GR_{ji} . Несложно убедиться в том, что эквивалент уравнения (2.8), характеризующего проблему выбора между градуалистским и шоковым подходами к реформам, выглядит следующим образом:

$$GR_{ij} = (1 - \delta) (E_i - \gamma) + \delta BB + \delta(1 - p)[- \xi_j - R_j(L_j)]. \quad (2.16)$$

Если информативна лишь одна из двух реформ, скажем, реформа i , то можно убедиться в том, что оптимальной последовательностью является проведение реформы i до реформы j . Действительно, если принять $\delta \rightarrow 1$, с тем чтобы сосредоточиться только на долгосрочных эффектах, то $GR_{ji} = BB$ и, поскольку информативность реформы i придает ценность варианту ранней отмены реформ, $GR_{ij} > GR_{ji}$.

В последующем анализе мы сравниваем последовательности реформ, которые могут различаться в трех первостепенных аспектах — значениями их ожидаемого результата, их рискованности и асимметрии.

2.5.1. Последовательности реформ с различными ожидаемыми результатами

Сначала мы сравним последовательности реформ, которые отличаются друг от друга только величиной E_i их ожидаемого результата, абстрагируясь от эффектов отмены реформ. Если следовать тому, что говорилось в разделе 2.42 о движущей силе реформ, то интуитивно лучшим решением представляется начать реформирование с той реформы, которая имеет более высокий ожидаемый результат.

Для начала будем считать, что две реформы идентичны во всех отношениях, за исключением того, что выигрыши от реформы i представляют собой выигрыши от реформы j , увеличенные на некоторую положительную константу Δ :

$\xi_j = \xi_i = \xi_p$, $p_i = p_j = p$, $G_i = G_j + \Delta$, $L_i = L_j + \Delta$. Выписывая выражение для $GR_{ij} - GR_{ji}$ и заметив, что $E_i = E_j + \Delta$, а значит, $G_i + E_j = G_j + E_i$, $G_i + L_j = G_j + L_i$, мы получаем:

$$GR_{ij} - GR_{ji} = (1 - \delta) (E_i - E_j) + \delta p [R_j(G_j) - R_i(G_j)] = (1 - \delta) \Delta > 0$$

Преимущество GR_{ij} по сравнению с GR_{ji} достигается исключительно за счет дисконтирования — из-за лучшего результата частичного реформирования в первом периоде. Ожидаемый результат для второго периода по существу не зависит от последовательности проведения реформ, так как вероятности и издержки отмены для обеих реформ являются идентичными. Тем не менее

лучше начинать с проведения той реформы, которая имеет более высокий ожидаемый результат.

Можно ожидать аналогичного вывода и в отношении двух реформ, отличающихся только относительными вероятностями хороших результатов: $\xi_j = \xi_i = \xi_p$, $G_i = G_j = G$, $L_i = L_j = L$, $p_i > p_j$. Выписывая выражение для $GR_{ij} - GR_{ji}$ и используя тот факт, что $E_i - E_j = (G_i - L_i)(p_i - p_j)$ и что $p_i E_j - p_j E_i = L(p_i - p_j)$, мы получаем:

$$GR_{ij} - GR_{ji} = (p_i - p_j)\{(1 - \delta)[(1 + \delta)G - (1 - \delta)L] + \delta[\delta \max\{-\xi, G + L\} + \xi_p]\}.$$

Опять-таки, сосредоточив внимание на случае $\delta \rightarrow 1$, мы видим, что, если $\max\{-\xi, G + L\} > -\xi_p$, то $GR_{ij} - GR_{ji} > 0$, что подтверждает нашу первоначальную интуитивную догадку.

Однако если $\max\{-\xi, G + L\} < -\xi_p$, что возможно, когда сумма $G + L$ имеет достаточно большое отрицательное значение, то будет иметь место противоположный результат. В этом случае оптимальной была бы противоположная последовательность реформ. Интуиция, позволяющая сделать этот последний вывод, имеет в своей основе тот факт, что вероятности отмены реформ изменяются при $p_i > p_j$. Эти изменения вызывают два эффекта. С одной стороны, когда вначале осуществляется реформа i , увеличивается вероятность осуществления обеих реформ, что и подсказывала нам первоначальная интуиция. Вытекающий отсюда эффект заключается в том, что при первоначальном осуществлении реформы i , кроме того, уменьшается вероятность отмены реформ с соответствующими издержками в первом периоде. Поэтому возрастает ожидаемый результат реформирования. С другой стороны, если в первом периоде реализуется G , а во втором периоде L и если $G + L < -\xi_p$, результат реформирования окажется для людей худшим, нежели их выигрыш при сохранении статус-кво. Поэтому более высокая для первых реформ вероятность результата G может «соблазнить» выбрать такую последовательность реформ, при которой выше вероятность прийти к результату, худшему, чем сохранение статус-кво. Последний эффект, при прочих равных условиях, как правило, уменьшает ожидаемый результат реформирования. Ясно, однако что при $G + L > 0$ оптимальным вариантом является первоначальное осуществление реформы i .

2.5.2. Последовательности реформ с различными уровнями риска

Исследуем теперь последовательность реформ с точки зрения их рискованности. При прочих равных условиях, с какой реформы — более рискованной или менее рискованной — лучше начинать процесс реформирования? Допустим, что две реформы i и j идентичны во всех отношениях, за исключением

возможных значений результатов; при этом ожидаемые значения результатов равны: $\zeta_j = \zeta_i = \zeta_p$, $p_i = p_j = p$, $E_i = E_p$, $G_i > G_j$, $L_i < L_j$.

Сравнение двух реформ полезно начать со следующего выражения, вытекающего из равенства (2.8):

$$GR_{ij} = (1 - \delta)(E_i - \gamma) + \delta BB + \delta(1 - p_i)[- \zeta_j - R_j(L_j)], \quad (2.17)$$

где

$$R_j(L_j) = (1 - \delta)(L_j + E_j) + \delta p_j \max\{-\zeta, L_j + G_j\} - \delta(1 - p_j) \zeta. \quad (2.18)$$

С учетом наших допущений получаем

$$\begin{aligned} GR_{ij} - GR_{ji} &= \delta(1 - p)[R_i(L_j) - R_j(L_i)] = \\ &= \delta(1 - p)[(1 - \delta)(L_j - L_i) + \delta p(\max\{-\zeta, L_j + G_j\} - \max\{-\zeta, L_i + G_j\})] \end{aligned}$$

Нетрудно видеть, что $GR_{ij} - GR_{ji} > 0$, так как $L_j > L_i$ и $L_j + G_j > L_i + G_j$. Интуиция подсказывает, что осуществление в первую очередь рискованной реформы повышает ценность варианта отмены реформ тем самым увеличивая ожидаемый результат. Это еще одно приложение идеи, согласно которой увеличение волатильности повышает ценность опциона (права на выбор варианта): при росте выгод и издержек всегда возрастает ценность варианта отмены реформ, поскольку $R_j(L_j) < R_i(L_j)$; после получения результата L_i можно избежать худшего ожидаемого результата реформирования путем ранней отмены реформ. Иная мотивировка состоит в том, что при принятии другой последовательности реформ и их продолжении после получения хорошего промежуточного результата можно прийти к конечному результату $G_j + L_j$, худшему, чем $G_j + L_j$.

Можем ли мы представить себе приложения этого последнего вывода? В случае с объединением Европы можно высказаться в пользу такой последовательности реформ, при которой политическое реформирование Европейского союза должно было бы быть осуществлено до создания валютного союза. Этот вопрос будет рассмотрен ближе к концу данного раздела.

2.5.3. Последовательности реформ с различными уровнями поддержки

Теперь мы объединим индивидуальную и общую неопределенность, с тем чтобы исследовать вопросы, связанные с оптимальной последовательностью реформ в том случае, когда население является неоднородным. В частности приняв во внимание воздействие различных реформ на сферу распределения, мы зададимся вопросом, не лучше ли начинать с проведения реформ, приносящих выгоды — пусть даже большие — меньшинству.

Допустим, что имеются две реформы — реформа 1 и реформа 2 — со статистически независимыми результатами. Каждая из этих реформ влечет за собой один и тот же положительный общий результат G с вероятностью p и один и тот же отрицательный общий результат L с вероятностью $(1 - p)$. Издержки отмены каждой отдельной реформы равны ξ_p . Помимо этих общих выгод или убытков две реформы различаются своими последствиями в сфере распределения. Все индивиды до начала реформ являются идентичными. Допустим, однако что реформа 1, будучи завершённой, приносит дополнительную положительную выгоду g двум третям населения, но оставшаяся треть несет убытки, составляющие $-2g$ и являющиеся для нее вычетом из общего результата реформы. Реформа 2, напротив, после своего завершения приносит выгоду меньшинству: одна треть населения получает $2g$, а две трети получают — g . После осуществления обеих реформ издержки их отмены составляют ξ . Сравнение двух реформ приводится на рис. 2.1

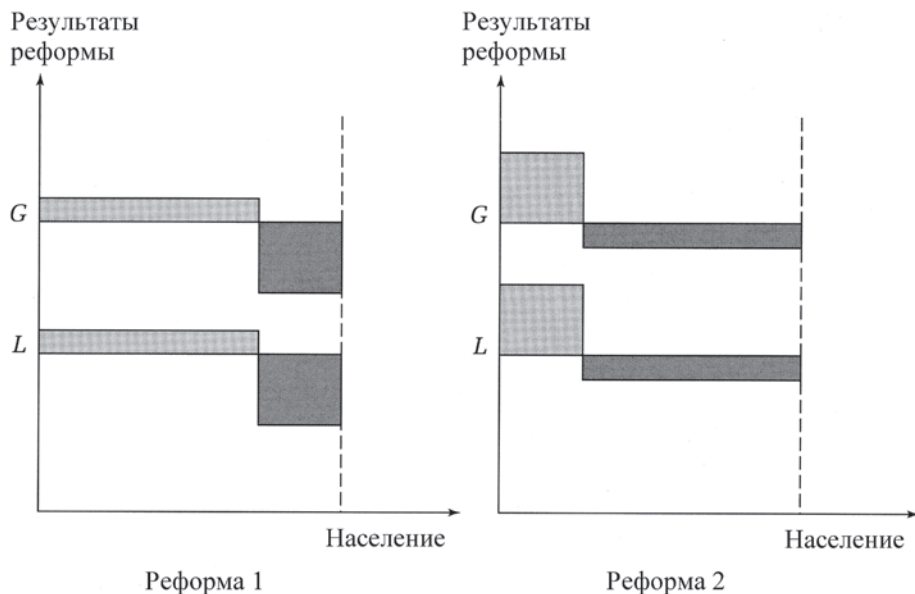

Рис. 2.1.

Принятые нами допущения таковы, что для медианного избирателя после завершения обеих реформ их общий распределительный эффект является нейтральным (а для восьми девятих населения он положителен). Заметим, кроме того, что *ex ante* каждая реформа нейтральна к распределению выигрыша, поскольку ожидаемая индивидуальная выгода в обоих случаях равна нулю. Однако *ex post* каждая отдельная реформа не является нейтральной по отношению к распределению результатов. Поэтому последовательность проведения реформ может оказать влияние на решение об отмене реформ после

осуществления первой реформы, решение, зависящее от ожидаемых издержек и выгод продолжения реформ для центрального (в данном случае — медианного) избирателя. Другими словами, порядок или последовательность реформ влияет на то, каким окажется медианный избиратель на промежуточной стадии — после осуществления одной реформы.

Таким образом, мы сравниваем GR_{12} — для случая, когда первой осуществляется реформа 1, и GR_{21} — для случая, когда первой осуществляется реформа 2. Будем считать, что $G + L > -\xi > 2L$, так что весь пакет реформ может быть отменен после их завершения только в самой худшей ситуации. Для простоты считаем, что обучение осуществляется мгновенно, т. е. $\delta = 1$.

При GR_{12} медианный избиратель должен решить, стоит ли проводить реформу 2, зная при этом, что он среди тех, кто относительно выиграл от проведения реформы 1. Если после первой реформы реализовался результат G , то он проголосует за продолжение реформирования в том случае, если

$$p(2G + g) + (1 - p)(G + L + g) > -\xi_p. \quad (2.19)$$

Если реализовался результат L , то для продолжения реформ требуется выполнение другого условия:

$$p(L + G + g) - (1 - p)(\xi) > -\xi_p. \quad (2.20)$$

При GR_{21} медианный избиратель решает вопрос о продолжении реформ, зная при этом, что он среди тех, кто относительно проиграл от проведения реформы 2. Если реализовался результат G , то он проголосует за продолжение реформ при условии, что

$$p(2G - g) + (1 - p)(G + L - g) > -\xi_p. \quad (2.21)$$

Если реализовался результат L , то для продолжения реформ требуется выполнение другого условия:

$$p(L + G - g) + (1 - p)(-\xi) > -\xi_p. \quad (2.22)$$

Сразу же видно, что при GR_{21} продолжение реформ связано с большими трудностями, чем при GR_{12} . Другими словами, при GR_{21} приостановка процесса реформирования после первой по времени реформы более вероятна, чем при GR_{12} . Таким образом, необратимость реформирования выше в том случае, если вначале проводится реформа 1, а не реформа 2. В частности существуют такие значения параметров, при которых решение о продолжении реформ при GR_{12} принимается в том, и только в том случае, если реализован результат G , в то время как при GR_{21} избежать отмены реформ невозможно ни при каких условиях. В таком случае GR_{12} представляет собой оптимальный вариант, а GR_{21} очевидным образом таким не является.

2.5.4. Возможность выбора между приемлемостью реформ *ex ante* и их необратимостью *ex post*

Отметим, что в только что рассмотренном случае более высокая необратимость реформ увеличивает их приемлемость *ex ante*, так как субоптимальная последовательность GR_{21} подразумевает чрезмерную вероятность отмены реформ (по существу, при этой последовательности отмена происходит всегда) в отличие от последовательности GR_{12} . В этом последнем случае вариант отмены реформ все же имеет положительную ценность в случае получения отрицательного общего результата в первом периоде. То, что последовательность GR_{21} уступает GR_{12} , объясняется «промежуточной склонностью к сохранению статус-кво» после проведения первой реформы. Это можно сравнить с промежуточной склонностью к сохранению статус-кво при градуализме — в отличие от шокового подхода — в случае, когда существует только индивидуальная неопределенность. Такой случай рассматривался в разделе 2.3

Разумеется, большая необратимость реформ *ex post* может оказаться сомнительным достижением, если она снизит ценность варианта ранней отмены реформ. Пусть значения параметров таковы, что последовательность GR_{12} будет всегда приводить к продолжению реформ после проведения реформы 1, независимо от того, какой из ее результатов реализовался — G или L , в то время как GR_{21} будет приводить к отмене реформ в том, и только в том случае, когда реализуется результат L . В этом случае для GR_{12} будет иметь место проблема выбора между более высокой необратимостью реформ и более низкой их приемлемостью *ex ante*. Действительно, в этом случае, поскольку GR_{12} подразумевает, что после первой реформы отмены реформ не происходит, вариант ранней отмены реформ имеет нулевую ценность. При $\delta = 1$ ожидаемый *ex ante* выигрыш от GR_{12} будет идентичен такому же выигрышу при шоковом подходе. Так как для GR_{21} вариант ранней отмены реформ имеет положительную ценность, то в данном случае эта последовательность будет иметь более высокий, чем при GR_{12} , ожидаемый *ex ante* выигрыш, что делает ее оптимальной последовательностью проведения реформ — в отличие от предыдущей ситуации. В этом случае именно потому, что GR_{12} влечет за собой большую обратимость реформ, чем GR_{12} или шоковая стратегия, она является более приемлемой *ex ante*.

Подведем итоги вышеизложенного. Может существовать потенциальная проблема выбора между приемлемостью реформ *ex ante* и их необратимостью *ex post*, когда для одной последовательности реформ ценность варианта ранней отмены реформ положительна, а для другой — нет. Это такая же проблема, как и рассматривавшаяся ранее проблема выбора между градуалистским и шоковым подходами, когда первый является оптимальным с точки зрения *ex ante*. Однако эта проблема выбора не обязательно возникает. Необратимость

реформ *ex post* вполне может повысить их приемлемость *ex ante*, когда одна последовательность реформ характеризуется чрезмерной вероятностью их отмены и «склонностью к сохранению промежуточного статус-кво», а другая — нет, и в рамках этой последней вариант ранней отмены реформ имеет ценность.

Отметим, что оба пакета реформ могут быть *ex ante* идентичными тогда, когда независимо от распределения индивидуальных выгод и убытков большинство избирателей всегда отвергает отмену реформ после первого периода при отсутствии неблагоприятного общего шока. Так как реформа 2 является зеркальным отражением реформы 1, при отсутствии отмены реформ их последовательность не имеет значения.

При институциональных допущениях, отличных от тех, которые анализировались в этой главе и предусматривали мажоритарное голосование, может потребоваться воздействовать на различные группы интересов. Очевидным примером является случай, когда какое-то мощное лоббирующее свои интересы меньшинство обладает правом вето. В этом случае оптимальная последовательность может привести к иному порядку реформ, чем при действии правила большинства. Однако общий принцип остается тем же самым, а именно необходимо выбирать последовательность реформ так, чтобы на промежуточной стадии склонить к продолжению реформ решающих избирателей или лиц, принимающих решения. Неправильный выбор последовательности, напротив, сдвигает решающих избирателей или лиц, принимающих решения, в направлении отмены реформ.

2.5.5. Экзогенное «переизбрание» против эндогенного, или будущая поддержка; ссылки на литературу

Выходя за пределы нашей модели, отметим, что выбор между шоковым и градуалистским подходами или выбор конкретной последовательности реформ может также зависеть от того, является ли вероятность переизбрания действующего правительства экзогенной или эндогенной.

Модели Персона и Свенссона (1989) и Алесины и Табеллини (1990) демонстрируют преимущества использования политических «окон возможностей» для принятия решений, налагающих ограничения на потенциальное следующее правительство. В их модели политический «откат назад» и утрата власти действующим правительством являются только результатом действия экзогенных сил. Первостепенная забота правительства заключается в том, чтобы создать ограничения для своих потенциальных преемников, выбрав сегодня такие реформы, которые будет труднее отменить завтра. Таким образом, экзогенная вероятность переизбрания способствовала бы выбору шокового подхода в случаях, когда этот подход осуществим.

Однако если лица, определяющие политику, имеют дело с эндогенной вероятностью переизбрания, им следует стремиться сформировать свой электорат, осуществляя вначале более популярные реформы. В этом контексте политический «откат назад» может быть результатом ошибочной последовательности реформ, как это было в предыдущих примерах. Афьон и Болтон (1991) уже разработали политэкономическую модель фискальной политики, в которой вероятность переизбрания является эндогенной (см. также работу Милези–Ферретти и Сполоаре, 1994).

2.5.6. Последовательность реформ в переходных экономиках

С учетом сказанного выше о важности последовательности реформ, можно ли выявить какую-то закономерную структуру последовательности реформ в переходных экономиках? Систематические эмпирические исследования по этому вопросу еще не начаты, но можно привести некоторые примеры, иллюстрирующие те теории, которые развивались в этой главе. В сущности, теория проливает свет на наблюдавшиеся закономерности в последовательности реформ, которые были освещены в главе 1.

Рассмотрим, во-первых, развитие малого частного бизнеса в Китае, Венгрии и Вьетнаме, предшествовавшее более глубоким реформам. В Китае доля негосударственного сектора в производстве промышленной продукции возросла с 22% в 1978 г. до 47% в 1991 г., а доля частного сектора за тот же период возросла от нуля до более чем 12% (Квиан и Сю, 1993). В Венгрии малые частные предприятия уже к 1990 г. производили около 10% промышленной продукции (Хэйр и Ревеж, 1992). Либерализация малого частного бизнеса — популярная мера, обеспечивающая рост предложения на формирующихся рынках. В Китае в 1979–1991 гг. среднегодовой темп роста ВВП составлял 8,7%. Родрик (1992) показывает, что (в отличие от Польши и Чехословакии) падение объемов производства в Венгрии в 1990–1991 гг. было вызвано почти исключительно развалом Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), а не неблагоприятной реакцией на либерализацию цен внутри страны. Во Вьетнаме программы радикальной либерализации цен и стабилизации экономики были осуществлены в 1989 г. К тому времени частный сектор в сельском хозяйстве и в обрабатывающей промышленности уже обеспечивал 60% ВВП и в нем было занято 85% рабочей силы страны. Как и в большинстве стран, где была осуществлена шоковая либерализация цен, вьетнамская промышленность пережила падение объемов производства в 1989 г. Однако это падение было более чем компенсировано впечатляющим ростом сельского хозяйства, который все же позволил добиться в этом году положительных темпов роста экономики (Доллар и Лjungгрен, 1997). Здесь опять-таки существование малого частного бизнеса позволило смягчить потрясения, вызванные либерализацией и стабилизацией, и создать

условия для роста предложения. Таким образом, развитие малого частного бизнеса наблюдалось как одна из ранних и популярных реформ. Более того, проведение этой реформы влияет на экономические результаты дальнейших реформ. Как мы увидим в главе 7, макроэкономический эффект либерализации цен зависит от наличия рыночных сетей до этой реформы.

Во-вторых, в большинстве переходных экономик самые лучшие фирмы, как правило, приватизируются первыми. Речь идет не только о том, что некоторые правительства получали в явной форме советы приватизировать наиболее рентабельные фирмы (Гросфельд, 1990), но и о том, что на практике обычно имел место именно такой подход к приватизации (см. Гациос, 1992 — о Венгрии; Карлин и Мейер, 1992 — о Восточной Германии; Фридман, Рапашински и Эрл, 1993 — обо всех переходных экономиках). Достоверные данные по Чехии, собранные недавно Гуптой, Хэмом и Свейнаром (1999), свидетельствуют о том, что в Чехии наиболее рентабельные фирмы приватизировались в первую очередь, чтобы обеспечить поддержку реформ и политическую добрую волю. По существу, здесь важен канал получения прибылей. Более прибыльные предприятия при приватизации имеют более высокую стоимость. Распространение акций этих фирм среди граждан Чехии создает дополнительные ренты и, таким образом, усиливает политическую поддержку приватизации. Фирмы, имеющие наиболее хорошие показатели роста занятости, не обязательно приватизировались в первую очередь, и это позволяет предположить, что создание рабочих мест не относится к числу средств обеспечения политической поддержки реформ.

В-третьих, создание новых политических институтов является одной из наименее затратных реформ и при весьма популярной в силу страстного стремления людей к демократии. Отметим, что в Восточной Европе политические реформы повсюду предшествовали экономическим реформам. Даже в Китае, несмотря на события на площади Тяньаньминь, в годы экономических реформ политические репрессии ослабели по сравнению с предыдущим десятилетием «культурной революции». Началу экономических реформ в 1978 г. предшествовала волна деполитизации и относительной либерализации жизни китайцев. В рамках сохраняющейся диктатуры это была весьма благоприятная для населения Китая перемена. Эта перемена наряду с впечатляющим повышением уровня жизни способствовала громадной популярности Дэн Сяопина. Еще большее значение, вероятно, имела первоначальная волна децентрализации правительственной власти. Еще в 1979 г. Китай начал передачу правительственных полномочий с центрального уровня на местный, усиливая позиции провинциальных и муниципальных органов власти путем предоставления им фискальной автономии и фискальной ответственности. Как мы увидим в главе 11, эта децентрализация играла решающую роль в продвижении рыночных реформ. Помимо политических реформ существуют другие институциональные изменения, которые являются относительно беспорными с политической

точки зрения и которые в силу этого лучше всего осуществлять на ранней стадии реформирования. Например Фингтон с коллегами (1996) доказали, используя модель Дьюатрипона и Ролана (1995), что политика поощрения конкуренции должна относиться к числу первых реформ, осуществляемых в странах с переходной экономикой. Этот вывод согласуется с тем, что обычно наблюдалось на практике. Законы о конкуренции принимались на довольно ранней стадии переходного процесса, хотя конкретное содержание и методы осуществления политики поощрения конкуренции в разных странах с переходной экономикой были различными. Полезно отметить также опасность, связанную с неправильной последовательностью реформ. Без эффективной политики поощрения конкуренции приватизация создает опасность развития монополий, которые будут достаточно сильными для того чтобы подчинить себе государственный аппарат и не допустить проведения политики поощрения конкуренции, а также любой меры, противоречащей их интересам, что мы и видели на примере России.

В-четвертых, фаза реструктуризации и закрытия убыточных предприятий, как правило, откладывается. Макроэкономические данные свидетельствуют о том, что в начале переходного периода занятость снижается в меньшей степени, чем объем производства, и с отставанием во времени от сокращения производства (Бурда, 1993). Только в Восточной Германии крупномасштабные мероприятия по закрытию нерентабельных предприятий проводились с самого начала перехода к рыночной экономике. В других странах увольнения носили более постепенный характер и начинались не с самого начала процесса реформирования. Ясно, что реструктуризация предприятий сопряжена с потерей значительных рент хорошо организованными группами населения, и для ее проведения требуется противодействующий им политический импульс.

Хотя приведенные выше примеры из реальной действительности (раннее принятие решений о развитии частного сектора и новых институтов, приватизация в первую очередь лучших фирм) соответствуют нашим выводам, теория может также пролить свет и на возможные политические ошибки. Так, например можно задаться вопросом о том, нельзя ли было избежать неблагоприятной реакции внутреннего рынка на либерализацию цен в особенности в России, если бы до проведения либерализации было бы оказано достаточное содействие формированию малого частного бизнеса в промышленности и в сфере услуг, как это было сделано в Венгрии. В России реформы в данном направлении начались в основном при Горбачеве. Получившие развитие в конце 1980-х гг. кооперативы представляли собой «зародыш» для развития малого частного бизнеса. Однако когда произошла либерализация цен, этот сектор экономики был развит еще очень слабо в отличие от Венгрии, где такой сектор получил сильное развитие уже к 1980-м гг. Во-вторых, Борис Ельцин, возможно, совершил ошибку в последовательности проведения реформ: он не воспользовался «путчем» в августе 1991 г. для того чтобы немедленно

добиться дальнейших политических реформ (проведения новых выборов народных депутатов и принятия новой конституции), которые предшествовали бы дальнейшим экономическим реформам, т. е. не использовал «окно возможностей», созданное неудавшимся «путчем». Такие изменения были проведены только в декабре 1993 г. — почти через два года после начала экономических реформ! Население России к тому времени уже пострадало от шока, вызванного либерализацией цен. Возможность «медового месяца» для реформаторов исчезла, и результаты выборов стали выражением значительного недовольства и растерянности населения: партия крайне правого политика Владимира Жириновского получила впечатляющее число голосов.

2.5.7. Другие приложения теории последовательности реформ: европейская интеграция

Результаты проведенного выше анализа могут быть применены помимо процесса перехода к капитализму и в других областях. В тех же рамках можно анализировать, в частности процесс европейской интеграции, где наблюдалась определенная последовательность проведения реформ. Первая фаза интеграции Европы, начатая в 1960-е и 1970-е гг. и подкрепленная принятой в 1985 г. программой создания единого рынка, представляла собой фазу экономической интеграции, осуществляемой путем устранения торговых барьеров (видимых и невидимых) внутри Европы. Вторая фаза, начавшаяся с подписания Маастрихтского договора, — это фаза финансовой унификации, а третья фаза, которая в действительности еще не началась и которая реально может никогда не начаться, — это фаза политической интеграции.

С точки зрения теории последовательности реформ осуществление в первую очередь экономической интеграции имеет смысл, так как эта фаза интеграции имеет наивысшие ожидаемые выгоды. Ожидаемые выгоды финансового союза гораздо меньше, и их наличие даже может оспариваться. Однако поднимается вопрос о том, является ли осуществление финансовой унификации до политического объединения правильной последовательностью реформирования. Очевидно, что политическое объединение представляет собой более рискованную реформу, чем финансовая унификация, так как первое подразумевает передачу власти от суверенных стран союзу; результат такой передачи власти может быть весьма неопределенным и весьма отдаленным во времени. Кроме того, не является очевидным, что финансовый союз обязательно имеет более высокую ожидаемую выгоду, чем политический союз. Если верно, что политический союз по сравнению с финансовым союзом является более рискованным, то изложенная в этой главе теория позволяет предположить, что лучшей последовательностью реформирования может оказаться осуществление финансовой интеграции после политической интеграции. В

этом случае та последовательность, которая была в конечном счете фактически выбрана, может объяснить значительное сопротивление финансовому союзу, отразившееся, например на результатах референдума по Маастрихтскому договору 1992 г. в Дании. Логика рассуждений, опирающихся на анализ, проведенный в данной главе, выглядела бы следующим образом:

Дания — небольшая страна с давней традицией децентрализации управления. Можно утверждать, что ее граждане опасались, что согласие на вступление в финансовый союз могло бы позднее «заманить» их в политический союз, в котором их голос не мог бы быть услышан, так как издержки, связанные с выходом из Европейского союза, включая финансовый союз, в случае неблагоприятного политического результата были бы попросту чересчур высокими. Таким образом, результаты этого референдума в Дании можно было бы интерпретировать как предусмотрительное исключение возможности такой ситуации с учетом рисков, связанных с созданием политического союза после финансового. В случае проведения политической интеграции в первую очередь Дания, возможно, проявила бы большую готовность согласиться с финансовой интеграцией. На практике такое сопротивление было преодолено благодаря параграфу о возможности отказа отдельных стран от определенных шагов по осуществлению интеграции: Данию не заставляли вступать в ЕВС, и в то же время она осталась в Европейском союзе. В будущем она по-прежнему может участвовать в дальнейших шагах по интеграции Европы. Это краткое изложение наводит на мысль о том, что теория последовательности реформ может применяться — с уточнением — и в других важных областях, где имеют место крупномасштабные институциональные изменения.

Для большего соответствия этим областям потребовалось бы адаптировать к ним данную модель. В частности различные игроки должны достигать соглашений относительно принимаемых решений, а издержки отмены данных реформ и выигрыши от их проведения должны распределяться разными способами. В результате таких усовершенствований могут быть получены полезные обобщения описанной в этой главе модели.

2.6. СКОРОСТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ЭНДОГЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Модель, которой мы до сих пор придерживались в данной главе, опиралась на допущение экзогенности стохастических результатов реформ. В разделе 2.5 было показано, что вероятность отмены реформ может быть эндогенной и может зависеть от конкретной последовательности реформ. Аналогичным образом можно предположить, что сами результаты могут в определенной степени зависеть от структуры пакета реформ. Эта тема будет более подробно изложена в последующих главах. В этом разделе, следуя Дьюатрипону и

Ролану (1995), мы рассмотрим взаимодействия между скоростью проведения самих реформ и эндогенной реакцией инвестиционного поведения.

Мы снова абстрагируемся от индивидуальной неопределенности и сосредоточимся на роли иностранных инвестиций — вопросе, который часто обсуждается в работах по экономике переходного периода (см., например работу Лэнкса и Винеиблза, 1996). Мы получим два важных вывода. Во-первых, когда уровень инвестиций не влияет на вероятность отмены реформ, инвестиционная реакция при градуализме больше до *полного* разрешения неопределенности, а также до *любого* разрешения неопределенности. Причина заключается в том, что ценность варианта выжидания перед инвестированием при градуализме ниже, чем при шоковом реформировании, когда результаты реформ выясняются быстрее. Во-вторых, когда уровень инвестиций влияет на вероятность отмены реформ, и градуалистский, и шоковый подход к реформам могут вызвать более высокую инвестиционную реакцию до полного разрешения неопределенности. В частности градуалистский подход к реформам будет вызывать более высокую инвестиционную реакцию при более низкой вероятности хороших ситуаций. Однако до любого разрешения неопределенности создается более высокая необратимость реформ, и при шоковом реформировании инвестиционная реакция будет больше, чем при градуализме.

В целях упрощения предположим, что каждая из реформ имеет один и тот же положительный общий результат G с одной и той же вероятностью p и с вероятностью $(1 - p)$ имеет один и тот же отрицательный общий результат L . Результаты считаются независимыми друг от друга. Выигрыш от проведения реформ зависит от реализации этих результатов, но, кроме того, существует положительная зависимость выигрыша от объема инвестиций. Таким образом, например $O(G, L, I)$ представляет собой исход реформ с реализацией хорошего результата для первой реформы, реализацией плохого результата для второй реформы и уровнем инвестиций I . Мы считаем выигрыши симметричными, т. е. реализация хорошего результата для одной реформы и реализация плохого результата для другой приносят такой же выигрыш, что и реализация плохого результата для первой реформы и хорошего результата для последней. В этом случае выигрыши от реформ ранжируются следующим образом:

$$O(G, G, I) > O(G, L, I) = O(L, G, I) > O(L, L, I). \quad (2.23)$$

Учитывая, что реформы являются статистически независимыми, вероятности получения выигрышей $O(G, G, I)$, $O(G, L, I)$ или $O(L, G, I)$ и $O(L, L, I)$ для любого данного уровня инвестиций составляют, соответственно p^2 , $p(1 - p)$ и $(1 - p)^2$.

Выигрыш населения от проведения реформ возрастает в положительной зависимости от L . Будем считать, что

$$\begin{aligned}
 O(G, G, 0) &> -\xi, \\
 O(L, L, I) &< -\xi, \\
 O(G, L, I) &\geq -\xi \text{ для } I \geq \bar{I}, \\
 O(G, L, I) &< -\xi \text{ для } I < \bar{I}.
 \end{aligned}
 \tag{2.24}$$

Как и в предыдущих разделах, ξ — это издержки отмены полного пакета реформ. Таким образом, реформы необратимы при наличии «хороших новостей» (G, G) независимо от инвестиционной реакции и отменяются при получении «плохих новостей» (L, L) независимо от уровня иностранных инвестиций. В соответствии с анализом, приведенным в этой главе, мы считаем также, что при градуализме первая реформа является информативной даже для $I \geq \bar{I}$. Другими словами, реформы всегда отменяются после проведения первой из них, если наблюдается результат L . Однако уровень инвестиций может все же иметь значение для обратимости реформ. При «смешанных новостях» $[(G, L)$ или $(L, G)]$ отмены можно избежать только в том случае, если инвестиции достигают минимального «порога» \bar{I} . Предполагается, что стоимость объема инвестиций I равна I , и что инвестиции необратимы. В случае отмены реформ иностранный инвестор теряет вложенные им средства. Валовая дисконтированная стоимость инвестиций для инвесторов составляет $V(I)$. Эта функция предполагается строго возрастающей и вогнутой по I .¹⁷ Для упрощения расчетов считаем также, что инвестиции начинают работать через один период после их осуществления.

Таким образом, мы сравниваем шоковый и градуалистский подходы при следующем порядке решений во времени:

 Шоковый подход $t = 0$ Первоначальные инвестиции I_0
 Проводятся обе реформы

$t = 1$ Дополнительные инвестиции I_1
 Реформы отменяются или не отменяются

Градуалистский подход $t = 0$ Первоначальные инвестиции I_0^G
 Проводится первая реформа

$t = 1$ Дополнительные инвестиции I_1^G
 Реформы отменяются или же проводится вторая реформа

$t = 2$ Дополнительные инвестиции I_2^G
 (если реформы не Реформы отменяются или не отменены) отменяются

¹⁷ Дьюатрипойнт и Ролан (1995) считают, что $V(I)$ зависит также от результатов реформы.

В каждом периоде t инвестиции имеют место после разрешения неопределенности в этом периоде. Рассмотрим вначале случай, когда уровень инвестиций \bar{I} никогда не достигается (при градуализме или при шоковом подходе) при наличии смешанных новостей, так что иностранные инвесторы знают, что они получают полную выгоду от своих инвестиций только при хороших новостях (G, G) . Это ситуация, в которой сделанные ранее инвестиции не влияют на вероятность отмены реформ. Мы утверждаем, что инвестиционная реакция первого периода при градуализме до разрешения неопределенности несомненно больше.

Рассмотрим причины этого. Учítывая, что реформы отменяются во всех ситуациях, отличных от (G, G) , инвестиционная реакция после полного разрешения неопределенности — I_1 при шоковом подходе и I_2^G при градуализме будет положительной только при (G, G) . В этом случае мы имеем $I_0 + I_1 = I_0^G + I_1^G + I_2^G = I_G$, где I_G определяется уравниванием предельной выгоды от инвестиций при хороших новостях (G, G) и их предельных издержек, т. е. путем отыскания решения уравнения $V'(I_G) = 1$. Величина I_1^G будет положительна только в том случае, если первая реформа приносит хорошие новости G . Определим $I_{01}^G = I_0^G + I_1^G$.

Далее сравним предельные выгоды и издержки инвестирования при обеих стратегиях реформирования *до* разрешения неопределенности с выгодами и издержками инвестирования *после* разрешения неопределенности.

При шоковом реформировании прирост инвестиций на dI в момент $t = 0$ приносит чистую предельную выгоду, равную $p^2 dV(I) - dI$, так как в момент $t = 1$ реформы будут отменены во всех случаях, когда не реализуется результат (G, G) . Если же будут получены хорошие новости и в момент $t = 1$ инвестиции будут увеличены на dI , то будет получена выгода, измеряемая в момент $t = 0$ величиной $\delta p^2 [dV(I) - dI]$.¹⁸ Недостаток здесь заключается в том, что инвестиции задерживаются на один период, а преимущество — в том, что инвестиции имеют место только при хороших новостях, что случается с вероятностью p^2 . Чистая выгода от инвестирования в момент $t = 0$ вместо $t = 1$ составит $(1 - \delta) p^2 dV(I) - (1 - \delta p^2) dI$. Приравнение этой чистой предельной выгоды к 0 дает решение I_0 , определяемое следующим уравнением:

$$V'(I_0) = (1 - \delta p^2) / ((1 - \delta) p^2). \quad (2.25)$$

¹⁸ Рассуждение не вполне корректно, так как имеется в виду, что дифференциал в этом выражении берется в точке I_0 , а не в точке $I_0 + I_1$, как это должно следовать из рассуждений. Формула (2.25) в тексте может быть получена из максимизации ожидаемого выигрыша за два периода $(p^2 V(I_0) - I_0) + \delta p^2 [V(I_0 + I_1) - V(I_0) - I_1]$, если учесть, что $V'(I_0 + I_1) = 1$. Изменение I_0 приводит к одновременному изменению первого слагаемого на $p^2 dV(I_0) - dI_0$ и второго слагаемого на $\delta p^2 [dI_0 - dV(I_0)]$, что в сумме должно давать ноль. Аналогично выводятся и другие формулы этого раздела. — *Прим. ред. пер.*

При градуализме прирост инвестиций на dI в момент $t = 1$ в том случае, когда первая реформа оказалась успешной, приносит выгоду, измеряемую в момент $t = 1$ величиной $p dV(I) - dI$. Действительно, в момент $t = 2$ реформы не будут отменены только в случае получения результата (G, G) , вероятность которого с учетом того, что уже реализовался результат G , равна p . Если же будет получен результат (G, L) и в $t = 2$ инвестиции будут увеличены на dI , то это принесет выгоду, измеряемую в момент $t = 1$ величиной $\delta p[dV(I) - dI]$. Здесь недостаток опять-таки заключается в том, что инвестиции откладываются на один период, но это имеет место только после получения хороших новостей о второй реформе, что случается с вероятностью p . В таком случае чистая выгода от осуществления инвестиций в момент $t = 1$ вместо $t = 2$ составит $p(1 - \delta) dV(I) - (1 - \delta) dI$, что при приравнении к нулю дает решение I_0^G :

$$V'(I_0^G) = (1 - \delta p) / ((1 - \delta) p). \quad (2.26)$$

Сравнивая оба выражения при $p < 1$, мы немедленно замечаем, что $(1 - \delta p) / (1 - \delta) p < (1 - \delta p^2) / (1 - \delta) p^2$, а поскольку $V'(I)$ убывает по I , то $I_0^G > I_0$. Таким образом, при градуализме инвестиционная реакция до разрешения неопределенности больше, чем при шоковом реформировании.

Аналогичным образом, мы можем вывести решение для I_0^G — уровня инвестиций при градуализме до любого разрешения неопределенности. Увеличение инвестиций в момент $t = 0$ приносит выигрыш $[p(1 - p)(1 - \delta) + p^2] dV(I) - dI$, где первое выражение — это выгода от инвестиций за один период между $t = 1$ и $t = 2$, когда неопределенность в отношении результата второй реформы еще не разрешена и решения относительно полного отмены реформ еще не приняты. Увеличение инвестиций на dI в момент $t = 1$ приносит выгоду, измеряемую в момент $t = 0$ как $\delta p[p dV(I) - dI]$. Чистая выгода от осуществления инвестиций в момент $t = 0$ вместо $t = 1$ составит тогда

$$p[(1 - p)(1 - \delta) + p - \delta p] dV(I) - (1 - \delta p) dI = p(1 - \delta) dV(I) - (1 - \delta p) dI.$$

В этом случае решение по I_0^G определяется следующим образом:

$$V'(I_0^G) = (1 - \delta p) / ((1 - \delta) p) \quad (2.27)$$

Используя ту же аргументацию, что и раньше, можно убедиться, что $I_0 < I_0^G = I_0^G$.¹⁹ Таким образом, можно сделать более сильный вывод: при

¹⁹ Тот факт, что I_0G в точности равно I_0IG объясняется тем, что в ситуации (G, L) ожидаемая однопериодная выгода от инвестиций в момент $t = 0$ в точности компенсирует эффект обучения в период между $t = 0$ и $t = 1$. Если бы доход от инвестиций в ситуации (G, L) был ниже, чем в ситуации (G, G) , то и значение I_0G было бы ниже, чем значение I_0IG , однако основной вывод о более высокой инвестиционной реакции все же оставался бы в силе. Более подробно об этом см. работу Дьюатрипойнта и Ролана, 1995.

градуализме не только наблюдается большая, чем при шоковом реформировании, общая инвестиционная реакция до разрешения неопределенности, но она уже в момент $t = 0$ больше, чем при шоковом подходе.

Причина большей инвестиционной реакции при градуализме согласуется с интуицией. Если при постепенном реформировании первая реформа оказалась успешной, то в момент $t = 1$ условная вероятность результата (G, G) увеличивается и, таким образом, ценность варианта выжидания снижается. Аналогичным образом, в момент $t = 0$ объем инвестиций при градуализме больше, чем при шоковом подходе, так как при градуализме выжидание в течение одного периода приносит меньше информации. Разрешение неопределенности в момент $t = 1$ носит лишь частичный характер, поскольку еще неизвестен исход второй реформы. Вероятность отмены реформ в момент $t = 1$ составляет всего $(1 - p)$ по сравнению с аналогичной вероятностью $(1 - p^2)$ при шоковом реформировании. Таким образом, ценность варианта выжидания перед инвестированием при градуализме ниже, чем при шоковом подходе. Поэтому, если уровень инвестиций не оказывает влияния на обратимость реформ, инвестиционная реакция определенно больше при градуализме.

В том случае, когда уровень \bar{I} достигим, результаты оказываются не столь определенными. В этом случае стимулы, побуждающие осуществлять инвестиции до разрешения неопределенности, могут быть более сильными и при шоковом подходе, и при градуализме. Однако при шоковом реформировании имеют место большая необратимость реформ и большая инвестиционная реакция до любого разрешения неопределенности.

Итак, предположим, что $I_G > \bar{I} > I_{01}^G$. При шоковом подходе увеличение инвестиций в момент $t = 0$ с уровня I_0 до \bar{I} с целью добиться необратимости реформ приносит выигрыш

$$(1 - \delta) p^2 [V(\bar{I}) - V(I_0)] - (1 - \delta p^2) (\bar{I} - I_0) + 2 p (1 - p) V(\bar{I}). \quad (2.28)$$

Первое выражение характеризует выгоду от инвестиций, сделанных одним периодом ранее в объеме $\bar{I} - I_0$. Второе выражение характеризует различие в издержках, связанных с этими ранними инвестициями. При откладывании их на один период они будут иметь место только в ситуации (G, G) . Третье выражение связано с увеличением необратимости реформ в результате ранних инвестиций, поскольку благодаря этим инвестициям отмена реформ произойдет только в ситуации (L, L) , но больше не будет иметь места в ситуациях (G, L) и (L, G) .

Аналогичным образом при градуализме увеличение инвестиций с I_{01}^G до \bar{I} в момент $t = 1$ за один период до разрешения неопределенности приносит выигрыш

$$(1 - \delta) p [V(\bar{I}) - V(I_{01}^G)] - (1 - \delta p) (\bar{I} - I_{01}^G) + (1 - p) V(\bar{I}). \quad (2.29)$$

Три члена уравнения (2.29) интерпретируются аналогичным образом. Мы можем переписать выражение для шокового реформирования, вычтя и добавив

$$(1 - \delta) p^2 [V(I_{01}^G) - I_{01}^G],$$

и получим следующее выражение

$$(1 - \delta) p^2 [V(\bar{I}) - V(I_{01}^G)] + (1 - \delta) p^2 [V(I_{01}^G) - V(I_0)] - (1 - \delta p^2) (\bar{I} - I_{01}^G) - (1 - \delta p^2)(I_{01}^G - I_0) + 2 p (1 - p)V(\bar{I}). \quad (2.30)$$

Теперь сравним выражения (2.29) и (2.30). Мы знаем, что $(1 - \delta) p^2 V(I_0) = 1 - \delta p^2$.

Значит, в силу выпуклости $V(I)$

$$(1 - \delta) p^2 [V(I_{01}^G) - V(I_0)] - (1 - \delta p^2) (I_{01}^G - I_0) < 0.$$

Очевидно, что

$$(1 - \delta) p [V(\bar{I}) - V(I_{01}^G)] - (1 - \delta p) (\bar{I} - I_{01}^G) > > (1 - \delta) p^2 [V(\bar{I}) - V(I_{01}^G)] - (1 - \delta p^2) (\bar{I} - I_{01}^G).$$

Поэтому, если $(1 - p) V(\bar{I}) > 2 p (1 - p) V(\bar{I})$, что будет иметь место в том случае, если $p \leq 1/2$, то стимулы для наращивания инвестиций до уровня \bar{I} при градуализме всегда будут сильнее.

Причина такого результата заключается в следующем: в момент $t = 1$ уже наблюдался успех одной из реформ. Увеличение инвестиций до уровня \bar{I} при градуализме создает необратимость реформ с условной вероятностью $(1 - p)$ по сравнению с аналогичной вероятностью $2 p (1 - p)$ при шоковом реформировании. Первая величина больше последней, если $p \leq 1/2$. Во-вторых, условная вероятность получения результата (G, G) при градуализме после успеха первой реформы составляет p , в то время как при шоковом реформировании она равна p^2 .

Однако увеличение инвестиций до уровня \bar{I} в момент $t = 0$ при шоковом реформировании обеспечивает необратимость реформ с вероятностью $1 - (1 - p)^2$, в то время как при градуализме инвестиции в момент $t = 0$ обеспечивают необратимость реформ с вероятностью, составляющей всего лишь $p < 1 - (1 - p)^2 = p(2 - p)$. Заметим, кроме того, что при шоковом реформировании увеличение инвестиций в момент $t = 0$ повышает необратимость реформ на $2 p(1 - p)$, в то время как при градуализме увеличение инвестиций в момент $t = 0$, а не в $t = 1$ не обеспечивает какой-либо дополнительной необратимости при $t = 0$. Поэтому оптимальной величиной инвестиций в момент $t = 0$ остается I_0^G . Соответственно когда при шоковом подходе выбирается уровень инвестиций \bar{I} , т. е. если

$$(1 - \delta) p^2 [V(\bar{I}) - V(I_0)] - (1 - \delta p^2) (\bar{I} - I_0) + 2 p (1 - p)V(\bar{I}) > 0,$$

то инвестиционная реакция и необратимость реформ при градуализме определенно будут более низкими. Более сильное влияние инвестиций на необратимость реформ при шоковом реформировании не означает автоматически, что при шоковом подходе инвестиционная реакция будет более сильной, чем при градуализме. На практике инвесторы сталкиваются с проблемой координации, которая, как правило, влечет множественность равновесий. Однако проблема координации ортогональна по отношению к анализируемому здесь выбору между шоковым и градуалистским подходами, так как проблема координации деятельности частных инвесторов будет присутствовать при обеих стратегиях.

Общий анализ связи, существующей между политическим риском, инвестиционной реакцией и стратегией реформирования, проведенный нами в этом разделе, справедлив не только для переходных экономик, но и для стран с «формирующимися рынками». Перотти и ван Ойен (1999) представили некоторые предварительные материалы, позволяющие проанализировать этот вопрос, уделяя основное внимание результатам различных стратегий приватизации в развивающихся странах. Они исследуют двадцать две страны с формирующимися рынками, в которых начиная с 1987 г. проводилась масштабная приватизация. Как правило, программы приватизации в этих странах носили градуалистский характер. Перотти и ван Ойен находят, что политика приватизации постепенно снижала политические риски, что, в свою очередь, оказало положительное влияние на движение капиталов и капитализацию фондовых рынков в данных странах. Непосредственное влияние приватизации на капитализацию фондовых рынков в действительности относительно невелико по сравнению с общим ростом капитализации рынков; это различие хорошо объясняется изменениями политических рисков, подтверждая тем самым важность разрешения неопределенности для инвестиций. Эти авторы не проверяют, какое влияние имеют различия в скорости проведения приватизации, однако Бортолотти, Фантини и Синискалько (1999) в своем анализе приватизации в сорока девяти странах, который мы рассмотрим в главе 4, не находят доказательств влияния скорости приватизации на объемы привлеченного капитала, измеряемые поступлениями от приватизации. Более быстрая приватизация не влияла на объемы поступлений от приватизации, определяя лишь ликвидность фондового рынка.

Альтомонте (1998) исследовал влияние ценности варианта выжидания на объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в странах с переходной экономикой и обнаружил важные свидетельства того, что успешное развитие переходного процесса оказывает положительное влияние на объемы ПИИ, в то время как колебания объемов производства оказывают отрицательное влияние. Однако он не исследовал влияние скорости реформирования.

Более общий взгляд на невозвратные инвестиции в условиях неопределенности по сравнению с тем, который рассматривался в этом разделе можно найти

у Диксита и Пиндайка (1994). По вопросу о прямых иностранных инвестициях и неопределенности политики см. также работу Родрика 1991 г.

2.7. КИТАЙ: М-ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ В СРАВНЕНИИ С U-ФОРМОЙ

Теория скорости и последовательности реформ придает ведущую роль информативности реформ и их взаимодополняемости. Однако решающее влияние на эти характеристики реформ могут оказывать различия в организационной структуре, оставшейся в наследство от централизованного планирования. Действительно, между организационными формами централизованного планирования в Китае и в Восточной Европе существует важное различие, которое было отмечено Квианом и Сю (1993). Советская экономика была организована в форме специализированных или функциональных министерств (например министерства горнодобывающей промышленности, машиностроения, текстильной промышленности), объединявших гигантские предприятия, занимавшиеся сходными видами деятельности. Эта система получила название *отраслевой организации* (Нов, 1980). Китайская экономика, напротив, начиная с 1958 г. была организована главным образом по географическому принципу, в форме, известной как *региональная организация* (Граник, 1990), где каждая провинция несла ответственность за весь спектр отраслей экономики. Квиан и Сю отметили, что плановые экономики стран Восточной Европы, для которых была характерна более значительная централизация управления, были похожи на U-форму иерархии (Уильямсон, 1975; Чэндлер, 1962), в то время как в Китае имела место более децентрализованная структура экономики, весьма похожая на M-форму иерархии.

Один из недостатков китайской системы планирования заключался в том, что она приводила к дублированию отраслей, поскольку провинциальные власти стремились обзавестись «собственной» черной металлургией, «собственной» текстильной промышленностью и т. д., в то время как восточноевропейский тип планирования — U-форма — позволял использовать экономию от масштаба и расширять разделение труда в экономике. Однако применительно к реформированию китайская организационная структура оказалось гораздо более гибкой, допускавшей экспериментирование. Действительно, проведение реформы в одном регионе позволяло получить громадные выгоды от обучения (по сравнению с проведением реформы во всем Китае) при существенно меньших издержках отмены реформы. В восточноевропейских плановых экономиках иерархия в ее U-форме не позволяла проводить региональные реформаторские эксперименты из-за более сильной взаимосвязанности фирм. Любой эксперимент по либерализации на уровне больших государственных предприятий должен был проводиться в масштабах всей экономики.

Эта идея была смоделирована Квианом, Роланом и Сю (1998) в организационно-теоретическом контексте применительно к реформам в Китае. Рассмотрим базовую модель этой главы с несколькими модификациями и дополнениями. Одно важное дополнение состоит в том, что выигрыш от сохранения статус-кво в случае провала реформ теперь выводится эндогенно, поскольку он будет различным для М-формы и U-формы.

Допустим, что экономика состоит из двух регионов А и В и в ней предстоит провести две реформы — 1 и 2. Если реформирование не осуществляется, то чистая приведенная стоимость выигрыша от сохранения статус-кво *без проведения реформ* составляет $\frac{1}{2}$ в каждом регионе. Как и раньше, имеет место общая неопределенность в отношении результатов реформ, но эта неопределенность связана с различными планами реформирования. Некоторые из этих планов могут быть действенными, но другие могут дать плохие результаты, которые не известны заранее. Как и прежде, эта недостаточная осведомленность отражает незнание закономерностей переходного процесса и связанных с ними непредвиденных последствий крупных реформаторских проектов, осуществляемых в масштабе общества. Считается, что в каждом периоде может осуществляться один (и только один) план программы реформирования. Вероятность того, что этот план является хорошим, равна p , а вероятность того, что он плох, составляет $(1 - p)$. В целях упрощения считается, что чистая приведенная стоимость неудачного плана после его осуществления равна 0. Здесь важно, что эта стоимость ниже той, что имела бы место при сохранении статус-кво без проведения реформ. После провала какой-либо реформы в следующем периоде может быть испробован другой план. Так, например если один метод приватизации оказывается явно неудачным, может быть испробован другой метод. Таким образом, выигрыш от отмены реформы моделируется более явно, чем в разделе 2.4.

Планы реформирования, которые могут быть осуществлены с течением времени, являются стохастически независимыми. Считается, что если какой-то план хорош, то в будущем он останется хорошим в любом регионе. Однако и хороший по своему существу план все же может не дать хороших результатов из-за плохой координации при осуществлении плана реформирования. Анализ охватывает организационную координацию — очевидно, немаловажный аспект переходного процесса, хотя им зачастую пренебрегают. Ввиду важности координации считается, что успех не гарантирован даже в том случае, когда план оказался хорошим и, таким образом, может быть, в принципе, применен в другом регионе; причина состоит в том, что невозможно скопировать хорошую координацию. Ее необходимо обеспечить при осуществлении плана реформ, лишь в этом случае можно добиться успешного результата.

Делая особый акцент на координации, наш анализ предполагает максимальную взаимодополняемость при координации реформ. В основе этого допущения лежит понятие координации, которое получило название *координации*

атрибутов и которое вытекает из предложенной Милгромом и Робертсом (1992) концепции «атрибутов проекта». Их анализ имеет весьма общее применение в особенности в том, что касается деловых организаций. Прилагая этот подход к проблеме реформирования, рассмотрим две реформы: реструктуризацию предприятий (увольнение излишних работников) и создание системы социальной защиты. Атрибутами реструктуризации предприятий являются численность и индивидуальные характеристики уволенных работников, такие как возраст, стаж работы, семейное положение, длительность проживания, пол, тип контракта, заработная плата на данный момент и послужной список. Атрибутами компенсации, обеспечиваемой системой социальной защиты, являются правила получения социальной помощи, учитывающие такие факторы, как продолжительность занятости, особые обстоятельства (ветеран или нет), статус предприятий, правила выплаты пособий, определяющие, например их размер и продолжительность выплаты, типы пособий (денежные или нет), техническую компьютерную поддержку, организацию выплат, бюджет и т. п. Если некоторые атрибуты двух задач не соответствуют друг другу, уволенные работники могут не получить адекватную компенсацию и, значит, могут устроить беспорядки и вызвать крупные социальные, экономические и политические потрясения.

Ввиду предположения о максимальной взаимодополняемости реформ частичное реформирование никогда не будет информативным. Однако можно попробовать локальные эксперименты. Таким образом, выбор между шоковой стратегией реформирования и градуализмом будет иметь чисто географический аспект. Шоковый подход будет предполагать реформаторские эксперименты в масштабе всей страны, в то время как градуалистский подход будет предполагать стратегии, в которых сначала проводятся эксперименты на местах. Однако в центре анализа будут находиться не только различия в стратегиях реформирования, но и возможности координации при М-форме и U-форме организации.

Считается, что *ex ante* любая программа реформ построена удачно — в том смысле, что в плане реформирования все атрибуты соответствуют друг другу. Однако *ex post* некоторые из этих атрибутов могут не соответствовать изменяющимся условиям на местах и корректировка этих атрибутов может приводить к рассогласованию с атрибутами других задач, что потребует дальнейших корректировок. Таким образом, координация рассматривается как приспособление к непредвиденным обстоятельствам, именуемым *атрибутивными шоками*. Для успешного осуществления программы реформ атрибуты реформ $1r$ и $2r$ ($r = A, B$) должны соответствовать друг другу.

Качество координации атрибутов зависит от качества информации, доступной для лиц, принимающих решения в данной организации. Будем исходить из наличия двухуровневой иерархии с главным руководителем и руководителем среднего звена. В каждом периоде руководитель среднего звена собирает ин-

формацию об атрибутных шоках и направляет соответствующее сообщение главному руководителю. Каждое сообщение содержит информацию обо всех атрибутах одной реформы. Считается, что передача информации между любыми двумя руководителями несовершенна и соответственно вероятность того, что каждое сообщение будет правильным, равна λ , где $0 \leq \lambda \leq 1$. Помехи при передаче информации считаются независимыми как для обеих задач, так и во времени.

Выгоды от проведения реформ для региона А (выигрыши для региона В определяются симметрично) в том случае, когда план реформирования хорош, определяются следующим образом: (1) при проведении только одной из реформ 1А или 2А, чистая приведенная стоимость выигрыша равна $(G + 1)/4$, если атрибуты реформ 1А и 2А соответствуют друг другу, и 0 в противном случае; (2) при проведении обеих реформ 1А и 2А чистая приведенная стоимость выигрыша равна $G/2$, если атрибуты реформ 1А и 2А соответствуют друг другу, и 0 в противном случае. Предполагается, что $pG > 1$; отсюда следует, что при условии хорошей координации ожидаемый прирост выигрыша от изменений по сравнению с сохранением статус-кво положителен.

Считается, что планы реформ предоставляются бесплатно, однако для каждого руководителя существуют некоторые организационные издержки, связанные с координированием реформ. Для простоты предполагается, что когда координацией занимается только один руководитель, организационные издержки затрачиваются лишь один раз. Для осуществления реформ необходимо научить руководителей приводить в соответствие атрибуты данных реформ. Поскольку планы реформ предоставляются бесплатно и существуют организационные издержки, в случае неудачи реформирования в предыдущем периоде (либо из-за плохой программы, либо из-за плохой координации) предпочтительным решением всегда является использование в следующем периоде нового плана, а не повторное применение старого плана реформы.

U-форма организации построена «по функциональному принципу» (см. рис. 2.2). Два руководителя среднего звена i ($i = 1, 2$) несут ответственность за сбор информации о шоках при проведении реформ iA и iB . Поскольку проведение двух реформ, атрибуты которых нужно приводить в соответствие, не поручается одному и тому же руководителю среднего звена, им необходимо доводить собранную информацию до высшего руководителя, который после получения информации от этих руководителей приводит в соответствие атрибуты реформ $1r$ и $2r$ ($r = A, B$).

M-форма организации построена «по географическому принципу» (см. рис. 2.3) Руководитель среднего звена r ($r = 1, 2$) несет ответственность за сбор информации о шоках при проведении реформ $1r$ и $2r$. Поскольку обе реформы, требующие координации своих атрибутов, поручены одному и тому же руководителю и нет необходимости в соответствии атрибутов для задач, решаемых в различных регионах, руководители среднего звена на местах могут

самостоятельно приводить в соответствие атрибуты реформ $1r$ и $2r$. Высший руководитель доводит до них план реформирования и принимает решения относительно стратегии реформ.

Рис. 2.2.

Рис. 2.3.

Сравним вначале результаты, которые дают U-форма и M-форма в случае шокового реформирования, когда в регионах А и В одновременно осуществляются две взаимодополняющие реформы 1 и 2.

При M-форме каждый местный руководитель будет нести ответственность за соответствие атрибутов двух этих реформ в своем регионе. При наличии на местах совершенной информации M-форма организации обеспечит совер-

шенное соответствие атрибутов. Если программа реформ хороша, вероятность чего составляет p , то общий выигрыш от проведения реформ в двух регионах равен G . Если программа плоха, вероятность чего составляет $1 - p$, то выигрыш равен нулю, и в следующем периоде будет испробована новая программа. Соответственно ожидаемый выигрыш от проведения реформ при М-форме организации составляет:

$$\pi_{m2} = pG + (1 - p) \delta \pi_{m2} = pG / (1 - (1 - p) \delta). \quad (2.31)$$

Что касается издержек, то в первом периоде они составят $2C$, так как координацией реформ занимаются два руководителя. Программа реформ с вероятностью p может оказаться хорошей, и в этом случае никаких дополнительных затрат впоследствии не потребуются. С вероятностью $1 - p$ программа может оказаться неудачной; данный факт выявляется через один период после изменений. В этом случае в следующем периоде будет испробована новая программа. Так как потребуются провести переподготовку руководителей, обучая их координации атрибутов реформ, в следующем периоде будут понесены дополнительные издержки $2C$. Соответственно мы имеем:

$$c_{m2} = 2C + \delta (1 - p) c_{m2} = 2C / (1 - (1 - p) \delta). \quad (2.32)$$

При U-форме ответственность за координацию двух реформ в двух регионах несет высший руководитель, так как руководители среднего звена специализируются каждый на проведении только одной реформы. Таким образом, используя каналы связи, в которых существуют помехи, высший руководитель получает четыре сообщения, каждое из которых соответствует одной реформе в одном регионе. Когда программа реформ неудачна (вероятность чего составляет $1 - p$), реформирование терпит неудачу, и в следующем периоде будет испробован новый план. Если же план реформ удачен (с вероятностью p), то существуют три возможных варианта:

(1) координация реформ успешно осуществляется в обоих регионах А и В, вероятность чего составляет λ^4 ;

(2) координация реформ не удастся в обоих регионах А и В, вероятность чего составляет $(1 - \lambda^2)^2$. Этот вариант дает такой же результат, что и неудачная программа реформ;

(3) Координация реформ удастся в одном из двух регионов, вероятность чего составляет $2\lambda^2 (1 - \lambda^2)$. В этом случае, зная, что план реформ удачен, высший руководитель использует этот же план для региона, в котором координация реформ потерпела неудачу, и в следующем периоде решает лишь проблему координации атрибутов.

Следовательно, выигрыш от проведения реформ при U-форме составит:

$$\pi_{u2} = p[\lambda^4 G + 2\lambda^2 (1 - \lambda^2)(G/2 + \delta\pi) + (1 - \lambda^2)^2 \delta \pi_{u2}] + (1 - p) \delta \pi_{u2}, \quad (2.33)$$

где π — ожидаемый выигрыш от проведения реформ для одного региона для хорошей программы,

$$\pi = \lambda^2 (G/2) + (1 - \lambda^2) \delta \pi = (\lambda^2 G)/(2[1 - (1 - \lambda^2) \delta]). \quad (2.34)$$

Используя эту рекурсивную формулу для π , получаем:

$$\pi_{u2} = (p G \lambda^2 [1 - \delta(1 - \lambda^2)^2])/([1 - \delta(1 - \lambda^2)]\{1 - \delta[p(1 - \lambda^2)^2 + (1 - p)]\}). \quad (2.35)$$

Когда в первом периоде начинается осуществление программы реформ, имеют место организационные затраты C (вместо $2C$ при М-форме), поскольку координацией атрибутов реформ занимается только высший руководитель. С вероятностью $1 - p$ программа окажется неудачной, что обнаружится по истечении первого периода. С вероятностью $p(1 - \lambda^2)^2$ программа будет удачной, но при этом в обоих регионах не удастся скоординировать реформы. В обоих этих случаях в следующем периоде будет опробован новый план реформ. Если же план реформ удачен и координация удастся по крайней мере в одном из регионов, то станет известно, что программа хорошая. В этом случае предполагается, что в следующем периоде не потребуются новые организационные затраты. Приняв это допущение, мы получаем

$$c_{u2} = C + \delta [p(1 - \lambda^2)^2 + (1 - p)] c_{u2} = C/(1 - \delta[p(1 - \lambda^2)^2 + (1 - p)]). \quad (2.36)$$

Сравним ожидаемый чистый выигрыш при М-форме и при U-форме соответственно $M_2 = \pi_{m2} - c_{m2}$ и $U_2 = \pi_{u2} - c_{u2}$. Можно проверить, что $\pi_{m2} \geq \pi_{u2}$ и $c_{u2} \leq c_{m2}$. М-форма выигрывает за счет своих преимуществ в координации благодаря лучшему использованию информации с мест, но уступает в экономике от масштаба, которая обеспечивает при U-форме снижение издержек, связанных с осуществлением реформ. Параметрами, имеющими значение при этом сравнении, являются качество передачи информации λ и уровень организационных издержек C . Если $\lambda \rightarrow 1$, то $U_2 > M_2$, так как $\pi_{m2} - \pi_{u2}$ стремится к 0, а $c_{m2} - c_{u2}$ стремится к $C/(1 - \delta(1 - p)) > 0$. Таким образом, вследствие непрерывности будет существовать некоторое пороговое значение λ^* , выше которого U_2 будет превосходить M_2 . Аналогичным образом, если $C \rightarrow 0$, M_2 будет превосходить U_2 благодаря преимуществам М-формы в координации реформ. Однако для не слишком малых значений λ , если значение C достаточно велико, U_2 будет превосходить M_2 .

Далее мы сравним шоковый и градуалистский подходы к реформированию при М-форме организации. При градуализме какая-либо реформа вначале опробуется в одном регионе, а затем распространяется на другой регион при условии успеха ее осуществления в первом регионе. Если программа реформирования удачна, выигрыш первого периода составит $(1 - \delta)(G + 1)/2$. В таком случае во втором периоде та же программа будет использована в другом

регионе с выигрышем $(1 - \delta)G$ для каждого периода. Однако если программа неудачна, экспериментирующий регион А получит выигрыш, равный 0, а не участвующий в эксперименте регион В получит $(1 - \delta)/2$. В этом случае в следующем периоде будет предпринят новый эксперимент в регионе А. Поэтому ожидаемый выигрыш от экспериментирования при М-форме организации задается следующей формулой

$$\begin{aligned} \pi_{m1} &= p[(G/2 + (1 - \delta)/2 + (\delta G)/2] + (1 - p)[(1 - \delta)/2 + \delta \pi_{m1}] = \\ &= (p(1 + \delta)G + (1 - \delta))/(2[(1 - \delta)(1 - p)]). \end{aligned} \quad (2.37)$$

Организационные издержки в первом периоде составляют C , так как координацией атрибутов занимается только руководитель региона А. Если данная программа удачна, то в следующем периоде она же будет использована в регионе В, и будут понесены дополнительные издержки в размере C , поскольку руководителю региона В необходимо будет привести атрибуты реформы в соответствие с местными условиями. С вероятностью $1 - p$ данная программа может оказаться неудачной, и в этом случае в следующем периоде должен быть испробован новый план реформ. В данном случае мы возвращаемся к ситуации первого периода. Следовательно, мы получаем:

$$c_{m1} = C + \delta [pC + (1 - p)c_{m1}] = (C(1 + p\delta))/(1 - \delta(1 - p)). \quad (2.38)$$

Сравнивая чистые выигрыши при градуализме $M_1 = \pi_{m1} - c_{m1}$ и при шоковом реформировании $M_2 = \pi_{m2} - c_{m2}$, получаем несложное выражение для $M_1 - M_2$:

$$M_1 - M_2 = (C(1 - p\delta) - (pG - 1)((1 - \delta)/2))/(1 - \delta(1 - p)). \quad (2.39)$$

В числителе первое выражение — $C(1 - p\delta) > 0$ — характеризует ценность варианта выжидания при осуществлении реформы во втором регионе. Организационные издержки во втором регионе будут иметь место только после обнаружения хорошего плана реформ. В отличие от шоковой стратегии, при градуализме имеет место экономия на организационных издержках, если план реформ неудачен. Этот эффект весьма близок к ценности варианта отмены реформ на раннем этапе, которая рассматривалась в разделе 2.4. В последнем случае наблюдалась экономия на издержках отмены реформ при отрицательном общем результате реформирования, в то время как здесь имеет место экономия на организационных издержках. В обоих случаях наблюдается экономия на издержках, которые приходится списывать при шоковом реформировании при плохом общем результате.

Второе выражение в числителе $(pG - 1)((1 - \delta)/2) > 0$ характеризует ожидаемые издержки задержки осуществления обеих реформ при градуализме. В зависимости от того, какое из этих выражений больше, $M_1 \geq M_2$. Отметим, что для $p = 1$ имеем $M_1 - M_2 = ((1 - \delta)/2)[2C - (G - 1)]$. Это выражение должно

быть меньше нуля при любом M_2 , оправдывающим проведение реформ, т. е. при любом $M_2 > 1$. Действительно, можно проверить, что при $p = 1$, $M_2 > 1 \leftrightarrow G - 2C > 1$. Таким образом, если $p = 1$, шоковая стратегия реформирования всегда является предпочтительной. По существу, это тот же результат, который был получен в разделе 2.3 в отношении предпочтительности шокового подхода при отсутствии общей неопределенности. Заметим, кроме того, что $(\partial(M_1 - M_2))/\partial p < 0$, значит, чем ниже вероятность того, что план реформ удачен, тем больше преимущество M_1 над M_2 . Действительно, чем менее надежным является план, тем выше ценность варианта выжидания, при котором первоначально проводится эксперимент с реформированием лишь в одном регионе, и тем ниже ожидаемые издержки отсрочки осуществления реформ. Отметим, наконец, что чем больше значение C , тем больше преимущество M_1 над M_2 .

Важно отметить, что U-форма организации не выигрывает от градуалистского подхода к реформам. Действительно, вариант ранней отмены реформ при этой форме не будет иметь ценности, так как, с одной стороны, и при частичном, и при полном реформировании в центре должны будут иметь место одни и те же организационные затраты. С другой стороны, ожидаемые выгоды не могут увеличиться, а могут лишь уменьшиться. Фактически ввиду взаимодополняемости реформ координация их атрибутов может оказаться неосуществимой задачей. Если вернуться к примеру с реформированием предприятий, то без создания системы социальной защиты может оказаться невозможным осуществить увольнения излишних работников, сохранив при этом социальный мир.

Объединяя результаты сравнений U_2 с M_2 и M_2 с M_1 , видим, что $U_2 > \max\{M_1, M_2\}$, если λ достаточно близко к 1. Действительно, в этом случае, заметив, что $\pi_{m_2} > \pi_{m_1}$ и $c_{m_1} < c_{m_2}$, мы получаем, что $\pi_{m_2} - \pi_{u_2} \rightarrow 0$ и $c_{m_1} - c_{u_2} \rightarrow Cp \delta / (1 - \delta(1 - p)) > 0$. Однако если значение λ мало, а значение C велико, то M_1 будет превосходить и M_2 , и U_2 . В самом деле, чем больше значение C , тем значительнее ценность варианта выжидания, и соответственно преимущество M_1 над M_2 . Однако если значение λ невелико, то преимущество U_2 в том, что касается издержек, будет меньшим и в то же время меньшей будет и выгода от данного варианта.

Квиан, Ролан и Сю (1998) рассматривают, кроме того, возможность параллельного экспериментирования с различными планами реформирования при M-форме организации. Их общий вывод заключается в том, что более быстрое обучение и выгоды от воспроизведения успешных реформ перевешивают издержки дублирования, возникающие при одновременном проведении различных экспериментов.

При переходе Китая от плановой к рыночной экономике роль регионального экспериментирования была весьма важной. Важнейшая особенность успешно осуществленной реформы сельского хозяйства Китая состоит в том, что она проводилась методом проб и ошибок, или экспериментальным методом.

Эксперименты были начаты в некоторых районах в 1978 г., когда в остальных сельских районах Китая действовала система коллективных хозяйств. Получивший широкую известность эксперимент был начат в уезде Фэньян провинции Анхэй, где семьи, проживавшие в деревне, начали заключать с местными органами власти договора на поставку фиксированного количества зерна в качестве платы за право вести семейное хозяйство. Позднее эта практика была воспроизведена в других регионах, и ее распространению стало содействовать центральное правительство. К 1984 г. этот метод был принят почти всеми крестьянскими семьями во всех районах Китая.

Еще одним примером являются особые экономические зоны. В 1980 г. в Китае были официально учреждены четыре такие зоны: Шеньжень, Жухай, Шантоу и Сямень. Организационная структура М-формы давала местным органам власти в особых экономических зонах возможность координировать деятельность во всех отраслях, в то время как остальная экономика Китая по-прежнему работала в условиях централизованного планирования. Спустя несколько лет большая часть успешных механизмов, испытанных в особых экономических зонах, была принята в масштабах всей страны.

Приватизация ГП в Китае в середине 1990-х гг. по своему характеру была близка сельскохозяйственной реформе конца 1970-х гг. Эксперименты начались в некоторых уездах, таких как Йибин в провинции Сычуань, Шундэ в провинции Гуандун и Жучень в провинции Шандун, примерно в 1993 г. Власти уездов выполняют важнейшие функции по координации реформ во всех соответствующих сферах — таких, как финансирование корпораций, структура собственности, урегулирование просроченной задолженности и т. п. Успешные эксперименты уже начали воспроизводиться в других регионах.

В последние годы в государственном секторе экономики Китая начались увольнения излишних работников. К концу 1996 г. было уволено около 10 млн человек, а в первой половине 1997 г. было сокращено еще 5,6 млн работников. Здесь китайское правительство опять-таки придерживалось экспериментального метода, делегируя муниципальным властям ответственность за координацию увольнений и трудоустройства сокращенных работников ГП (более полное описание см. в работе Квиана, Ролана и Сю, 1998).

«Пространственный» градуализм, наблюдавшийся при осуществлении реформ в Китае, может быть объяснен различиями в организационных структурах. Однако в этой стране имел место, кроме того, и важный элемент «отраслевого» градуализма: реформам в промышленности предшествовала радикальная реформа в сельском хозяйстве. Даже если в восточноевропейских экономиках из-за существовавшей там U-формы организации и был невозможен вариант пространственного градуализма, приведенная в этом разделе аргументация не исключает возможности отраслевого градуализма при реформировании этих экономик. Однако приведенная нами модель указывает на то, что даже формы отраслевого градуализма здесь должны были бы быть

более всеобъемлющими, чем в Китае, из-за унаследованной от прошлого организационной структуры. К примеру, было бы невозможно осуществить реформу сельского хозяйства, подобную китайской, без дальнейших реформ в тех секторах экономики, которые принимают участие в координации сельскохозяйственной деятельности.

В советском сельском хозяйстве, где существовала U-форма организации, тракторы поставлялись в централизованном порядке при помощи так называемых машинно-тракторных станций (МТС). Все функции по обеспечению крестьян ресурсами, руководству их работой, хранению, переработке и транспортировке сельскохозяйственной продукции и созданию транспортной инфраструктуры были распределены между отдельными ведомствами (ван Атта, 1993а). Склады и перерабатывающие предприятия чаще всего располагались за сотни миль от ферм. Сельское хозяйство подчинялось по меньшей мере восьми различным министерствам (Баттерфилд, 1990). Политические мотивы такой конструкции экономических институтов заключались в стремлении не допустить возрождения самостоятельных частных фермерских хозяйств, для чего сельское хозяйство было поставлено в абсолютную зависимость от специализированной организации производства. В отличие от Китая местные власти не контролировали сельскохозяйственные предприятия и играли главным образом роль экспедиторов, занимаясь поисками аккумуляторов, ремней и резаков для комбайнов и распутывая сложные узлы в системе снабжения (ван Атта, 1993b). Имели место серьезные проблемы с координацией. Несмотря на неоднократные попытки улучшить положение, эти координационные проблемы не могли быть разрешены в рамках U-формы организации. Так, например в 1980-е гг. была создана структура, именованная РАПО (районное агропромышленное объединение), задача которой заключалась в координации деятельности различных министерств на местах. Тем не менее была сохранена существовавшая U-форма организации. Это новшество привело к борьбе за власть между функциональными министерствами и новой координационной структурой на местах. РАПО не могли распоряжаться ресурсами, находившимися под контролем министерств, и те, как правило, игнорировали РАПО. Другие попытки реформирования, например создание всеохватывающего министерства — Госагропрома, создание агрофирм менее крупного размера и даже внедрение арендного подряда, также не привели к улучшению координации (Баттерфилд, 1990). Когда советская система рухнула, U-форма организации оставила тяжелое наследие потенциальным российским фермерам-частникам: большой средний размер хозяйства (60 гектаров на семью по сравнению с 2/3 гектара в Китае), сильную зависимость в том, что касается сельскохозяйственной техники и снабжения, транспортировки на внешние рынки и хранения продукции, высокую потребность в капиталовложениях и т. д.

Отметим, наконец, что, хотя экономика всех стран Центральной и Восточной Европы, за исключением Югославии, была организована по образцу U-формы, специфические реформаторские эксперименты все же имели место на уровне стран — например введенная в 1965 г. в Югославии система самоуправления предприятий или реформа, проведенная в Венгрии в 1968 г. В каком-то смысле эти специфические эксперименты в различных странах могут рассматриваться как аналоги региональных экспериментов в Китае.

Следует, кроме того, обратить внимание на выгоды параллельного экспериментирования с реформами в странах Центральной и Восточной Европы. Эти страны, по существу, проводили параллельные эксперименты с использованием различных стратегий приватизации и различных стратегий финансовых реформ.²⁰

Такой подход позволяет намного быстрее выявлять относительные издержки и выгоды различных стратегий. Если представить себе иную географическую конфигурацию, в которой все эти страны не существовали бы как отдельные государства, а являлись бы частью России, то в этом случае выявление относительной ценности различных вариантов реформирования, очевидно, осуществлялось бы намного медленнее.

²⁰ Однако в отличие от случая с M-формой организации параллельное экспериментирование в условиях, когда принятие решений о проведении экспериментов полностью децентрализовано, ведет к возникновению хорошо известной «проблемы безбилетника». В главе 13 мы убедимся в том, что эта проблема в данном случае не имела большого значения, т. к. страны Центральной Европы, кроме того, участвовали в «переходном турнире» за привлечение ПИИ и за скорейшее вступление в ЕС.

ГЛАВА 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ОТСУТСТВИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В этой главе мы рассматриваем роль политических ограничений при выборе стратегий реформирования в условиях отсутствия неопределенности. Поскольку общая неопределенность отсутствует, эта ситуация соответствует проведению реформ при заранее известных приростах эффективности. Тем самым вопрос об экспериментировании в этом случае с самого начала исключается из рассмотрения. Кроме того, отсутствует и индивидуальная неопределенность и соответственно динамика ограничений *ex ante* и *ex post*, поскольку избиратели точно знают, выиграют они от проведения реформ или проиграют. Однако даже при отсутствии неопределенности политические ограничения должны учитываться при разработке стратегий реформирования.

3.1. ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КОМПЕНСАЦИЯ ПОТЕРЬ ПОСТРАДАВШИМ ОТ РЕФОРМ

Первый вопрос, спонтанным образом возникающий у экономистов в этом контексте, заключается в следующем: если приросты эффективности, обеспечиваемые реформами, достоверно известны, почему нельзя воспользоваться ими для компенсации убытков тем, кто пострадал в результате проведения реформ? Если это возможно, то политические ограничения не должны учитываться при разработке пакетов реформ, т. к. приросты эффективности, достигающиеся тем, кто выиграл в результате осуществления реформ, по определению всегда достаточно велики, для того чтобы компенсировать проигравшим их потери. В этом случае аспекты реформирования, связанные с эффективностью, и влияние реформ на распределение, в принципе, могут быть полностью отделены друг от друга. Таким образом, оптимальным в данном случае будет полное осуществление программы реформ для того чтобы как можно быстрее добиться прироста эффективности и компенсировать потери проигравшим, с тем чтобы заручиться их поддержкой. Поскольку по определению компенсация возможна во всех случаях, политические ограничения не должны оказывать влияние на скорость и последовательность осуществления реформ. Учитываться должны только соображения эффективности.

Однако в реальной действительности мы редко наблюдаем реформы, повышающие эффективность настолько, что все или большинство проигравших получают компенсацию своих потерь. Кроме того, мы наблюдаем сопротивление реформам даже в тех случаях, когда они повышают эффективность. Эти наблюдения могут быть объяснены различными причинами.

Во-первых, могут иметь место чрезмерно высокие издержки искажения, возникающие при сборе налогов, необходимых для финансирования трансфертов, которые предназначаются для выплаты компенсации проигравшим. Такие издержки с наибольшей вероятностью будут иметь место в менее развитых странах, где сбор налогов организован слабо. Еще более вероятны они в экономиках бывших социалистических стран, в которых не существовало отдельных налоговых администраций, т. к. все активы находились в собственности государства. В этом случае общая сумма трансфертов и связанных с ними издержек искажения может превосходить выгоды от прироста эффективности.

Во-вторых, может иметь место асимметрия информации относительно убытков, понесенных различными категориями проигравших. В этом случае ведомство, занимающееся вопросами компенсации, не в состоянии отличить индивидов, несущих значительные убытки, от тех, чьи потери менее велики. Последние в этом случае могут притворяться, что они относятся к первой группе, и получать информационные ренты. Асимметрия информации, таким образом, может увеличить издержки выплаты компенсации до такого уровня, на котором они превзойдут выгоды от прироста эффективности.

Третья причина связана с недостаточными гарантиями. Если правительство страны не может убедительным образом гарантировать выплату компенсационных трансфертов тем, кто проиграл в результате реформирования, то последние могут опасаться, что в будущем правительство пренебрежет своими обязательствами. В этом случае они будут требовать выплаты им чистой приведенной стоимости компенсационных трансфертов уже во время принятия решения о проведении реформ. Даже в тех случаях, когда финансирование трансфертных потоков может быть осуществлено, выплата их чистой приведенной стоимости, по всей вероятности, окажется неосуществимой.

Каким же образом в этом случае политические ограничения влияют на скорость и последовательность осуществления реформ? Для нас будет важным использование предположения, согласно которому только правительство может формировать повестку дня¹ при голосовании, и мы увидим, как оно может сформировать программу реформ таким образом,

¹ В данном контексте речь идет о подборе последовательности вопросов, выносимых на голосование не обязательно в течение одного дня. В дальнейшем под формированием повестки дня (*agenda setting*), как правило, понимается формирование программы реформ, включающей несколько этапов. После осуществления каждого этапа проводится голосование о продолжении или отмене реформ. — *Прим. ред. пер.*

чтобы, влияя на повестку дня, обеспечить соблюдение политических ограничений.

Согласно нашему предположению, реформатор обращается с предложениями к населению, которое выносит решение посредством мажоритарного голосования. Однако только правительство обладает монопольным правом решать, какое предложение будет поставлено на голосование. В предложения не могут вноситься поправки, предложенные другими агентами. В противоположность этому обычный «даунсианский» метод конкурентного голосования предполагает, что конкурирующие друг с другом кандидаты предлагают различные стратегии с целью завоевания поддержки у большинства избирателей. Типичный пример формирования программы действий — это референдум по поводу предлагаемой правительством политики. Важное значение формирования повестки дня впервые было продемонстрировано Ромером и Розенталем (1979) в контексте государственных финансов. В рамках теории общественного выбора Маккелви (1976) еще ранее показал, каким образом динамическая повестка дня может позволить правительству при наличии близоруких избирателей использовать циклы Кондорсе. Однако повестка дня может быть мощным средством и при наличии рационально мыслящих, дальновидных избирателей, в чем мы и убедимся в этой главе.

В тех ситуациях, которые мы будем исследовать в данной главе, формировать повестку дня мог бы, например менеджер или посторонний инвестор, обращающийся с предложениями по реструктуризации фирмы к ее работникам в тех случаях, когда последние обладают некоторой узаконенной властью. Так обстояло дело в таких странах, как Польша и Венгрия, где до перехода к капитализму были осуществлены реформы, которые вели к самоуправлению предприятий по югославскому образцу. В других случаях выдвигать повестку дня может вновь избранное правительство реформаторов, которому необходимо добиться одобрения своих предложений по проведению реформ парламентом, в котором представлены различные группы избирателей.

В разделе 3.2 мы сделаем экстремальное предположение о невозможности каких-либо трансфертов и посмотрим, каким образом в условиях мажоритарного голосования выбор последовательности проведения реформ может обеспечить осуществимость реформирования. В разделе 3.3 мы исследуем влияние асимметричной информации. В разделе 3.4 мы рассматриваем влияние возможности отделения регионов на равновесные трансферты и демонстрируем, что отделение или угроза отделения может приводить к сокращениям трансфертных выплат. Все эти разнообразные наборы предположений по-своему проливают свет на то, какое влияние оказывают политические ограничения на скорость и последовательность реформирования, а также на разработку программ приватизации и реструктуризации. В разделе 3.5 рассматриваются другие модели политической экономии реформ. В разделе 3.6 рассматривается существующая эмпирическая литература по политической

экономии переходного периода, а в разделе 3.7 обсуждаются альтернативные подходы к политической экономии реформ.

3.2. ОТСУТСТВИЕ ТРАНСФЕРТОВ И МАЖОРИТАРНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

В предыдущей главе наше сопоставление шокового подхода к реформам и градуализма проводилось в контексте общей неопределенности; выбор последовательности реформ позволял воспользоваться преимуществами варианта раннего отказа от реформ и таким образом уменьшить издержки экспериментирования с реформами. При отсутствии общей неопределенности градуализм неизбежно будет приводить к неэффективности, т. к. при этом подходе будут задерживаться реформы, повышающие эффективность. Однако существуют условия, при которых градуализм может оказаться оптимальным и в тех случаях, когда достоверно известны приросты эффективности в результате проведения реформ. Главная причина этого заключается в том, что последовательность реформ может быть использована для осуществления тактики «разделяй и властвуй» в контексте динамического формирования повестки дня.

3.2.1. Тактика «разделяй и властвуй»

Вначале мы продемонстрируем, как те, кто определяет повестку дня, могут воспользоваться изменениями мнений большинства для осуществления тактики «разделяй и властвуй». Мы будем использовать в высшей степени упрощенную версию модели Вея (1993), в основе которой лежит работа Фернандеса и Родрика (1991).

Рассмотрим процесс реформирования, предусматривающий либерализацию торговли в экономике, состоящей из двух секторов, конкурирующих с импортируемыми товарами. Для достижения полной эффективности требуется либерализация (отмена таможенных тарифов) в обоих секторах. Потребители получают от этой реформы выгоду, однако производители, действующие в этих секторах, несут чистые убытки из-за сокращения объемов производства, которое ведет к потерям рабочих мест. Мы не воспроизводим здесь экономическую сторону модели, а рассматриваем выигрыши в редуцированной форме, с тем чтобы сосредоточиться на политической стороне вопроса. Допустим, что существуют три группы: группа 0 — это избиратели, не работающие в секторах 1 и 2, а группы 2 и 3 состоят из работников двух этих секторов экономики, конкурирующих с импортом. Предположим, что каждая группа содержит континуум избирателей, и примем в целях упрощения, что масса

каждой группы равна единице. Чистые выигрыши от проведения реформ 1 и 2, т. е. от либерализации соответственно секторов 1 и 2 приведены в табл. 3.1

Таблица 3.1. *Последовательность осуществления пакета реформ, приносящего ущерб большинству избирателей*

Реформы	Группа 0	Группа 1	Группа 2
1	g_1	l_1	g_1
2	g_2	g_2	l_2
1 + 2	$g_1 + g_2 > 0$	$l_1 + g_2 < 0$	$g_1 + l_2 < 0$

Выигрыши $g_i > 0 > l_i$, $i = 1, 2$ являются чисто детерминированными и известны всем. Как и в предыдущей главе, ставка дисконта равна δ . Таким образом, работники любого конкурирующего с импортом сектора экономики несут убытки в результате либерализации их сектора, но в качестве потребителей они получают выгоду от либерализации другого сектора. Тем не менее в целом эти две группы в результате реформы несут чистые убытки, т. к. их потери в качестве производителей перевешивают их приобретения в качестве потребителей. С другой стороны, либерализация приносит выгоды всем группам как потребителям. Суммарные чистые выигрыши имеют положительные значения: $2g_1 + l_1 > 0$, $2g_2 + l_2 > 0$. Без потери общности предполагаем, что реформа 2 приносит более значительный выигрыш, чем реформа 1: $2g_2 + l_2 > 2g_1 + l_1$.

При принятии решения по правилу большинства для осуществления предложений правительства необходимо, чтобы за них проголосовали две из трех имеющихся групп населения. Мы предполагаем, что правительство заинтересовано в максимизации совокупного выигрыша при соблюдении политических ограничений. Допустим, что имеются всего два периода и что в каждом периоде правительство может предложить либо сохранение статус-кво, либо проведение одной реформы, либо осуществление обеих реформ. Предполагается, что правительство не способно заранее установить и объявить, какие предложения оно будет вносить в будущем, а частные лица не могут гарантировать выполнение контрактов, выходящих за пределы одного периода. Считается, что трансферты сопряжены со столь значительными издержками искажения, что их осуществление невозможно. После одобрения той или иной реформы она становится необратимой.

Учитывая, что $l_1 + g_2$ и $l_2 + g_1$ имеют отрицательные значения, шоковая стратегия, предлагающая осуществить в момент $t = 0$ обе реформы и одновременно являющаяся наиболее эффективной, всегда будет отвергаться большинством населения. Однако градуалистская стратегия, предполагающая осуществить реформу 1 в момент $t = 0$, а реформу 2 — в момент $t = 1$, не нарушит полити-

ческих ограничений и получит поддержку большинства избирателей. Почему? После одобрения реформы 1, как легко убедиться, большинство населения (группы 0 и 1) проголосует за реформу 2. Вопрос заключается в том, проголосует ли сегодня за реформу 1 группа 2, без чего реформа 1 не получит поддержки большинства. Если группа 2 выступит против этой реформы, она не будет осуществлена. Однако в этом случае во втором периоде правительство, несомненно, предложит осуществить в момент $t = 1$ реформу 2 и получит поддержку большинства населения. Это означает, что положение работников сектора 2 будет лучше в том случае, если в периоде 1 они проголосуют за осуществление реформы 1. В самом деле, они знают, что в момент $t = 1$ в любом случае будет принята реформа 2, а это значит, что по итогам обоих периодов для них лучше получить суммарный выигрыш, составляющий $g_1 + \delta l_2$, а не всего лишь δl_2 .

Это хороший пример тактики «разделяй и властвуй», когда те, кто определяют повестку дня, пользуются различными составами большинства в различные периоды для принятия пакета реформ, который в целом не принимается любым большинством. В данном примере, хотя группы 1 и 2 настроены против реформ, агент, определяющий повестку дня (т. е. предложения и порядок их голосования), способен сыграть на противоречиях между интересами групп и вызвать раскол между ними. Так, сектор 1 получает выгоду от проведения реформы 2, а сектор 2 — от проведения реформы 1. Поэтому за счет поддержки групп 0 и 1 правительство может создать убедительную угрозу осуществления реформы 2 в момент $t = 1$ в случае, если в момент $t = 0$ будет отвергнута реформа 1, а это дает ему возможность получить поддержку группы 2 для принятия реформы 1 в момент $t = 0$. Поскольку считается, что агенты не способны гарантировать соблюдение обязательств, выходящих за рамки одного периода, тактика «разделяй и властвуй» совершенна по подыграм. Избирателям из группы 1 хотелось бы заручиться поддержкой группы 2, с тем чтобы отвергнуть реформу в момент $t = 0$, но они не могут дать убедительных гарантий, что в момент $t = 1$ не проголосуют за осуществление реформы 2. Соответственно избиратели группы 2 не заинтересованы в голосовании против реформы 1 в момент $t = 0$. Если же избиратели из групп 1 и 2 способны договориться друг с другом, то тактика «разделяй и властвуй» не сработает. Неясно, однако каким образом они сумели бы обеспечить выполнение достигнутого ими соглашения.

Однако полученный выше результат существенно опирается на то, что игра имеет конечный горизонт. Как только мы вносим в эту стационарную игру бесконечный горизонт, положение меняется. Действительно, как только будет осуществлена одна реформа, так сразу же начнется осуществление второй реформы, поскольку против нее будут только работники из соответствующего сектора экономики. Поэтому предложения о проведении реформы только в одном секторе также будут отвергнуты (при условии, что отдельные избира-

тели не станут голосовать за слабо доминируемые стратегии), ведь работники другого сектора знают, что в следующем периоде пострадают уже они!

Однако подобный результат для тактики «разделяй и властвуй» может быть получен еще более впечатляющим образом и при наличии бесконечного горизонта, что было продемонстрировано Дьюатрипоном и Роланом (1997). Будем считать, что существует экзогенно заданная дата, при наступлении которой, как ожидается, произойдет сокращение одного из секторов. К примеру, наступит день, когда угольная промышленность исчезнет ввиду истощения запасов угля. Обозначим эту дату t_1 . В начале периода t_1 , когда сектор 1 ликвидируется, предложение правительства о ликвидации сектора 2 получит поддержку групп 0 и 1, поскольку работники сектора 1 становятся лишь потребителями. Так как работники обоих секторов ожидают, что в момент t_1 они лишатся работы, каждая из этих групп готова проголосовать за ликвидацию другого сектора в период $t_1 - 1$. Хотя в этот момент полное реформирование невозможно, но можно провести частичную реформу. Не ограничивая общности, допустим, что правительство предпочитает в первую очередь ликвидировать сектор 2. В таком случае, поскольку система остается в равновесии, реформа 1 будет возможной в периоде $t_1 - 2$. В самом деле, работники сектора 2 в любом случае ожидают потери работы в момент $t_1 - 1$, а как потребителям им выгодно, чтобы реформа 1 была одобрена в момент $t_1 - 2$, а не в t_1 . Повторяя эту аргументацию, заключаем, что правительство может добиться проведения реформы 2 в период $t_1 - 3$, реформы 1 — в период $t_1 - 4$ и т. д. Таким образом, равновесие предусматривает немедленную градуалистскую реформу, завершаемую в течение двух периодов, причем в периоде 1 осуществляется реформа 1, если t_1 — нечетное число, или реформа 2, если t_1 — четное число. Эта последовательная аргументация настолько сильна, что позволяет полностью осуществить реформы в течение двух периодов, как и в описанной Маккелви (1976) ситуации с близорукими избирателями — однако в нашей случае избиратели обладают абсолютной дальновидностью!

Заметим, что последовательность осуществления реформ хотя и является естественным инструментом тактики «разделяй и властвуй», тем не менее не представляет собой обязательного условия применения такой тактики. Эта тактика может использоваться и при одновременном голосовании по обеим реформам и, таким образом, может быть применена при осуществлении шоковой стратегии реформирования при наличии надлежащим образом сконструированного механизма голосования. Действительно, вернемся к ситуации с конечным горизонтом и предположим, что обе реформы выносятся на голосование одновременно и что избиратели должны проголосовать отдельно по каждой реформе. В этом случае единственное равновесие Нэша предусматривает, что обе реформы будут одобрены большинством голосующих. Действительно, для работников сектора 1 доминирующая стратегия заключается в том, чтобы проголосовать за реформу 2. Независимо от того,

проголосуют ли работники сектора 2 за или против реформы 1, работникам сектора 1 всегда выгодно голосовать за реформу 2. Та же логика действует и в отношении сектора 2.

Анализ тактики «разделяй и властвуй» имеет не только общее значение, он применим и в контексте переходного периода. В самом деле, этот анализ может помочь объяснить, каким образом большому числу менеджеров удавалось добиться проведения массовых увольнений персонала в фирмах, в значительной мере контролировавшихся рабочими (Пинто, Белка и Кражевски, 1993; Эстрин, Шафер и Сингх, 1992; Карлин, ван Реенен и Вольфе, 1995). В литературе, посвященной реструктуризации предприятий, исследуются стимулы, побуждающие руководителей государственных предприятий сокращать объемы производства и численность работающих; в то же время вопрос о том, каким образом менеджеры фирм, контролируемых их работниками, преодолевают сопротивление увольнениям, до сих пор привлекал мало внимания.

3.2.2. Формирование пакета реформ для завоевания поддержки большинства населения

Из приведенного выше примера не следует, что политически всегда легче реализовать градуалистский подход к реформам, нежели шоковый. Если шоковое реформирование экономически более эффективно, вполне возможно, что оно получит поддержку большинства населения. Возможен даже такой вариант, когда шоковая стратегия реформирования, предусматривающая одновременное осуществление нескольких реформ, получает поддержку большинства населения, в то время как поочередное проведение этих реформ может привести к блокированию процесса реформирования даже в тех случаях, когда шоковый подход не обязательно обеспечивает лучший совокупный результат. Как это происходит, видно из приводимого ниже примера, основанного на работе Мартинелли и Томмази (1997).

Изменим табл. 3.1, предположив, что: (1) реформа 2 сама по себе наносит ущерб большинству населения (группам 1 и 2), но (2) при этом совокупный результат обеих реформ благоприятен для группы 2 (т. е. $g_1 + l_2 - \Delta > 0$) и тем самым для большинства населения. Будем считать, что $\delta = 1$ и соответственно отсрочка реформ не сопряжена с какими-либо издержками. Допустим, что градуалистский подход с осуществлением сначала реформы 1, а затем реформы 2 обеспечивает лучший совокупный экономический результат и что шоковое реформирование влечет за собой потерю Δ для каждой из групп. Например шоковое реформирование может вызвать дезорганизацию экономики — вариант, который мы подробно проанализируем в главах 7 и 8. Тем не менее при этих предположениях шоковая реформа является единственным равновесием, совершенным по подыграм, а градуализм приведет к блокированию процесса

реформирования после проведения реформы 1.² Такое блокирование будет неэффективным, если совокупный результат шокового реформирования ($2g_1 + g_2 + l_1 + 2l_2 - 3\Delta$) выше, чем результат частичного реформирования ($2g_1 + l_1$), т. е. если $g_2 + 2l_2 > 3\Delta$ (см. табл. 3.2)

Таблица 3.2. *Формирование пакета реформ для завоевания поддержки большинства населения*

Реформы	Группа 0	Группа 1	Группа 2
1	g_1	l_1	g_1
2	g_2	l_2	l_2
Шоковое реформирование	$g_1 + g_2 - ? > 0$	$l_1 + l_2 - ? < 0$	$g_1 + l_2 - ? > 0$
GR_{12}	$g_1 + g_2 > 0$	$l_1 + l_2 < 0$	$g_1 + l_2 > 0$

В данном случае шоковый подход позволяет сформировать пакет реформ таким образом, что реформа, наносящая ущерб большинству населения — типа реформы 2, — предлагается не изолированно, а как часть «пакета», который принесет выгоду большинству населения. При последовательности реформ GR_{12} процесс реформирования будет заблокирован на середине пути — после осуществления реформы 1, — поскольку группы 1 и 2 отвергнут дальнейшее реформирование; в то же время шоковое реформирование будет отвергнуто только группой 1. Обратная последовательность реформ не поможет делу. Если предложить вначале провести реформу 2, то самое лучшее, что сможет сделать правительство, после того как эта реформа будет отвергнута, — это предложить провести реформу 1. В отличие от предыдущего случая это предложение не будет выступать в качестве угрозы, способной изменить при голосовании предпочтения какой-либо группы. Для группы 2 осуществление одной лишь реформы 1 выгоднее, чем проведение обеих реформ.

Мартинелли и Томази иллюстрируют этот вариант примером с реформированием внешней торговли и системы налогообложения или государственного сектора экономики. Они рассматривают случай, когда оптимальным решением является сначала осуществление реформы системы налогообложения и увольнения чиновников, занятых в государственном секторе, а затем реформы торговли. Причина этого заключается в том, что при одновременном осуществлении обеих реформ происходит увеличение безработицы, в то время как при адекватной последовательности проведения реформ последствия увольнений в правительственном аппарате и в конкурирующем с импортом секторе экономики со временем сглаживаются. Если считать, что заинтересованные

² Заметим, что этот случай сходен со случаем склонности к сохранению промежуточного статус-кво, рассматривавшимся в главе 2.

группы обладают правом вето, то реформа торговли будет заблокирована занятыми в конкурирующем с импортом секторе, в то время как обе реформы в совокупности могут быть одобрены — в том случае, если те, кто несет убытки вследствие проведения каждой из реформ, получают выгоду от проведения другой реформы.

Так как формирование пакета реформ дает результаты, противоположные получаемым при тактике «разделяй и властвуй», стоит остановиться на тех условиях, при которых оказывается действенным тот или иной подход. Главное различие состоит в следующем. Тактика «разделяй и властвуй» эффективна, когда имеет место конфликт интересов между различными группами при проведении разных реформ. У нас был пример, в котором одна группа получила выгоду от первой реформы и несла убытки вследствие второй реформы, а вторая группа выигрывала от осуществления второй реформы и проигрывала при проведении первой. При предложении обеих реформ в «пакете» происходит объединение этих двух групп, которым совместное осуществление обеих реформ наносит ущерб. Напротив, при раздельном принятии решений относительно этих реформ имеется возможность воспользоваться конфликтом интересов и мобилизовать то большинство, которое высказывается в пользу каждой из реформ. Формирование пакета реформ является оптимальным решением в том случае, когда невозможно заручиться поддержкой большинства избирателей для каждой из реформ и необходимо предложить одновременно несколько реформ, с тем чтобы большинство избирателей поддержало этот «пакет» в целом.

3.3. ТРАНСФЕРТЫ И АСИММЕТРИЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

До сих пор в этой главе мы рассматривали реформы, не принимая во внимание возможности осуществления прямых трансфертов от выигравших проигравшим, или же — что равнозначно — мы предполагали, что издержки, связанные с осуществлением трансфертов, являются непозволительно высокими. Мы можем смягчить это предположение, допустив, что осуществление трансфертов влечет чистые издержки ресурсов, выражаемых в процентах (например потому, что трансферты финансируются путем искажающего налогообложения).

В этом разделе мы покажем, что при наличии асимметричной информации у выигравших и проигравших градуалистский подход может быть использован для выявления информации и тем самым для уменьшения объемов трансфертов, но при этом задерживается достижение эффективного распределения. Таким образом, в этом случае существует межвременной выбор между скоростью реформ, определяющей скорость достижения эффективного распределения, и чистой приведенной стоимостью компенсационных трансфертов.

Вопрос о скорости реформирования и издержках, связанных с компенсационными трансфертами, лучше всего рассмотреть путем сравнения стратегий реструктуризации предприятий, использовавшихся в Восточной Германии и в других странах с переходной экономикой. В бывшей ГДР реструктуризация была проведена на первом этапе переходного периода очень быстро и с массовыми увольнениями работников. В период с 1989 по 1992 г. число занятых сократилось почти наполовину (Синн и Синн, 1993)! Однако эта политика была связана со значительными трансфертами, поступавшими из Западной Германии. Чистая сумма трансфертов, поступивших в Восточную Германию, составила в 1991 г. 128 млрд марок, в 1992 — 145 млрд марок, а в 1993 г. — 176 млрд марок. Эти трансферты составляли соответственно 65%, 65,5% и 76,5% ВВП Восточной Германии (Грос и Штайнхерр, 1995)! Перечисление трансфертов продолжалось на всем протяжении 1990-х гг., и еще в 1998 г. Восточная Германия получила трансферты на сумму более 1 млрд марок. Напротив, в странах Центральной и Восточной Европы, где подобные массивные трансфертные выплаты были невозможны, увольнения проводились более постепенно. Внутри этой группы стран те из них, кто проводил реформы быстрее, например Польша, Венгрия и Чехия, сталкивались с необходимостью более значительного увеличения расходов на социальное обеспечение (включая пособия по безработице и главным образом пенсии) в связи с более высоким уровнем реструктуризации предприятий по сравнению с теми странами, где реформы шли медленнее и где сохранялся более высокий уровень субсидирования «больных» отраслей экономики (Коричелли, 1995).

Приводимый далее анализ, основанный на работах Дьюатрипона и Ролана (1992а, b), позволяет нам понять проблему выбора между более высокой скоростью реформирования и увеличением чистой приведенной стоимости трансфертов.

Таблица 3.3. *Реформы в условиях информационной асимметрии*

	Группа 0	Группа 1	Группа 2
Результат реформ — чистый приведенный выигрыш	$g > 0$	$l < 0$	$l' < 0$

Для того чтобы избежать влияния описанных в предыдущем разделе эффектов тактики «разделяй и властвуй» и выделить влияние асимметричной информации, будем считать, что для осуществления реформ требуется их единогласное одобрение. Другими словами, реформы должны обеспечивать улучшение по критерию Парето. Рассмотрим снова континуум избирателей, состоящих из трех групп с единичной массой. Чистые приведенные выигрыши от реформ для этих групп представлены в таблице 3.3.

Мы предполагаем, что $l > l'$. Можно рассматривать реформу как реструктуризацию экономики, при которой работники группы 0 сохраняют свои рабочие места в здоровой части экономики, а работники из других групп несут издержки, связанные с переходом на работу в новые секторы экономики (для группы 2 эти издержки выше, чем для группы 1). Выгода, которую реформа приносит группе 0, можно рассматривать как эффект общего равновесия, и эта группа получает данную выгоду только после осуществления перераспределения между секторами. Таким образом, для того чтобы материализовать выгоду, приносимую реформой, необходимо побудить работников из групп 1 и 2 к переходу в другие сектора экономики. В таком случае трансферты можно интерпретировать как выходное пособие, компенсирующее чистые убытки, которые эти работники несут вследствие перехода в другие сектора. Однако эта трактовка достаточно абстрактна для того чтобы быть применимой и ко многим другим типам ситуаций. Обозначим коэффициент издержек искажения, связанных с выплатой трансфертов, через $\lambda > 0$.

При однопериодном горизонте, при наличии полной информации и минимальных плановых трансфертах, предназначенных для выплаты компенсации тем, кто несет убытки в результате реформы, работники из группы 1 получают l , а работники из группы 2 получают l' ; таковы минимальные трансфертные выплаты, необходимые для того чтобы сделать их незаинтересованными в одобрении или отклонении реформы. В этом случае Парето-улучшающая реформа будет проведена в том, и только в том случае, если

$$(g + l + l') + \lambda (l + l') > 0. \quad (3.1)$$

Первое выражение в скобках характеризует чистую выгоду, а второе — суммарный убыток, связанный с трансфертами. Даже если выражение (3.1) положительно, реформа все же может столкнуться с проблемами приемлемости при голосовании вследствие асимметрии информации. Если считать, что каждый индивид обладает частной информацией относительно своей группы, то работники могут самостоятельно решать, что для них лучше — сохранить прежнюю работу или получить выходное пособие. В любом случае, невозможно провести различие между работниками из групп 1 и 2, если и те и другие решат уволиться: они всегда будут претендовать на наибольшее возможное выходное пособие. Таким образом, суммарные трансферты составят $2l'$. Соответственно работники, чьи убытки равны l получают информационную ренту в размере $-(l' - l)$ и издержки искажения, связанные с выплатой трансфертов, окажутся более высокими. Для того чтобы реформа была осуществимой, должно выполняться неравенство

$$(g + l + l') + 2\lambda l' > 0, \quad (3.2)$$

где левая часть меньше левой части (3.1) Этот результат мог бы побудить правительство обратиться к альтернативному варианту — «частичной» реформе, которая позволяет работникам группы 2 сохранить свои рабочие места, с тем чтобы издержки, связанные со сменой работы, несли бы только работники группы 1. Работников, для которых такие издержки смены работы меньше, легче побудить к уходу с прежних мест работы: им нужно компенсировать всего лишь ущерб l . Преимущество такой частичной реформы состоит в том, что она устраняет информационную ренту для работников группы 1. Недостаток такой реформы заключается в том, что она менее эффективна. Для отражения этой меньшей эффективности мы будем считать, что частичная реформа сопряжена с потерями из-за менее эффективного распределения ресурсов по сравнению с полной реформой; обозначим эти потери через Δ . В этом случае чистый выигрыш от проведения частичной реформы составит:

$$(g + l + l' - \Delta) + \lambda l \quad (3.3)$$

Поскольку частичная реформа менее эффективна, чем полная реформа, чистый выигрыш от ее проведения должен быть меньше, чем от проведения полной реформы при наличии совершенной информации, т. е. $(g + l + l' - \Delta) + \lambda l < (g + l + l') + \lambda (l + l')$, откуда следует, что $(\Delta + \lambda l') > 0$. Тем не менее в условиях асимметрии информации, т. к. первое наилучшее не может быть достигнуто, возникает проблема выбора между более высокой эффективностью при проведении полной реформы и меньшей рентой при частичной реформе. Сравнивая выражения (3.2) и (3.3), видим, что частичная реформа может оказаться предпочтительнее полной, если выполняется условие:

$$\Delta + \lambda l' < -\lambda (l' - l), \quad (3.4)$$

где левая часть характеризует потерю эффективности при частичной реформе по отношению с первым наилучшим, а правая сторона характеризует дополнительные издержки, имеющие место при полной реформе по сравнению с первым наилучшим и связанные с информационной рентой. Эта проблема выбора между эффективностью распределения и извлечением ренты хорошо известна благодаря работам по неблагоприятному отбору (см., например, работу Кайло и др., 1988). В контексте политической экономии она впервые была рассмотрена Льюисом, Феенстрой и Уэйром (1990), которые моделировали реформу аграрной политики, что является важным политическим вопросом в Европе. Из-за асимметрии информации об убытках отдельных фермеров при либерализации цен на сельскохозяйственную продукцию фермеры, несущие меньшие убытки, способны извлекать ренту вследствие необходимости выплаты компенсации фермерам, понесшим более значительные убытки.

Дьюатрипон и Ролан (1992a, b) предложили дальнейшее развитие базовой модели, обратив внимание на интересное динамическое следствие из анализа

проблемы выбора между частичной и полной реформами: во всех случаях, когда выполняется неравенство (3.4), т. е. когда в рамках одного периода частичная реформа предпочтительнее полной, градуализм обеспечивает формирование оптимального и согласованного во времени пакета реформ.

Действительно, если правительство не способно дать убедительные гарантии того, что будет проведена лишь частичная реформа, оно предложит полную реформу после осуществления частичной реформы и ухода работников группы 1 со своих рабочих мест. Такое предложение всегда будет отвечать интересам правительства, т. к. $\Delta + \lambda l' > 0$, т. е. поскольку издержки, связанные с выплатой компенсации работникам группы 2, ниже, чем выгода от прироста эффективности в результате полной реформы. Таким образом, частичная реформа является несогласованной во времени, и равновесной окажется градуалистская стратегия: сегодня проводится частичная реформа и работники группы 1 покидают свои рабочие места, а спустя один период осуществляется полная реформа и свои рабочие места покидают работники группы 2. В таком случае работники группы 1 не согласятся уволиться первыми, получив компенсацию в размере $-l$. В самом деле, они предпочтут отказаться от этого выходного пособия и, подождав один период и выдав себя за работников группы 2, получат выходное пособие в размере $-l'$. Для того чтобы им было безразлично, уволиться ли сегодня или завтра, работники группы 1 должны получить такое выходное пособие, которое компенсировало бы убытки, которые они понесут, уволившись сегодня, а также включало бы в себя дисконтированную ренту, которую они получили бы, предпочтя уволиться завтра; другими словами, они должны получить выходное пособие, равное $l - \delta(l - l') = -[(1 - \delta)l + \delta l']$. В таком случае градуалистская реформа, предполагающая проведение сегодня частичной реформы и выплату группе 1 трансфертов, совместимых с ее стимулами, принесет чистый выигрыш

$$(1 - \delta)(g + l + l' - \Delta) + \delta(g + l + l') + \lambda[(1 - \delta)l + \delta l'] + \lambda \delta l'. \quad (3.5)$$

Очевидно, выражение (3.5) представляет собой выпуклую комбинацию выражений (3.2) и (3.3) (с весами δ и $1 - \delta$), следовательно, градуализм предпочтительнее полного реформирования во всех тех случаях, когда в статической ситуации частичная реформа предпочтительнее, чем полная реформа. Хотя градуализм не столь хорош, как была бы устойчивая частичная реформа, он все же предпочтительнее, чем любая шоковая стратегия и представляет собой согласованный во времени оптимум во всех случаях, когда важное значение имеют бюджетные расходы (т. е. когда значение λ достаточно велико).

Хэйри (1997) разработал обобщения этой модели Дьюатрипона–Ролана для различных стратегий сокращения персонала.

3.4. ОТДЕЛЕНИЕ РЕГИОНОВ И ТРАНСФЕРТЫ

Когда издержки, связанные с выплатой трансфертов, настолько высоки, что проведение реформ становится невозможным, у региона может возникнуть соблазн отделения от страны — в особенности если ожидается, что распределение выгод и убытков от осуществления реформ будет неравномерным в географическом отношении. В этом разделе мы рассмотрим некоторые из тех проблем, которые возникают в переходных экономиках из-за различного географического распределения прореформистских и антиреформистских групп интересов и которые способствовали распаду Чехословакии, Югославии и СССР. И хотя этнические конфликты, несомненно, сыграли важную роль в этих событиях, немаловажную роль играли и конфликты по поводу стратегий реформирования и межрегиональных трансфертов, возникшие после установления демократии в этих странах. Ярким примером таких конфликтов является распад Чехословакии. В этом разделе мы не только покажем, почему различия во мнениях относительно предпочтительных стратегий реформирования, которых придерживается большинство населения в разных регионах, могут привести к отделению регионов от страны. Мы также продемонстрируем, что сама угроза отделения может быть использована как инструмент для сокращения трансфертов. По существу, возможность отделения изменяет статус-кво, и этим может воспользоваться реформатор, определяющий повестку дня.

Мы изменим описанную выше модель таким образом, чтобы она учитывала различия в географическом распределении выигрывающих и проигрывающих от проведения реформ. Будем, как и раньше, рассматривать реформу с чистыми распределительными выигрышами g , l и l' , причем каждый из этих выигрышей достается одной трети населения. В единой стране реформатор, определяющий повестку дня, может добиться согласия большинства населения на проведение реформы при условии перечисления проигрывающим трансфертов в размере $-l$. Как и прежде, будем считать, что имеет место асимметрия информации относительно этих проигрывающих, и поэтому такие трансферты должны выплачиваться не только проигрывающим типа l , но и типа l' . В действительности это предположение здесь не является необходимым, однако оно не усложняет модель. Таким образом, при данной программе проведения реформы группа, выигрывающая от ее проведения, должна будет уплатить налоги в размере $-(1 + \lambda) 2l$, для того чтобы обеспечить финансирование этих трансфертов. Считается, что значение λ не слишком велико и благодаря этому чистый выигрыш $g + (1 + \lambda) 2l$ тех, кто выигрывает от проведения реформы, положителен. Медианная группа индифферентна по отношению к выбору между реформой и сохранением статус-кво, в то время как те, кто проигрывает больше всего — агенты из группы с выигрышем l' , — понесут чистые убытки в размере $l' - l$ и поэтому будут голосовать против реформы.

Такова картина реформы в единой стране, но теперь мы предположим, что существуют два региона равных размеров и что географическое распределение выгод и убытков выглядит следующим образом: вся группа с выигрышем g и половина группы с выигрышем l проживают в регионе А, в то время как другая половина группы с выигрышем l и вся группа с выигрышем l' проживают в регионе В. В регионе А большинство населения (включая медианного избирателя) получает g , в то время как в регионе В большинство жителей получает l' . Этот пример проиллюстрирован на рис. 3.1. Таким образом, медианный избиратель в каждом из регионов отличается от медианного избирателя в единой стране.

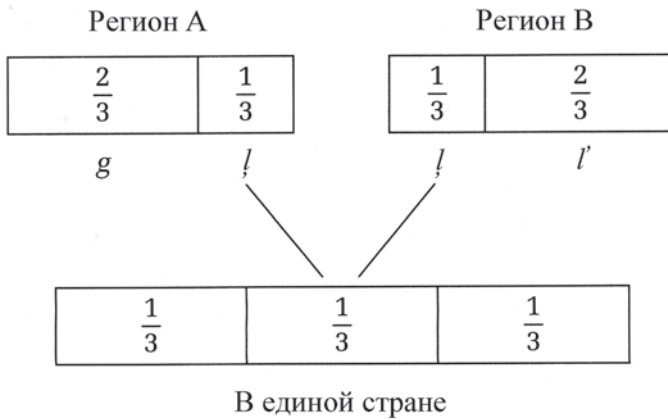

Рис. 3.1.

Допустим теперь, что после голосования по предложению о проведении реформы в единой стране, но до осуществления реформы в каждом из регионов проводится референдум по вопросу об отделении от страны. После отделения каждая из вновь образовавшихся независимых стран может осуществлять свою собственную стратегию реформирования. Обозначим через s издержки отделения или, что в этой простой постановке равнозначно, издержки, связанные с осуществлением реформы только в одном регионе.

Какие же стимулы могут побудить каждый из регионов к отделению после решения о проведении реформы в единой стране с выплатой трансфертов в размере $-l$? Сразу же можно заметить, что в регионе А большинство населения может рассматривать вариант отделения, для того чтобы добиться проведения реформы, вообще не предусматривающей никаких трансфертных выплат. Такое положение может иметь место в том случае, если для медианного избирателя в регионе А издержки отделения окажутся меньшими, чем те трансферты, уплаты которых этот избиратель избежит в случае отделения региона, т. е. если выполняется следующее условие:

$$s < -(1 + \lambda)2l. \quad (3.6)$$

Однако в регионе В большинство населения также может захотеть отделиться от страны, но по иным мотивам — для того чтобы вообще не проводить реформу. В самом деле, после отделения любое предложение о проведении реформы в регионе В было бы отвергнуто, поскольку все его жители в результате ее проведения понесут убытки и в силу этого не будет ни одной группы, которую можно было бы обложить налогами для выплаты компенсации проигрывающим. Отделение могло бы иметь место в том случае, если для медианного избирателя в регионе В издержки отделения окажутся меньшими, чем та выгода, которую он получит от отделения (избежав чистых убытков от проведения реформы в единой стране в размере $l' - l$), т. е. если выполняется следующее условие:

$$s < -(l' - l) \quad (3.7)$$

Возможность отделения какого-либо региона может, разумеется, повлиять на выбор предложения о проведении реформы, который осуществляется разработчиками повестки дня. Равновесный план реформы (а также результат реформы в этой детерминированной постановке) должен учитывать не только такое простое политическое ограничение, как необходимость согласия большинства населения; он должен учитывать также и возможность отделения какого-либо из регионов. Действительно, реформатор, определяющий повестку дня, может стремиться избежать отделения регионов из-за его неэффективности. Чтобы предотвратить отделение региона А, нужно установить верхнюю границу объема t выплачиваемых проигрывающим трансфертов таким образом, чтобы издержки отделения всегда превышали его выгоды:

$$t \leq s/(2(1 + \lambda)). \quad (3.8)$$

Однако для того чтобы предотвратить отделение региона В, компенсационные трансферты не должны опускаться ниже некоторого нижнего предела, который представляет собой компенсацию убытков в результате реформы, которых можно избежать при отделении, за вычетом издержек отделения:

$$t \geq -l' - s \quad (3.9)$$

Объединив эти два ограничения, получаем:

$$-l' - s \leq t \leq s/(2(1 + \lambda)) \quad (3.10)$$

Если значение s достаточно мало, то множество приемлемых значений t окажется пустым и отделение становится неизбежным из-за противоречащих друг другу требований прореформистского большинства в регионе А

и антиреформистского большинства в регионе В. Но и при более высоком значении s возможность отделения регионов все же может привести к тому, что первоначальное предложение о проведении реформы будет отличным от аналогичного предложения в базовом случае, не учитывающем возможность такого отделения. В частности реформатор, определяющий повестку дня и желающий минимизировать трансферты при проведении реформ, может установить $t = -l' - s$ и добиться одобрения этого предложения большинством избирателей. Все избиратели региона А получают выгоду: объем трансфертов, выплачиваемых выигрывающими от проведения реформы, будет меньше той величины, при которой эти избиратели были бы индифферентными к вопросу об отделении. То меньшинство в регионе А, которое получает l , окажется в более выгодном положении по сравнению с вариантом отделения, т. к. оно получит часть трансфертов и избежит издержек отделения. Однако поскольку данная величина t делает избирателей, получающих l' , индифферентными к выбору между отделением и реформой, те жители региона В, которые получают l , окажутся даже в более выгодном положении по сравнению с вариантом отделения. Мы видим, что возможность отделения регионов позволяет уменьшить величину трансфертов, выплачиваемых тем, кто проигрывает в результате проведения реформы, т. к. она изменяет статус-кво. Если возможность отделения отсутствует, то медианный избиратель должен получить компенсацию за убытки, которые он несет вследствие реформы. При наличии такой возможности можно поставить на голосование более низкий уровень трансфертов. Действительно, в случае отклонения предложения о проведении реформы регион А отделится от страны и положение группы, получающей l , в регионах А и В строго ухудшится по сравнению с тем что она имела бы, проголосовав за это предложение, зная, что его одобрение не приведет к распаду страны.

Изменение границ в Европе после падения Берлинской стены вновь привлекло внимание экономистов к вопросам отделения регионов и политической интеграции. Бьюкенен и Фэйз (1987) и Берковиц (1997) продемонстрировали, каким образом угрозы отделения регионов или штатов могут привести к серьезному ослаблению власти центрального правительства в сфере налогообложения. Трейсман (1996), исследуя переходный процесс в России, показал, что более склонные к отделению регионы, например республики Татария и Башкирия, руководители которых были политическими противниками Ельцина, получали более значительные трансфертные выплаты, т. к. правительство стремилось удержать их в составе федерации.

Болтон и Ролан (1996, 1997) провели более общее исследование влияния различий между регионами в распределении доходов на стимулы, побуждающие к отделению. В духе приведенного выше примера было доказано, что, если потери эффективности вследствие отделения региона от страны относительно невелики, отделение может оказаться неизбежным, т. к. требования

большинства населения в различных регионах вступают в противоречие друг с другом: в регионе, где доходы до уплаты налогов распределяются относительно равномерно, большинство населения может пожелать отделиться, для того чтобы снизить уровень перераспределительного налогообложения, в то время как в менее эгалитарном регионе большинство населения может захотеть отделения, для того чтобы повысить уровень перераспределения. Алесина и Сполаоре (1997) исследовали оптимальный размер государств, определяемый проблемой выбора между экономией от масштаба в сфере обеспечения общественными благами, с одной стороны, и структурой общественных благ, более близкой к предпочтениям индивидов — с другой (см. также работу Алесины, Сполаоре и Важярга, 1997). Каселла и Фейнштейн (1990) и Вей (1991) сходным образом рассматривают проблему выбора между преимуществами, которые имеет с точки зрения эффективности торговля в единой стране, и издержками, возникающими из-за того, что общественные блага в меньшей степени соответствуют предпочтениям индивидов. Они анализируют эволюцию этого выбора в процессе экономического развития.

Модель Болтона и Ролана получила развитие в нескольких направлениях. Ривьер (1997) явным образом вводит в эту модель соображения, связанные с размером региона, а также эффекты экономии от масштаба в сфере обеспечения общественными благами. Она приходит к выводу о том, что отделение менее вероятно, когда регионы не равны по своим размерам или когда их число велико. Причина заключается в том, что хотя небольшой по отношению ко всей стране регион может иметь политические стимулы для отделения в связи с различиями в предпочтениях большинства населения страны и данного региона, однако потери в экономии от масштаба чересчур велики, для того чтобы отделение имело смысл. И напротив, в крупном по отношению ко всей стране регионе предпочтения большинства населения будут близки к предпочтениям большинства населения страны. Фидрмук (1998с) применил данную модель для анализа макроэкономических шоков в валютном союзе. Литература, посвященная оптимальным валютным зонам, позволяет предположить, что для смягчения последствий асимметричных шоков должна использоваться фискальная политика. Однако включение в модель политических аспектов приводит к более мрачному выводу, т. к. асимметричные шоки будут увеличивать политические расхождения между предпочтениями большинства населения в различных регионах и усиливать сепаратистские тенденции.

Хотя интерес к вопросам отделения регионов и политической интеграции вновь значительно усилился в связи с переходом к капитализму и распадом бывших коммунистических стран, эти вопросы по большей части не связаны с реформами и представляют собой самостоятельный важный предмет исследования. Лучшее понимание этих вопросов имеет фундаментальное значение для понимания политической архитектуры демократии в сегодняшнем глобализирующемся мире и для стабильности самого экономического процве-

тания этого мира. Процветание, достигнутое в конце XIX в, было жестоко прервано опустошительной Первой мировой войной между суверенными государствами, которая унесла жизни десятков миллионов людей и привела к появлению варварских фашистских режимов. Можно ли избежать подобных эпизодов в будущем и каким образом? Какую роль должны играть такие международные организации, как ООН, Всемирная торговая организация и т. д., а также наднациональные структуры типа Европейского союза? Каким образом можно надежно обеспечить стабильный мир и свободную торговлю между суверенными странами? Эти животрепещущие вопросы будут стоять перед нами в предстоящие годы.

3.5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И СКОРОСТЬ ПЕРЕХОДА К КАПИТАЛИЗМУ В ДРУГИХ МОДЕЛЯХ

Родрик (1995) предлагает модель, позволяющую проанализировать, почему реформа может первоначально пользоваться поддержкой народа, но позднее лишается этой поддержки и отменяется. Рассматривается ситуация, в которой сокращение субсидий приводит к уменьшению размеров государственного сектора в экономике и к расширению частного сектора, однако в силу экзогенных причин темпы его роста отстают от темпов сокращения государственного сектора, что влечет за собой безработицу. Субсидии государственному сектору финансируются за счет налогов, взимаемых с частного сектора. В начале переходного периода работники государственного сектора могут поддержать сокращение субсидий, поскольку они с большой вероятностью смогут в конце концов устроиться в частном секторе. Снижение налогов увеличивает как вероятность найти работу в частном секторе, так и доходы занятых в этом секторе. По той же причине безработные всегда одобряют реформу, поскольку от снижения налогов они могут только выиграть. В данной модели вероятность того, что работник государственного сектора сможет найти работу в частном секторе, снижается по мере роста последнего. Поэтому может случиться так, что в определенный момент работники государственного сектора начнут выступать против реформы, т. к. ожидаемая ими выгода от крупных субсидий, выделяемых государственному сектору, превосходит ту выгоду, которую они ожидают получить от снижения налогов, что объясняется более низкой вероятностью получить работу в частном секторе. Модель Родрика позволяет понять изменение позиции работников государственного сектора в ходе процесса реформирования. Тем самым она предлагает объяснение и широкой поддержки радикальных реформ в Центральной Европе в начале переходного периода, и наблюдавшегося позднее отторжения реформаторов. Однако эта модель основана на предположении «близорукости» избирателей при голосовании. Голосуя по вопросу о сокращении субсидий в любой данный момент

времени, работники, по существу, не учитывают влияния на сегодняшнее голосование отмены этой политики в будущем. В идеале хотелось бы иметь для условий переходного периода динамическую модель общего равновесия, включающую в себя и экономические, и политические решения агентов этой экономики, рациональным образом учитывающих будущие ожидания в отношении экономических и политических переменных. Фактически это и делается в модели Фернандеса и Родрика (1991), однако хотелось бы иметь аналогичную модель с межвременными голосованиями по поводу различных стратегий перераспределения, а не просто по поводу продолжения или отмены реформ. Это достаточно нелегкая задача.

Модель, предложенная Мехлумом (1998), немного отличается от модели Родрика. Мехлум строит простую модель общего равновесия потребления и сбережений с производственной функцией Леонтьева и функцией полезности с постоянным относительным неприятием риска (CRRA). Здесь заработная плата работников государственного сектора также финансируется за счет налогообложения частного сектора. Политической переменной является траектория уменьшения размеров государственного сектора. Благодаря предположениям, принятым относительно состояния технологии и предпочтений, основной капитал может немедленно приспосабливаться к уменьшению размеров государственного сектора. Сравняются две стратегии. Первая называется шоковой и предусматривает устранение государственного сектора в течение одного периода. Вторая стратегия — градуалистская, при которой этот сектор устраняется в течение двух периодов. Считается, что при любой из этих стратегий реформа отменяется, если уровень заработной платы опускается ниже определенного минимума. Идея заключается в том, что существует жесткий нижний предел заработной платы, и когда равновесная заработная плата опускается ниже этого минимума, возникает безработица. Предположение политического характера состоит в том, что безработица всегда приводит к отвержению реформы. Модель позволяет сделать два главных вывода. Прежде всего шоковая программа реформирования может оказаться неосуществимой по сравнению с программой постепенного реформирования, поскольку первая может потребовать слишком значительного первоначального падения уровня заработной платы. Во-вторых, программы постепенного реформирования, предусматривающие значительное первоначальное сокращение государственного сектора экономики, могут приводить к множественности равновесий — в зависимости от того, ожидается ли отмена реформ или нет. Ожидание отмены реформы и «замораживания» дальнейших сокращений государственного сектора является самореализующимся, т. к. оно приводит к повышению ставки процента и к снижению заработной платы по сравнению с тем уровнем, который достигается, когда реформа не отменяется. Полностью заслуживает доверия такой способ реформирования, при котором первоначальное уменьшение размеров государственного сектора носит достаточно умеренный ха-

ракти, благодаря чему ожидания отмены реформы не приводят к ее отмене. Эта модель чрезвычайно проста, гибка и учитывает основные аспекты общего равновесия. Однако хотя экономические переменные полностью учитывают ожидания, анализ политических ограничений носит неявный характер. Принятие или отклонение реформы не выводится явным образом из сравнения ожидаемых полезностей или различных стратегий. Модель попросту исходит из того, что, когда уровень безработицы или ограничения заработной платы превышают некоторый порог, реформы отвергаются.

Дехей (1995), используя работу Мусса (1978), более тщательно моделирует политические ограничения при либерализации торговли в рамках динамической модели общего равновесия. В этой модели считается, что по политическим соображениям необходимо одобрение реформы работниками конкурирующего с импортом сектора экономики, которому в случае либерализации торговли предстоит сокращение. Таким образом, политическое ограничение состоит в том, что в любой момент времени дисконтированная стоимость дохода, получаемого работником этого сектора за весь период его жизни, должна превышать соответствующую величину для состояния статус-кво. Статус-кво определяется протекционистским тарифом, действующим в этом секторе в данный период времени. Как и в модели Фернандеса и Родрика (1991), работники конкурирующего с импортом сектора при переходе в экспортирующий сектор несут издержки, связанные с приспособлением к новой работе (переобучением). Здесь градуализм может оказаться осуществимым с политической точки зрения в тех случаях, когда шоковое реформирование неосуществимо — главным образом потому, что оно уменьшает издержки приспособления, которые несут работники.

3.6. НЕКОТОРЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Проблеме политических ограничений при переходе к капитализму посвящено небольшое, но растущее число работ. Чаще всего авторы этих работ не пытались проверить существующие теории или провести различия между ними. Тем не менее имеется несколько интересных работ, проливающих свет на то, как эндогенным образом возникает политическая поддержка реформ.

Фидрмук (1998а, б) проанализировал политическую поддержку реформ в Чехии (1992 и 1996 гг.), Словакии (1992 и 1994 гг.), Польше (1993, 1995 и 1997 гг.) и Венгрии (1994 и 1998 гг.). Воспользовавшись данными, собранными в этих странах на общенациональном уровне, он проанализировал влияние экономических показателей, отражающих результаты реформ, на число голосов, получаемых различными партиями. Его основные выводы основаны на оценках, в которых использованы, по-видимому, не связанные друг с другом

регрессии, и заключаются в том, что на популярности правых реформистских партий негативным образом отражаются рост безработицы и высокий удельный вес в общей численности населения пенсионеров, рабочих и работников сельского хозяйства; положительное влияние оказывают значительные размеры существующего частного сектора и повышение доли служащих или людей с университетским образованием в общей численности населения. По существу, эти выводы указывают на существование закономерности в том, кто считает себя выигравшим в результате проведения реформ, а кто — проигравшим, и на то, что политическая поддержка реформ зависит от соотношения между числом выигравших и числом проигравших. Динамический анализ свидетельствует, что определенное значение имеет подотчетность правительства избирателям; различия между результатами двух выборных кампаний демонстрируют, что колеблющиеся избиратели «наказывают» действующее правительство за плохие показатели безработицы или роста заработной платы или же «вознаграждают» их за хорошие результаты.

Результаты, полученные Фидрмуком, показывают, что стабильность правительства Клауса в Чехии — по сравнению с правительствами других стран с переходной экономикой — может быть связана с тем фактом, что уровень безработицы в Чехии ниже, чем в других странах; этот вопрос был глубоко проанализирован в нескольких работах (см., например работы Хэма, Свейжнара и Террелла, 1998, Мюнixa, Швейжнара и Террелла, 1998 и Сорма и Террелла, 1999).

Мордук и Сикулар (1999) провели весьма интересный эмпирический анализ интересов китайских бюрократов в ходе процесса реформирования. Хеллман (1998) утверждал, что в Восточной Европе бюрократы выигрывают от проведения первоначальных реформ, но блокируют дальнейшие реформы, с тем чтобы сохранить за собой высокие ренты, которые они обеспечили себе в результате первоначальных реформ. В Китае, напротив, ренты, получаемые бюрократами, возрастают по мере развития реформ, но в то же время выгоды, приносимые реформами, делятся между бюрократами и населением страны в целом. Об этом свидетельствует пример уезда Жупин. Авторы используют обобщенный метод наименьших квадратов для построения регрессии со случайным эффектом по панельным данным и показывают, что должностной статус сельских кадровых руководящих работников обеспечивает им более высокие доходы (по их оценкам, на 18% выше среднего уровня). В регрессии в качестве контрольных переменных учитываются место жительства, время, уровень образования и другие характеристики. Это превышение дохода, таким образом, представляет собой ренту, присваиваемую бюрократами. Более того, в те годы, когда происходит ускорение реформ, доходы сельских кадровых руководителей возрастают. Статус сельских кадровых руководителей является наиболее важной переменной, определяющей (наряду с местом жительства) более высокий по сравнению со средним доход членов компартии. Главным

источником этого более высокого дохода сельских кадровых руководителей является более высокая заработная плата в несельскохозяйственных сферах деятельности — главным образом в поселковых и деревенских предприятиях (ПДП). Наконец, было показано, что доход определяется главным образом переменными неполитического характера и что приросты дохода распределяются равномерно между всеми квинтилями, если не считать влияния членства в партии, которое, однако лишь незначительно влияет на совокупный доход индивида.

Стоит упомянуть здесь об исследовании Шляйфера и Трайсмана (2000), которые на примере России рассмотрели влияние политических ограничений на стратегии проведения реформ. Подобно тому как это делалось в этой главе, они рассматривали необходимость для реформаторов иметь достаточную поддержку предложений о проведении реформ. Но если в этой и предыдущей главах данной книги подчеркивалось, как важно заручиться поддержкой избирателей, авторы указанной работы подчеркивают, что в процессе перехода к капитализму необходимо получить поддержку со стороны достаточного числа групп специальных интересов. Они анализируют, как это было достигнуто при проведении приватизации и стабилизации экономики и как это не было достигнуто при проведении налоговой реформы.

Сопrotивление приватизации в России можно было преодолеть путем разработки такой программы приватизации, которая обеспечила бы заинтересованность менеджеров и работников в проведении этой реформы. Эта стратегия была осуществлена посредством так называемого второго варианта закона о приватизации, позволявшего работникам и менеджерам выкупать большую часть акций своих предприятий по очень низкой цене, что, по существу, обеспечивало им контроль над активами предприятий. Вариант 2 оказался главным способом приватизации в России. Поддержка региональных органов власти, ранее выступавших против приватизации, была куплена путем передачи им контроля над приватизацией мелких предприятий. Политическая экономия приватизации более подробно рассматривается в следующей главе.

Политическое сопротивление стабилизации экономики в России играло исключительно важную роль, и попытки находившихся у власти реформаторов начать осуществление стабилизационных программ, как правило, терпели неудачу, столкнувшись с политическими ограничениями. Только в 1995 г. удалось добиться первых реальных успехов в стабилизации экономики. Шляйфер и Трайсман доказывают, что одна из главных причин этих успехов заключалась в том, что удалось преодолеть сопротивление банковского сектора, первоначально не поддерживавшего стабилизацию экономики. Ранее банковский сектор получал громадные ренты благодаря инфляции главным образом из-за того, что проценты выплачивались вкладчикам по отрицательным реальным ставкам. Истерли и Виейра-да-Кунья (1994) подсчитали, что в 1992 г. финансовый сектор при помощи арбитражных сделок, используя расчеты со вкладчиками

по отрицательным реальным процентным ставкам, присвоил около 8% ВВП России. Поддержка банками политики стабилизации экономики была куплена ценой предоставления им других возможностей для получения сверхприбылей: для этой цели были использованы ГКО — государственные краткосрочные облигации с очень высокими реальными процентными ставками. ГКО были настоящим подарком для банков, поскольку доступ на аукционы по размещению ГКО получили заранее отобранные дилеры, а иностранные инвесторы и простые русские были лишены возможности участвовать в этих аукционах. ГКО компенсировали банкам ренту, утраченную в связи со снижением инфляции, и сделали банки заинтересованными в борьбе с инфляцией, т. к. эта борьба позволяла сохранить доходность ГКО на высоком уровне.

Однако предоставляя коммерческим банкам ренту, с тем чтобы заручиться их поддержкой в деле стабилизации экономики, а также проводя приватизацию посредством залоговых аукционов, благодаря которым коммерческие банки установили контроль над огромными активами в промышленности³, администрация Ельцина помогла некоторым владельцам коммерческих банков создать громадные финансовые и промышленные империи, сформировавшие систему «олигархов». После этого олигархи стали важнейшей силой, препятствовавшей осуществлению налоговой реформы и эффективному сбору налогов.

3.7. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ РЕФОРМ

Примеры, рассматривавшиеся в этой главе, хотя и являются в высшей степени упрощенными, тем не менее демонстрируют, каким образом те, кто определяет повестку дня, могут использовать скорость и последовательность проведения реформ, для того чтобы обеспечить поддержку программы реформ большинством населения. Мы рассматриваем эти примеры как иллюстрацию «макиавеллиевской политики» не в обычном смысле этого термина, подразумевающим политическую тактику для достижения аморальных целей, а в противоположном — как рациональные методы, которые могут использоваться политиками, стремящимися к осуществлению реформ. Модели формирования повестки дня представляют собой подходящие инструменты для анализа проблем экономической политики с учетом политических ограничений. Такой анализ позволяет, кроме того, вырабатывать политические рекоменда-

³ Эта форма приватизации предусматривала получение правительством ссуд под залог акций государственных предприятий, причем в случае неспособности правительства расплатиться — что заранее ожидалось — кредиторы получали существенную премию. Эта операция носила чрезвычайно сомнительный характер не только в связи с извлекаемыми из нее рентами, но и потому, что некоторые банки временами являлись одновременно и организаторами аукциона, и его участниками.

ции — так же, как и обычный экономический анализ. Единственное различие заключается в том, что здесь не игнорируются политические ограничения, как это обычно делается в экономическом анализе. Вместо этого они непосредственно вводятся в анализ. Таким образом, к моделям формирования повестки дня не применимы часто встречающиеся критические замечания по поводу моделей политической экономии, согласно которым эти модели исключают возможность выработки политических рекомендаций, т. к. политический процесс в них является чисто эндогенным. В моделях формирования повестки дня политический процесс лишь частично является эндогенным фактором, поскольку в них предполагается существование экзогенного разработчика политики, стремящегося к проведению реформ. Этот тип анализа может быть особенно полезен для нормативного и реалистического анализа политической экономии реформ.

Однако модели формирования программы реформ могут быть подвергнуты законной критике на том основании, что они не полностью эндогенизируют политический процесс. Ввиду их подчеркнуто нормативного характера они не обеспечивают достаточно глубокого позитивного анализа выбора между различными вариантами экономической политики. В первую очередь они не объясняют, как реформатор может прийти к власти или при каких обстоятельствах реформаторы не могут прийти к власти. Для более глубокого анализа требуется более полная картина. Необходим анализ конкретных групп специальных интересов, степени их организованности и последствий их влияния на электоральную политическую борьбу. Анализ взаимодействия между этими группами специальных интересов нужно затем дополнить анализом процесса принятия политических решений и взаимодействия между деятельностью этих групп и правилами принятия решений. Хотя поиск ренты постоянно упоминается в политической литературе, посвященной переходному периоду, до сих пор, по существу, не предпринималось никаких попыток смоделировать переходный процесс с позиций поиска ренты или политики групп специальных интересов с явным использованием игр в развернутой форме, которые отражали бы данную институциональную ситуацию. Это, несомненно, интересная тема будущих исследований.

ГЛАВА 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МАССОВОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ

В переходных экономиках политические ограничения, несомненно, сыграли важную роль в процессах приватизации и реструктуризации. В начале переходного процесса страх перед увольнениями, которые, как ожидалось, будут иметь место после приватизации государственных предприятий, был важным потенциальным источником возникновения политической оппозиции. В то же время радикально настроенные политики ощущали необходимость срочно начать и осуществить крупномасштабную приватизацию. Широкое распространение среди них получила убежденность в том, что, не начав — срочно и в беспрецедентном масштабе — осуществление программ приватизации, они не смогут добиться значительного повышения эффективности экономики. В начале переходного периода преобладало негативное отношение к менеджерам предприятий, и считалось даже, что без очень быстрого осуществления приватизации они растащат активы управляемых ими фирм. Именно в этом контексте в Польше и Чехословакии были разработаны предложения по проведению *массовой приватизации* — масштабной передачи собственности государства в руки частных лиц путем бесплатного или квазибесплатного распределения этой собственности.

Первый эксперимент по проведению массовой приватизации начался в Чехословакии в 1992 г. Граждане этой страны получили по весьма низкой цене ваучеры, которые они могли использовать для приобретения акций приватизируемых компаний. Другой впечатляющий эксперимент по проведению массовой приватизации имел место в России, где он начался в 1994 г.; его суть состояла в том, что активы, по большей части, передавались не гражданам страны, а руководителям и работникам предприятий. Чешская и российская программы массовой приватизации отличались друг от друга некоторыми важными деталями. Прежде всего в Чехии приватизация была нацелена не на работников предприятий, а на граждан страны в целом. Другими словами, в Чехии каждый гражданин изначально имел возможность приобрести одну из равных долей в приватизируемых активах, в то время как в России работники должны были получать акции предприятий, на которых они работали¹. Еще

¹ В этом абзаце автор не вполне точен. Чековая приватизация в России началась в 1992 г. Каждый гражданин имел право, участвуя в чековых аукционах, приобрести акции любого приватизируемого предприятия. Однако по ряду причин большинство

одна важная деталь заключалась в том, что в Чехии гражданам не разрешалось продавать за деньги приобретенные на ваучеры акции в течение по меньшей мере одного года после приобретения акций приватизированных фирм. В России же, напротив, акции приобретенные в результате массовой приватизации, можно было продавать за деньги.

С самого начала при разработке программ массовой приватизации серьезную роль играли политические мотивы. Идея заключалась в том, чтобы использовать массовую приватизацию в качестве инструмента, обеспечивающего необратимость процесса перехода к капитализму посредством создания у населения страны заинтересованности в успехе приватизации. Это стремление, несомненно, было важным мотивом при разработке схемы ваучерной приватизации в Чехословакии. В России идея заключалась в том, чтобы лишить правительство его богатства, с тем чтобы ослабить коммунистическое правительство в том случае, если оно придет к власти и попытается обратить вспять переходный процесс (Бойко, Шляйфер и Вишны, 1995). Другими словами, массовая приватизация рассматривалась как инструмент, позволяющий смягчить политические ограничения *ex post*. В то же время схемы массовой приватизации выработывались с учетом политических ограничений *ex ante*. Именно эта мотивация привела к политике раздачи активов инсайдерам (руководителям и работникам).

В этой главе мы представляем несколько моделей политической экономики массовой приватизации. Мы поступаем таким образом потому, что предыдущие главы носили относительно общий и абстрактный характер. Достоинство этой обобщенности заключалось в том, что наш анализ мог широко применяться ко всему комплексу ситуаций, а недостаток — в том, что он был не слишком пригоден для оценки тонких различий между разными программами реформ. Учитывая уникальность массовой приватизации как одной из специфических реформ переходного периода по сравнению с другими процессами реформирования, будет полезным несколько более подробно рассмотреть детали программ массовой приватизации и их политические и экономические последствия. Таким образом, приводимый в этой главе анализ полезен, т. к. он демонстрирует, каким образом различия в деталях программ массовой приватизации могут приводить к серьезным экономическим и политическим последствиям. Приводимые нами модели ставят во главу угла главным образом политические ограничения *ex post* и способы обеспечения необратимости реформ. Экономические результаты различных стратегий приватизации мы рассмотрим в главе 10.

В первых разделах этой главы мы рассмотрим модель политической экономики массовой приватизации, предложенную Роланом и Вердые (1994). Ее работников приватизированных предприятий предпочло обменять чеки на акции своих фирм. См., например, Рутгайзер В. Приватизация в России: движение на “ощупь”. Вопросы экономики. 1993, NN 10, 11, 12. — Прим. ред. пер.

отправным пунктом является утверждение о том, что стандартные стратегии приватизации могут приводить к ренационализации активов в том случае, если они создают чрезмерно большую безработицу. Массовая приватизация может быть использована для предотвращения ренационализации, поскольку она создает у населения заинтересованность в успехе приватизации, компенсирующую отрицательную реакцию, которая вызывается безработицей. В разделе 4.2 мы исследуем модель Шмидта (2000), тесно связанную с предыдущей моделью, и рассматриваем различия между раздачей активов инсайдерам (менеджерам и работникам фирмы) и аутсайдерам. В этом разделе мы демонстрируем, что приватизация в пользу аутсайдеров в большей степени обеспечивает необратимость реформ, т. к. участие населения в капитале носит диверсифицированный характер, что не имеет места в случае инсайдерской приватизации. В разделе 4.3 мы разрабатываем упрощенную версию модели Бьяса и Перотти (1998), которая имеет более богатую политическую структуру и демонстрирует, каким образом правое правительство может использовать массовую приватизацию, для того чтобы обеспечить себе переизбрание. Эта модель может быть применена к странам Центральной и Восточной Европы; она объясняет, как Вацлав Клаус использовал массовую приватизацию для своего переизбрания. Однако она может быть применена и для объяснения стратегий приватизации, осуществлявшихся в Западной Европе, — в частности правительством Тэтчер в Великобритании: она демонстрирует, как может быть использована в политических целях недооценка приватизируемых активов. В разделе 4.4 мы вкратце рассмотрим некоторые эмпирические работы по данному вопросу. В разделе 4.5 мы рассматриваем некоторые экономические издержки, связанные с политическими выгодами от осуществления программ массовой приватизации. В разделе 4.6 подводятся итоги и делаются выводы из содержания части I книги.

4.1. МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОЙ ОТМЕНЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

Рассмотрим для начала упрощенную версию модели Ролана–Вердые (1994). Вначале мы продемонстрируем, как приватизация может вызвать «откат назад» из-за последующей реструктуризации предприятий и увольнений работников.

Предположим, что в экономике имеется континуум L работников общей массой 1. Для простоты предположим также континуум фирм общей массой 1. Таким образом, на одну фирму приходится один работник. «Социалистические» фирмы считаются убыточными; объем их продукции y_s меньше, чем выплачиваемая их работникам фиксированная заработная

плата w . Для покрытия убытков необходимо выплачивать фирмам субсидии в размере $w - y_s$. Эти субсидии финансируются за счет налогов, взимаемых с заработной платы.

Таким образом, бюджетное ограничение правительства имеет следующий вид:

$$tw = w - y_s \quad (4.1)$$

где t — ставка налога, взимаемого с работников ГП.²

Предполагается, что производственная функция приватизированной фирмы принимает следующий вид:

$$y_p = \min [a_p(n_p), l_p], \quad (4.2)$$

где y_p — объем продукции фирмы, а l_p — количество работающих в фирме. Снова используя нормализацию, считаем, что каждая фирма располагает одной единицей капитала; производительность капитала равна $a_p(n_p)$, где n — число приватизированных фирм. Приватизированные фирмы эндогенным образом выбирают l_p , равное $a_p(n_p)$. В этом разделе мы считаем a_p постоянной величиной, меньшей, чем 1; соответственно когда фирма приватизируется, она сокращает численность работающих на величину $1 - l_p = 1 - a_p$. Однако мы предполагаем, что приватизация делает фирмы более производительными и эффективными: $y_p = l_p > w > y_s$. Ставка заработной платы предполагается «жесткой»: она не может быть снижена и независимо от проведения приватизации остается на уровне w .

Мы рассмотрим вначале стандартную стратегию приватизации, при которой контроль над фирмами переходит в руки частных инвесторов, которые несут фиксированные издержки f при реструктуризации каждой фирмы. Это невозвратные издержки. Последовательность ходов в игре такова. Вначале все действующие в данной экономике фирмы предлагаются частным инвесторам, и последние независимо друг от друга принимают решение о входе на рынок и приобретении фирм. Мы предполагаем континуум инвесторов; они заполняют интервал $[0, 1]$. После входа инвесторов на рынок правительство пересматривает свою политику приватизации и может отменить любое данное число актов приватизации, если желаемый правительством объем приватизации меньше фактически достигнутого. Однако в том случае, если намеченный правительством уровень приватизации больше фактически достигнутого, оно не может принудительно привлечь в экономику дополнительных инвес-

² Может возникнуть вопрос: почему нельзя было установить более низкую заработную плату с тем, чтобы избежать налогообложения доходов? Этот вопрос возникает лишь в связи упрощенным характером данной модели. В реальной действительности социалистические фирмы были разнородными и очевидно, что не все из них были убыточными. К вопросу о разнородности этих фирм мы возвратимся в главе 8.

торов. На последней стадии игры осуществляются увольнения работников до эффективного уровня и выпуск продукции.

4.1.1. Отмена приватизации

Рассмотрим теперь проблему оптимизации, решаемую правительством. Мы предполагаем, что оно максимизирует ожидаемую полезность дохода среднего гражданина, сталкивающегося с риском потери работы. В силу принятых ранее допущений вероятность остаться без работы и лишиться дохода равна $n_p (1 - a_p)$, а вероятность сохранить за собой рабочее место и получать доход в размере $w(1 - t)$ составляет $1 - n_p (1 - a_p)$. Полезность дохода U предполагается вогнутой функцией; предполагается также, что $U(0) = 0$. Эту модель нетрудно обобщить, включив в нее выплату пособий по безработице, однако такое усложнение мало что добавит к получаемым качественным результатам. Занятые работники выплачивают налог, за счет которого финансируются субсидии, предоставляемые неприватизированным фирмам. Таким образом, правительство выбирает значение n_p^* как решение следующей задачи:

$$\max_{n_p} V(n_p) = n_p (1 - a_p) U(0) + [1 - n_p (1 - a_p)] U[w(1 - t)] \quad (4.3)$$

при ограничении

$$t = ((w - y_s) / w) ((1 - n_p) / (1 - n_p (1 - a_p)))$$

Нетрудно видеть, что с ростом уровня приватизации ставка налога снижается, т. е. уменьшается число предприятий, которые необходимо субсидировать:

$$dt / dn_p = ((w - y_s) / w) (-a_p / [1 - n_p (1 - a_p)]^2) < 0. \quad (4.4)$$

Вычисляя $V'(n_p)$, получаем:

$$V'(n_p) = -(1 - a_p) U[w(1 - t)] + U[w(1 - t)] (w - y_s) (a_p / [1 - n_p (1 - a_p)]) \quad (4.5)$$

Проблема выбора, порождаемая приватизацией, такова: с повышением уровня приватизации повышается вероятность потери рабочего места (первый член в правой части уравнения), однако при этом благодаря снижению налогового бремени возрастает доход занятых работников (второй член в правой части уравнения). Внутреннее решение $n_p^* \in (0, 1)$ уравнивает предельные выгоды и издержки приватизации. Поэтому любой уровень приватизации n_p , превышающий данное число n_p^* , останется недостижимым. Мы предполагаем, что вероятность ренационализации одинакова для всех фирм и равна $\max(0, (n_p - n_p^*) / n_p)$.

Принимая решение о входе, инвесторы учитывают возможность отмены приватизации в будущем. Действительно, их издержки входа f считаются безвозвратными. Поскольку решение о приходе на рынок принимается инвесторами независимо друг от друга, возникает игра Нэша. Мы ограничиваемся анализом симметричных равновесий (чистых и смешанных), в которых инвесторы выбирают вероятность входа, считая выбор других инвесторов заданным. Ожидаемая чистая прибыль $E\pi_p$ зависит от вероятности ренационализации, которая, в свою очередь, сама зависит от числа входящих инвесторов. Мы имеем

$$\begin{aligned} E\pi_p &= (1-w) a_p && \text{для } n_p < n_p^*, \\ &= (n_p^*/n_p)(1-w) a_p && \text{для } n_p \geq n_p^*. \end{aligned} \quad (4.6)$$

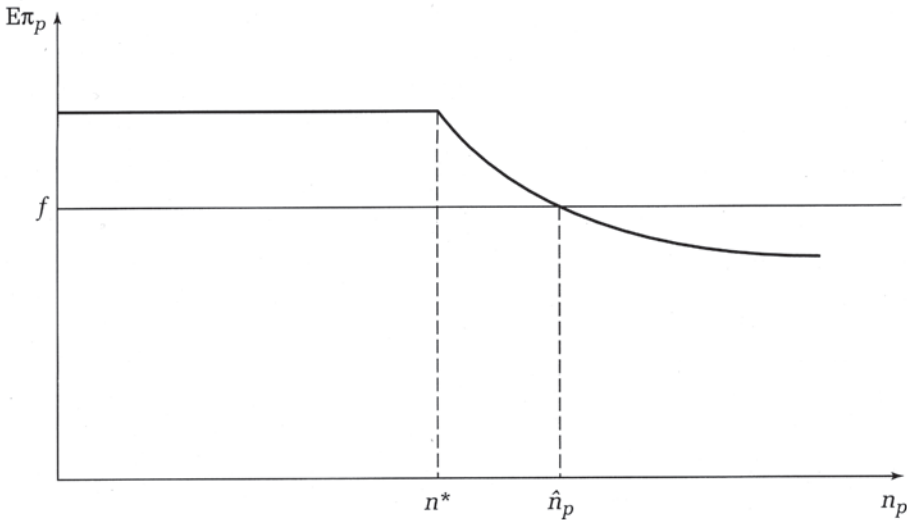

Рис. 4.1.

Используя рис. 4.1и допуская варьирование f , можно убедиться в том, что для $f > (1-w) a_p$ существует единственное равновесие, при котором приватизация вообще не имеет места; для $n_p^*(1-w) a_p > f$ существует единственное равновесие, при котором экономика полностью приватизируется ($\hat{n}_p = 1$); и для $f \in [n_p^*(1-w) a_p, (1-w) a_p]$ существует единственное равновесие при значении \hat{n}_p , таком что $(n_p^*/n_p)(1-w) a_p = f$. Уровень приватизации зависит от издержек входа, однако во всех случаях равновесие существует и единственно.

Отметим, что в состоянии равновесия ренационализации не происходит, однако реальная угроза ренационализации оказывает сдерживающее влияние на вход инвесторов. Отметим также, что это сдерживающее влияние повышает, а не понижает благосостояние населения. Действительно, при отсутствии

угрозы ренационализации для значений f в интервале $[n_p^*(1-w)a_p, (1-w)a_p]$ имела бы место не частичная, а полная приватизация. Однако в этом случае, несмотря на связанное с приватизацией повышение эффективности, работники подвергались бы более значительному риску безработицы и оказались бы на уровне благосостояния ниже оптимального.

4.1.2. Множественность равновесий и критическая масса в процессе приватизации

Полученный выше результат о наличии внутреннего решения проблемы приватизации легко поставить под сомнение. В самом деле, можно возразить, что риски, связанные с безработицей, носят переходный характер и что полная приватизация экономики в конечном счете приведет к полной занятости, причем общий уровень эффективности экономики повысится. Однако данный аргумент не означает, что отмена приватизации не представляет опасности.

Для того чтобы модель позволяла проанализировать этот вопрос, предположим наличие положительной экстерналии, зависящей от масштаба частного сектора. Существуют различные интуитивно привлекательные объяснения такой экстерналии. Первое из них связано с явлением взаимодополняемости, о котором уже упоминалось в предыдущих главах. Поскольку прибыльность фирмы зависит от количества, качества³ и масштаба доступных ей ресурсов, более высокий уровень приватизации может повысить эффективность деятельности каждой приватизированной фирмы. Во-вторых, существует положительная сетевая экстерналиа, связанная с существованием густой сети деловых связей, создающей климат доверия, в основе которого лежат регулярные контрактные отношения и социальный капитал (более полное освещение этого вопроса см. в работе Ролана и Вердые 1994). Эта экстерналиа, зависящая от масштаб частного сектора, моделируется при помощи допущения, согласно которому, если n_p превышает определенное пороговое значение \tilde{n} , производственная функция частных фирм принимает следующий вид:

$$y_p = \min [a_p(n_p), l_p], \quad (4.7)$$

где

$$a_p(n_p) = \max \{a_p, a_p + s(n_p - \tilde{n})\}.$$

Чтобы согласовать эту формулу с принятыми ранее допущениями, мы полагаем $s = (1 - a_p)/(1 - \tilde{n})$, так что $a_p(1) = 1$; значит, при полной приватизации экономики имеет место полная занятость. При эндогенном выборе l_p , равном

³ В понятие качества входит надежность поставок. Нерегулярный характер поставок представлял собой печально известную особенность социалистической экономики, обусловленную повсеместным дефицитом.

$a_p(n_p)$, изменяется косвенная функция полезности $V(n_p)$, т. к. теперь при уровнях приватизации, превышающих \check{n} , значение a_p зависит от n_p . Теперь оптимальный уровень приватизации определяется как решение следующего уравнения:

$$\max_{n_p} V(n_p) = n_p [(1 - a_p(n_p)) U(0) + \{1 - n_p [1 - a_p(n_p)]\} U[w(1 - t)]], \quad (4.8)$$

где

$$t = ((w - y_s)/w) (1 - n_p) / (1 - n_p [1 - a_p(n_p)])$$

В этом случае первая производная для $n > \check{n}$ имеет вид:

$$V'(n_p) = \begin{aligned} & -w (dt/dn_p) \{1 - n_p [1 - a_p(n_p)]\} U[w(1 - t)] \\ & + \{n_p a_p'(n_p) - [1 - a_p(n_p)]\} U[w(1 - t)], \end{aligned} \quad (4.9)$$

где

$$dt/dn_p = ((w - y_s)/w) (-a_p(n_p) - (1 - n_p) [n_p a_p'(n_p)]) / \{1 - n_p [1 - a_p(n_p)]\}^2 < 0 \quad (4.10)$$

Отметим два обстоятельства. Прежде всего с повышением уровня приватизации ставка налога снижается быстрее, поскольку при наличии экстерналии от масштаба база налогообложения увеличивается быстрее с увеличением частного сектора. Во-вторых, как и прежде, приватизация увеличивает предельную полезность дохода благодаря повышению чистой заработной платы, но одновременно влияет на вероятность потери работы. Однако приватизация не обязательно повышает вероятность остаться без работы. В действительности эта вероятность может уменьшиться, если значение n_p достаточно высоко. В самом деле, во втором члене правой части уравнения (4.9) $U[w(1 - t)]$ умножается на $\{n_p a_p'(n_p) - [1 - a_p(n_p)]\}$, а не на $-(1 - a_p)$. Значение величины $\{n_p a_p'(n_p) - [1 - a_p(n_p)]\}$ вполне может оказаться положительным. Так как $a_p'(n_p) = (1 - a_p) / (1 - \check{n})$, мы имеем

$$\begin{aligned} n_p a_p'(n_p) - [1 - a_p(n_p)] &= n_p (1 - a_p) / (1 - \check{n}) - 1 + a_p + (n_p - \check{n}) (1 - a_p) / (1 - \check{n}) = \\ &= (1 - a_p) (2n_p - 1) / (1 - \check{n}), \end{aligned}$$

что может быть положительной величиной при $n_p > 1/2$. В этом случае график $V(n_p)$ будет иметь положительный наклон. Так будет в том случае, если мы допустим, что $\check{n} > 1/2$.

Эффект экстерналии от размеров частного сектора проиллюстрирован на рис. 4.2. Заметим, что существует «критическая масса приватизации»⁴ η , для которой $V(\eta) = V(n^*)$. Для всех $n_p > \eta$, $V(n_p) > V(n^*)$. Любой уровень

⁴ Идея критической массы часто использовалась в ранней политической литературе, посвященной реформам переходного периода, чтобы показать, что только достаточно масштабные пакеты реформ могут обеспечить кредит доверия и вызвать изменения в экономическом поведении.

приватизации выше n^* , но ниже η , не будет достигнут, однако любой уровень приватизации, превышающий η , будет политически необратимым. При превышении этой критической массы начинается «добродетельный круг» повышения эффективности экономики и создания рабочих мест; когда же уровень приватизации ниже этой критической массы, рост эффективности благодаря приватизации сопровождается увеличением рисков, связанных с безработицей.

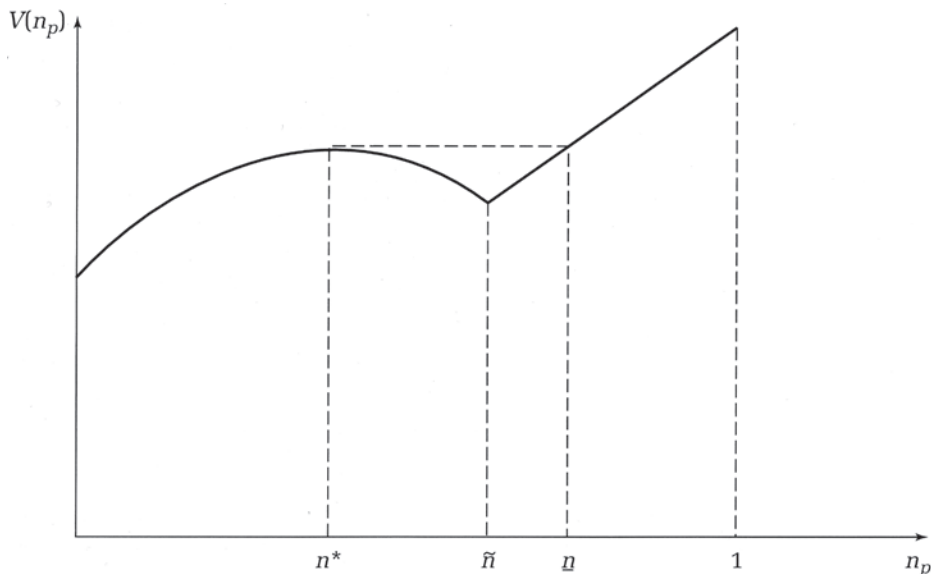

Рис. 4.2.

Наличие критической массы приватизации будет оказывать влияние на ожидаемую прибыль инвесторов. Она определяется следующим образом:

$$\begin{aligned}
 E\pi_p &= (1 - w) a_p && \text{для } n_p < n^* \\
 &= (n^*/n_p) (1 - w) a_p(n_p) && \text{для } n^* \leq n_p \leq \eta \\
 &= (1 - w) a_p(n_p) && \text{для } \eta \leq n_p
 \end{aligned}
 \tag{4.11}$$

На рис. 4.3 показано, что ожидаемая прибыль как функция уровня приватизации η терпит разрыв. Этот эффект критической массы и создаваемая им необратимость приватизации порождают множественность равновесий. Представляет интерес случай, когда значения f находятся в интервале между $(n^*/\eta) (1 - w) a_p(\eta)$ и $(1 - w) a_p$. Здесь будут существовать два равновесия по Нэшу: либо полная приватизация, либо частичная приватизация (на уровне n_p таком, что $(n^*/n_p) (1 - w) a_p(n_p) = f$).⁵ По сравнению со случаем, рассмот-

⁵ Как видно из рис. 4.3, имеет место также множественность равновесий для значений f вплоть до $(1 - w) a_p(1) = (1 - w)$.

ренным в предыдущем разделе, здесь добавляется в качестве равновесия по Нэшу полная приватизация экономики.

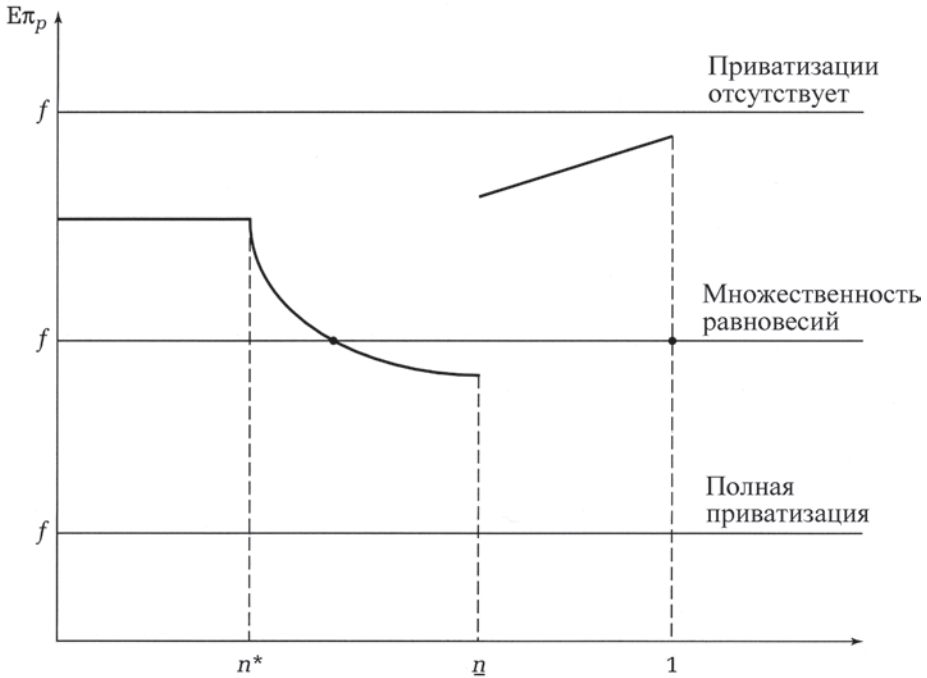

Рис. 4.3.

Экстерналия, связанная с размером частного сектора, делает полную приватизацию наилучшим результатом с точки зрения благосостояния населения. Однако этот наилучший результат не обязательно будет достигнут, поскольку инвесторы сталкиваются с проблемой координации. Действительно, когда объемы инвестиций не достигают критической массы η , создается возможность отката назад в политике и отмены приватизации до уровня локального оптимума n^* .

4.1.3. Политический эффект бесплатной приватизации

В связи с изложенным выше возникает вопрос, можно ли добиться, чтобы инвесторы координировали свои действия и таким образом достигли благоприятного равновесия. Один из способов, позволяющих помочь им в этом, состоит в том, чтобы обеспечить политическую необратимость приватизации, сделав ее достаточно популярной среди избирателей и тем самым предотвратив ее отмену. Инструментом, позволяющим достигнуть этой цели, может служить

бесплатная приватизация, при которой права собственности на приватизируемые активы получает население.

Допустим, что γ — доля акций приватизируемых предприятий, распределяемая поровну и бесплатно среди населения страны посредством какой-либо ваучерной схемы. В результате такого распределения средний гражданин получает дивиденды в размере $d = \gamma \pi_p n_p$. Таким образом, с увеличением масштабов приватизации возрастают и дивиденды. Однако мы предполагаем, что доля γ не может превышать некоторую долю γ^* . Действительно, если все акции распределяются среди мелких акционеров, нет никаких гарантий проведения реструктуризации предприятий — из-за проблем, возникающих при проведении коллективных действий в условиях распыления собственности. Для того чтобы не утратить положительные экономические эффекты, порождаемые приватизацией, необходимо иметь владельцев контрольных пакетов акций предприятий, которые по-настоящему заинтересованы в реструктуризации своих фирм. Именно этот фактор определяет верхнюю границу бесплатной приватизации γ^* .

Напомним, что возможность отката назад определяется соотношением между более высоким уровнем дохода и более высокой вероятностью остаться без работы после проведения приватизации. Бесплатное распределение активов создает силу, противодействующую отрицательному влиянию приватизации на безработицу, т. к. с расширением приватизации возрастают дивиденды, получаемые гражданами страны, независимо от того, имеют ли они работу или нет. Если этот противодействующий эффект достаточно силен, то с увеличением масштабов приватизации благосостояние может возрастать монотонным образом, устраняя тем самым всякий соблазн отменить приватизацию и таким образом приводя к полной приватизации экономики как к единственно возможному равновесию.

Самый простой способ анализа заключается в том, чтобы сконцентрировать внимание на интервале $[0, \tilde{n}]$, расположенном ниже того порога, при котором начинает оказывать влияние экстерналия, связанная с размером частного сектора. Именно в этом интервале, когда размеры частного сектора находятся между n_p^* и \tilde{n} , возможно понижение благосостояния населения. Посмотрим вначале, как изменяется в результате бесплатного распределения активов косвенная функция полезности. Ожидаемое благосостояние среднего гражданина можно теперь записать как функцию $V(\gamma, n_p)$, от γ и n_p , т. к. масштаб бесплатного распределения активов оказывает влияние на предпочтения людей в отношении приватизации. Выражение для этой функции выглядит следующим образом:

$$V(\gamma, n_p) = n_p (1 - a_p) U(\gamma \pi_p n_p) + [1 - n_p (1 - a_p)] U[w(1 - t) + \gamma \pi_p n_p]. \quad (4.12)$$

Предельная полезность приватизации теперь принимает следующий вид

$$\begin{aligned} \frac{\partial V(\gamma, n_p)}{\partial n_p} = & -(1 - a_p)\{U[w(1 - t) + d] - U(d)\} \\ & + U[w(1 - t) + d] (w - y_s) a_p / [1 - n_p (1 - a_p)] \\ & + \gamma \pi_p \{n_p (1 - a_p) U(d) + [1 - n_p (1 - a_p)] U[w(1 - t) + d]\}. \end{aligned} \quad (4.13)$$

Первые два члена схожи с первыми двумя членами уравнения (4.5): первый является отрицательной величиной, а второй — положительной; единственное различие заключается в том, что при повышении значения γ значения обоих этих выражений уменьшаются из-за выпуклости функции U . Третье выражение представляет собой положительную величину и характеризует прирост благосостояния вследствие бесплатного распределения акций. Если значение последнего выражения достаточно велико и соответственно если достаточно велико значение γ и не слишком мало значение U , вследствие чего $\partial V(\gamma, \tilde{n}) / \partial n_p > 0$, то в этом случае функция $V(\gamma, n_p)$ будет неубывающей во всем диапазоне значений n_p .

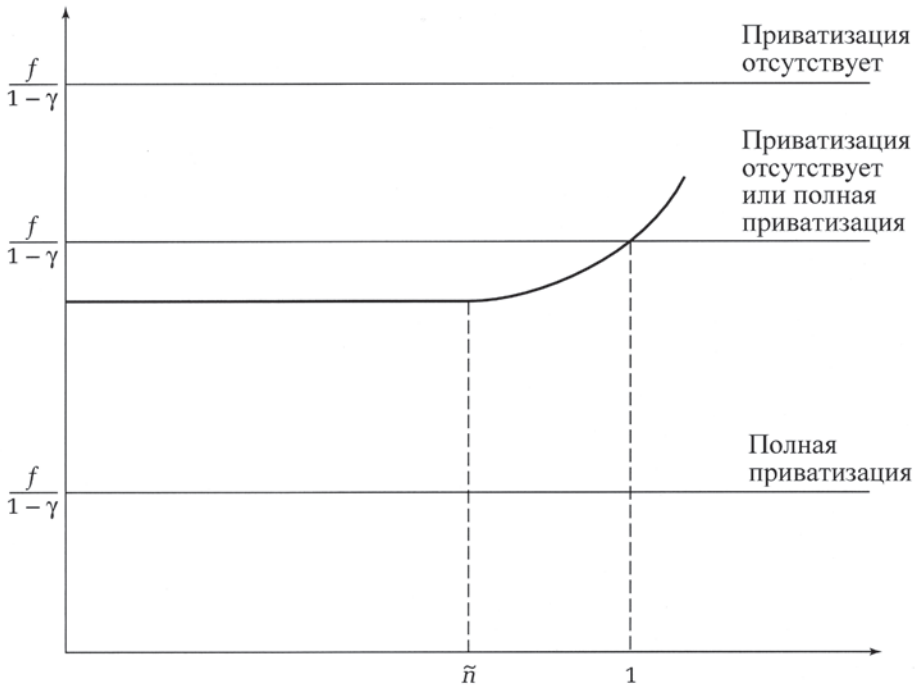

Рис. 4.4.

Однако политическая необратимость приватизации, достигаемая благодаря бесплатному распределению активов, сопряжена с определенными издержками. В самом деле, в этом случае инвесторы должны делить прибыли приватизированных фирм с теми, кто получил акции этих фирм бесплатно. Чистая ожидаемая выгода инвестора составит в этом случае $(1 - \gamma) E\pi_p - f$. Это

равносильно увеличению издержек входа с уровня f до $f/(1 - \gamma)$. На рис. 4.4 показаны три возможных варианта. Если $f/(1 - \gamma) < (1 - w)a_p$, то будет существовать единственное равновесие, при котором имеет место полная приватизация экономики. Однако если $f/(1 - \gamma) > (1 - w)$, то будет существовать единственное равновесие, при котором приватизация вообще не осуществится. Если же $f/(1 - \gamma) \in [(1 - w)a_p, (1 - w)]$, то ввиду экстерналии, связанной с размером частного сектора, будет по-прежнему иметь место множественность равновесий. В данной модели массовая приватизация устраняет возможность отката назад и поворота политики вспять, но не устраняет проблемы координации действий, возникающей среди инвесторов.

4.2. РАЗДАЧА АКТИВОВ НАСЕЛЕНИЮ ИЛИ ИНСАЙДЕРАМ

Тип осуществляемой политики раздачи активов может повлиять на соблазн проведения ренационализации. Исходя из опыта переходного периода можно выделить два различных типа политики раздачи активов. (В главе 10 мы всесторонним образом рассмотрим все разновидности стратегий приватизации). Этими двумя типами являются раздача активов населению в целом, как это предусматривалось в чешской программе приватизации, и их раздача инсайдерам — руководителям и работникам фирм, как это было сделано в России. Шмидт (2000) показал, что эти две стратегии отличаются друг от друга по степени обеспечиваемой ими политической необратимости приватизации. В частности раздача активов населению в целом обеспечивает большую степень необратимости приватизации. Избиратели, получившие ваучеры, которые позволяют им сформировать диверсифицированные пакеты акций, в большей степени заинтересованы в продолжении приватизации, чем работники, бесплатно получившие акции предприятий, на которых они работают, что влечет за собой больший риск.

Теперь мы представим упрощенную версию модели Шмидта. Тем самым мы модифицируем — в различных отношениях — нашу предыдущую модель. Прежде всего мы возвратимся к базовой модели из раздела 4.1 без экстерналии, связанной с размером частного сектора; в этой модели приватизация представляет собой внутреннее решение. Вместо того чтобы считать безработицу последствием приватизации, одинаковым для всех фирм, мы теперь предположим, что после того как основной инвестор осуществил усилия f по реструктуризации приватизированной фирмы (f можно интерпретировать здесь как усилия аналогично обычным моделям стимулирования), он с вероятностью f может получить положительную прибыль π_p и выплатить своим работникам заработную плату w ; однако с вероятностью $1 - f$ он может и потерпеть неудачу. В последнем случае не будет создан денежный поток, за счет которого должна выплачиваться заработная плата работников. Уровень

дохода работников неуспешных фирм можно поддержать только путем экспроприации некоторой доли $1 - n_p$ прибыльных приватизированных предприятий; так можно обеспечить этих работников субсидируемыми рабочими местами с более низкой заработной платой w . Альтернативным вариантом (в рамках этой модели он эквивалентен предыдущему) может служить обложение преуспевающих предприятий налогом в размере $1 - n_p$ от их дохода, за счет которого работникам неуспешных предприятий выплачиваются субсидии в размере w . Таким образом, правительство принимает решение относительно величины n_p .

Как видно из вышесказанного, допущения, касающиеся государственных финансов, здесь слегка отличаются от тех, что были приняты в модели Ролана–Вердье, в которой налоги взимались с заработной платы всех работников и использовались для субсидирования государственного сектора экономики. Чем выше был уровень приватизации, тем ниже становилась ставка налога, взимаемого с работающих. В модели Шмидта субсидии, выплачиваемые неуспешным предприятиям, не зависят от масштаба экспроприации приватизированных предприятий. Масштаб экспроприации определяет только ставку налога, которым облагаются преуспевающие предприятия. Предполагается, что экспроприация влечет за собой издержки искажения, и поэтому для выплаты субсидий может быть использована только часть дохода экспроприированных фирм $\chi < 1$. Таким образом, суммарные финансовые ресурсы, которые могут быть использованы для субсидирования, составляют:

$$\chi f(1 - n_p) \pi_p = (1 - f)w \quad (4.14)$$

Последовательность событий та же, что и в предыдущих разделах. Вначале правительство принимает решение об осуществлении какой-либо схемы массовой приватизации (в пользу населения или инсайдеров) и о доле акций γ , которая будет распределена в ходе массовой приватизации. На втором этапе основные инвесторы осуществляют инвестиции в размере f . Затем правительство определяет масштаб экспроприации приватизированных предприятий $1 - n_p$, максимизирующий ожидаемое благосостояние репрезентативного агента. Наконец, происходит разрешение неопределенности и реализуются выигрыши.

В своем анализе мы сосредоточимся на решении об экспроприации. Как и в предыдущем разделе, рассмотрим сначала вариант, в котором в процессе массовой приватизации все агенты получают акции различных фирм. В этом случае все работники преуспевающих и неуспешных фирм получают дивиденды $\gamma f n_p \pi_p$, которые возрастают при увеличении γ — масштаба бесплатного распределения акций. Работники преуспевающих фирм получают доход $x = w + \gamma f n_p \pi_p$, в то время как работники неуспешных фирм получают

доход $\underline{x} = (\chi f(1 - n_p) \pi_p / (1 - f) + \gamma f n_p \pi_p)$. Очевидно, что экспроприация играет роль страхования от риска оказаться в числе неуспешных фирм. Как и в модели Ролана–Вердье, следствием приватизации является то, что работники сталкиваются с риском лишиться своих доходов, и отмена приватизации служит своего рода страховым механизмом, защищающим их от этого риска. Однако здесь вероятность получить в конце концов низкий доход является экзогенным параметром, она не зависит от масштаба приватизации, в то время как в модели Ролана–Вердье экспроприация приватизированных предприятий уменьшает вероятность потери работы, а также доходы занятых работников.

Принимая решение об отмене приватизации, правительство решает следующую задачу для репрезентативного агента

$$\max_{n_p} V(n_p) = fU(\hat{w} + \gamma f n_p \pi_p) + (1 - f) U[(\chi f(1 - n_p) \pi_p / (1 - f)) + \gamma f n_p \pi_p] \quad (4.15)$$

Из условия первого порядка для внутреннего решения $n_p \in (0, 1)$ получим:

$$U'(\bar{x})/U'(\underline{x}) = (\chi - \gamma(1 - f))/\gamma.$$

Таким образом, избиратель ищет оптимальное решение, сопоставляя предельную выгоду от отмены приватизации, т. е. чистую предельную выгоду от перераспределения $(-\chi f \pi_p / (1 - f) + \gamma f \pi_p) U'(\underline{x})$ (это выражение положительно при $\chi - \gamma(1 - f) > 0$) в том случае, если он работает в «плохой» фирме (вероятность чего составляет $(1 - f)$), и предельные издержки экспроприации, составляющие $\gamma f \pi_p U'(\bar{x})$, если он работает в «хорошей» фирме (вероятность чего равна f). Заметим, что предельная норма замещения между двумя этими состояниями несомненно уменьшается с увеличением γ . Действительно, при увеличении γ уменьшается чистый предельный доход, получаемый работником «плохой» фирмы от экспроприации предприятий, и в то же время увеличиваются чистые потери работника «хорошей» фирмы. Таким образом, увеличивая γ — долю акций, распределяемых бесплатно, — можно ослабить стимулы, побуждающие к отмене приватизации. Покажем это аналитически. Условия, при выполнении которых увеличение γ приводит к уменьшению масштаба экспроприации, выглядят следующим образом:

$$dn_p/d\gamma = -(\partial V'(n_p)/\partial \gamma)/V''(n_p) > 0 \Leftrightarrow \partial V'(n_p)/\partial \gamma > 0 \quad (4.16)$$

в силу выпуклости функции $V(n_p)$, и

$$\begin{aligned} & \partial V'(n_p)/\partial \gamma > 0 \Leftrightarrow \\ & \Leftrightarrow fU'(\bar{x}) + (1 - f) U'(\underline{x}) + n_p f \pi_p \{ \gamma f U'(\bar{x}) - [\chi - \gamma(1 - f)] U'(\underline{x}) \} > 0. \end{aligned} \quad (4.17)$$

Первые два выражения в правой части уравнения — положительные величины, а последнее выражение является положительным тогда и только тогда, когда

$$\begin{aligned} U''(x^*)/U''(\underline{x}) < (\chi - \gamma(1-f))/f\gamma = U'(x^*)/U'(\underline{x}) \leftrightarrow \\ -(U''(x^*)/U'(x^*)) \leq -(U''(\underline{x})/U'(\underline{x})), \end{aligned} \quad (4.18)$$

т. е. в том случае, если коэффициент абсолютного неприятия риска не возрастает, что представляет собой вполне разумное допущение. Соответственно при выполнении этого условия увеличение доли бесплатно распределяемых акций приводит к уменьшению масштаба отмены приватизации.

Теперь рассмотрим вариант приватизации в пользу инсайдеров. В этом случае, принимая решение об отмене приватизации, правительство ищет максимум в следующей задаче

$$\max_{n_p} V(n_p) = fU(\hat{w} + \gamma n_p \pi_p) + (1-f) U[(\chi f(1-n_p)\pi_p)/(1-f)] \quad (4.19)$$

Сравнивая этот вариант с вариантом диверсифицированной массовой приватизации, отметим, что работники преуспевающих фирм получают не $f\gamma n_p \pi_p$, а $\gamma n_p \pi_p$, т. к. дивиденды, выплачиваемые их фирмами, не делятся среди всего населения страны. Далее, работники неуспешных фирм получают всего лишь $\chi(1-n_p)\pi_p/(1-f)$, т. е. только перераспределительные субсидии. Из условий первого порядка получаем:

$$U'(x^*)/U'(\underline{x}) = \chi/\gamma. \quad (4.20)$$

Теперь возникает интересный вопрос: будет ли масштаб отмены приватизации в случае инсайдерской приватизации большим, чем в случае диверсифицированной приватизации. Интуиция подсказывает, что так должно быть, поскольку при инсайдерской приватизации единственным инструментом страхования доходов является отмена приватизации, в то время как при диверсифицированной приватизации повышение уровня приватизации приводит к увеличению доходов у всех категорий населения. Более того, при инсайдерской приватизации уровень риска выше, поскольку работники преуспевающих фирм получают более высокий доход, а работники неуспешных фирм получают более низкий доход.

Для того чтобы выяснить, какой метод приватизации обеспечивает меньший масштаб отмены приватизации, мы возьмем оптимальное значение n_p^* при диверсифицированной приватизации и включим его в выражение для первой производной по n_p для инсайдерской приватизации:

$$f\pi_p \{ \gamma U'(\hat{w} + \gamma n_p^* \pi_p) - \chi U'[(\chi f(1-n_p^*)\pi_p)/(1-f)] \}.$$

Отметим сначала, что должно быть выполнено условие первого порядка для диверсифицированной приватизации:

$$\gamma \{fU(\hat{w} + \gamma f n_p^* \pi_\rho) + (1-f) U[(\chi f(1-n_p^*)\pi_\rho)/(1-f) + \gamma f n_p^* \pi_\rho]\} = \chi U[(\chi f(1-n_p^*)\pi_\rho)/(1-f) + \gamma f n_p^* \pi_\rho]. \quad (4.21)$$

Отметим далее, что в силу выпуклости функции U

$$-\chi U[(\chi f(1-n_p^*)\pi_\rho)/(1-f)] < -\chi U[(\chi f(1-n_p^*)\pi_\rho)/(1-f) + \gamma f n_p^* \pi_\rho].$$

Далее, $U(\hat{w} + \gamma n_p^* \pi_\rho) < U(\hat{w} + \gamma f n_p^* \pi_\rho)$, что меньше, чем $fU(\hat{w} + \gamma f n_p^* \pi_\rho) + (1-f) U[(\chi f(1-n_p^*)\pi_\rho)/(1-f) + \gamma f n_p^* \pi_\rho]$. Таким образом, мы заключаем, что $\gamma U(\hat{w} + \gamma n_p^* \pi_\rho) - \chi U[(\chi f(1-n_p^*)\pi_\rho)/(1-f)] < 0$. В силу выпуклости функции U это означает, что оптимальное значение n_p при инсайдерской приватизации должно быть ниже, чем оптимальный уровень приватизации при диверсифицированной приватизации n_p^* . Отсюда следует, что масштаб отмены приватизации при инсайдерской приватизации больше, чем при диверсифицированной приватизации.

Приведенный в этом разделе анализ свидетельствует о том, что по сравнению с диверсифицированной массовой приватизацией (Чехия) массовая приватизация в пользу инсайдеров (Россия) в меньшей степени обеспечивает соблюдение политических ограничений *ex post*. Это обстоятельство усугубляется тем фактом, что в России акции, полученные в ходе массовой приватизации, можно было продать за деньги, в то время как в Чехии такие акции оставались неликвидными в течение более чем одного года. Последняя мера очевидным образом способствовала созданию у населения заинтересованности в успехе программы приватизации. Реформаторы хотели избежать такого сценария, при котором часть населения могла бы «обналичить» полученные ею выгоды от проведения массовой приватизации, а позднее поддержала бы смену политического курса. Однако при сравнении различных форм массовой приватизации не следует забывать и о политических ограничениях *ex ante*. Польская программа массовой приватизации, которая, как и в Чехии, отдавала предпочтение раздаче активов населению страны, была заблокирована на несколько лет коалициями инсайдеров. Именно в целях преодоления таких потенциальных политических ограничений *ex ante* российская программа массовой приватизации отдавала предпочтение раздаче активов инсайдерам. Бойко, Шляйфер и Вишны (1995) оправдывают эту российскую программу, утверждая, что это был единственный осуществимый с политической точки зрения план приватизации.

Выводы, которые позволяет сделать модель Шмидта, могут быть дополнены выводами, сделанными Полищуком (1999) в связи с проведением приватизации в России. Модели Ролана–Вердые (1994) и Шмидта (1998) дейс-

твительно исходили из того, что массовая приватизация может быть организована правительством реформаторов таким образом, чтобы заручиться политической поддержкой избирателей благодаря широкому распределению богатства среди населения страны. Возможны, однако и противоположные последствия массовой приватизации, когда она приводит к исключительно неравному распределению активов среди населения. Поскольку в России особое значение придавалось обеспечению поддержки быстрой массовой приватизации инсайдерами, там имело место пренебрежение ее распределительными аспектами. В результате этого приватизация в пользу инсайдеров и последующие «залоговые аукционы» привели к чрезвычайно неравномерному распределению богатства в России. Приватизация рассматривается как один из ключевых факторов, обусловивших необычайно резкое увеличение материального неравенства в России (Алексеев, 1999). Если бы это увеличение неравенства было связано со значительными инвестициями в экономику и ее ростом, данная реформа могла бы получить поддержку населения. Однако дело обстояло иначе — имело место недоинвестирование экономики и значительный отток капитала из страны. Полищук (1999) построил модель, в которой частные инвестиции владельцев капитала находятся в зависимости от защищенности прав собственности, которая, в свою очередь, зависит от масштаба перераспределения богатства с учетом того, что последнее сопряжено со значительными потерями эффективности. В тех случаях, когда первоначальное распределение было весьма неравномерным, масштаб перераспределения богатства увеличивается. Более того, издержки перераспределения уменьшаются, если перераспределению активов предшествовали небольшие инвестиции. Таким образом, могут существовать неэффективное равновесие с низким уровнем инвестиций в экономику и ренационализацией активов и эффективное равновесие, при котором имеют место капиталовложения в экономику, а ренационализация проводится таким образом, что она не препятствует инвестициям. Здесь нежелательное равновесие может быть устранено путем более равномерного распределения активов в ходе приватизации. Таким образом, общий вывод здесь тот же, что и в двух ранее рассматривавшихся моделях. А именно широкая заинтересованность населения во владении собственностью важна для приобретения политической поддержки; в то же время очень неравномерное распределение богатства порождает возможность отказа от политики реформ со всеми негативными экономическими последствиями, которые вызывают ожидания такого отказа.

4.3. НЕДООЦЕНКА АКТИВОВ ПО-ТЭТЧЕРОВСКИ

В отличие от моделей Ролана–Вердые и Шмидта модель Бьяса и Перотти (1998) уделяет меньше внимания «страховым» аспектам отказа от политики

реформ, делая упор на непосредственно перераспределительные аспекты. Эти исследователи дают более четкую формулировку политического процесса: в их модели присутствуют правая и левая партии, ведущие борьбу за голоса среднестатистического избирателя. Как и во многих современных политэкономических моделях (см., например работы Алесиной, 1988, Бесли и Коута, 1997 и др.), здесь партии не способны до выборов гарантировать осуществление какой-либо программы. В этом случае отсутствие гарантий приводит к тому, что правая партия отстаивает интересы богатых граждан, а левая партия — интересы бедняков. В центре анализа находится вопрос о том, каким образом правая партия может использовать недооценку акций, для того чтобы побудить агентов с медианным доходом, приобрести достаточное количество акций приватизируемых фирм, с тем чтобы этим гражданам было выгодно голосовать за правую, а не за левую партию. Это изящный пример в духе Афиона и Болтона (1991), демонстрирующий, как продуманная политика может эндогенным образом повлиять на исход предстоящих выборов и тем самым обеспечить необратимость приватизации. Эта модель применима не только к массовой приватизации типа той, что проводилась в Восточной Европе; она, кроме того, проливает свет на те стратегии приватизации, которых придерживались правые правительства в Западной Европе, в частности на первые программы приватизации, осуществленные правительством Маргарет Тэтчер в Великобритании.

Будем считать, что три класса граждан — богачи, граждане с медианными доходами и бедняки — имеют в каждый период времени экзогенные доходы, составляющие соответственно w_r , w_m и 0. Удельный вес каждого класса составляет соответственно α_r , α_m и α_p . Таким образом, средний доход $\hat{w} = \alpha_r w_r + \alpha_m w_m$, и мы предполагаем, что, как и в большинстве реальных распределений дохода, медианный доход ниже среднего: $w_m < \hat{w}$.

Рассматриваются два периода. В начале периода 1 находящееся у власти правительство принимает решение о взимании подоходного налога τ_1 и об уровне перераспределения g_1 . Даже при полном отсутствии перераспределения всегда необходимо какое-то налогообложение в целях финансирования постоянных расходов государственной администрации s . Что наиболее важно — правительство принимает решение об осуществлении той или иной стратегии приватизации. Мы предполагаем, что правительство, стоящее у власти в периоде 1, является правым и, оказавшись у власти, действует в интересах богачей. В зависимости от выбранной стратегии приватизации граждане решают, сколько активов они желают купить. После приобретения ими акций проводятся новые выборы. В периоде 2 вновь избранное правительство принимает решение о взимании подоходного налога τ_2 и об уровне перераспределения g_2 . Оно может также принять решение об экспроприации приватизированных активов, что лишит частных собственников плодов их инвестиций, или же отказаться от такой экспроприации.

Предполагается, что приватизированная фирма может приносить прибыли π_H , если ее руководство прилагает соответствующие усилия. Без таких усилий прибыль фирмы равна $\pi_L (=0)$, что считается неоптимальным уровнем, т. к. $\pi_H > 0$. Мы предполагаем, что если руководство фирмы ожидает экспроприации, оно не предпринимает никаких усилий.

Рассмотрим вначале спрос различных доходных групп населения на акции приватизируемых активов в том случае, когда в периоде 2 выборы не проводятся, правое правительство находится у власти в течение двух периодов и не ожидается никакой экспроприации (налогообложения прибылей). При цене актива p индивиды, имеющие экзогенный доход w_i в каждом периоде, выбирают объем приватизированных активов q_i , максимизируя полезность потребления за два периода; для простоты мы предполагаем ставку дисконтирования равной 1.

$$\max_{q_i} U [w_i (1 - \tau_1) + g_1 - p q_i] + U [w_i (1 - \tau_2) + g_2 + \pi_H q_i]. \quad (4.22)$$

Мы предполагаем, что функция полезности характеризуется постоянным абсолютным неприятием риска (CARA), т. е. имеет вид: $x^\gamma / (1 - \gamma)$, где $\gamma < 1$. Кроме того, в целях упрощения будем считать, что какие-либо заимствования или ссуды отсутствуют и единственным инструментом приобретения приватизируемых активов являются сбережения. Условие первого порядка выглядит следующим образом

$$pU [w_i (1 - \tau_1) + g_1 - p q_i] = \pi_H U [w_i (1 - \tau_2) + g_2 + \pi_H q_i]. \quad (4.23)$$

Учитывая конкретный вид функции U , получаем в результате преобразований

$$(p/\pi_H)^{1/(1-\gamma)} = (w_i (1 - \tau_1) + g_1 - p q_i) / (w_i (1 - \tau_2) + g_2 + \pi_H q_i), \quad (4.24)$$

что после некоторых манипуляций дает нам уравнение, определяющее спрос на приватизируемые активы:

$$q_i = (w_i (1 - \tau_1) + g_1 - [w_i (1 - \tau_2) + g_2]) (p/\pi_H)^{1/(1-\gamma)} / ((p/\pi_H)^{1/(1-\gamma)} \pi_H + p). \quad (4.25)$$

Ценой равновесия будет цена p_e , при которой спрос $\alpha_r q_r(p_e) + \alpha_m q_m(p_e)$ равен предложению (нормализованному к 1).

Рассмотрим теперь оптимальный выбор политики в периоде 2. В том случае, если правое правительство будет переизбрано и решит не экспроприровать держателей акций, оно будет искать решение следующей задачи

$$\max_{g_2, \tau_2} U [w_r (1 - \tau_2) + g_2 + q_r \pi_H] \quad (4.26)$$

при условии $g_2 + s = \hat{w} \tau_2$.

Нетрудно заметить, что, поскольку $w_r < \hat{w}$, мы будем иметь $g_2 = 0$ и $\tau_2 = s/\hat{w}$. Отметим, кроме того, что по той же причине в периоде 1 будут выбраны $g_1 = 0$ и $\tau_1 = s/\hat{w}$. Заметим, что если бы правительство выбрало экспроприацию, то его бюджетное ограничение выглядело бы следующим образом: $g_2 + s = \hat{w}\tau_2 + \pi_H$; в этом случае ставка налога была бы равна $\tau_2 = (s - \pi_H)/\hat{w}$.

Левое правительство во всех случаях выбирало бы максимальное налогообложение и проводило бы экспроприацию, т. к. это выгодно беднякам. Вопрос заключается в том, как отнесся бы к этому избиратель с медианным доходом. При правом правительстве он получит $w_m(1 - (s/\hat{w})) + q_m \pi_H$ а при левом правительстве он получит $\hat{w} + \pi_L - s = \hat{w} - s$. Сравнивая обе величины, мы убеждаемся, что такой избиратель будет готов переизбрать правое правительство лишь в том случае, если соблюдается условие

$$q_m > q_m^* = ((\hat{w} - s)/\pi_H) ((\hat{w} - w_m)/\hat{w}). \quad (4.27)$$

Это соотношение легко интерпретируется. Видно, что, чем выше неравенство в доходах $((\hat{w} - w_m)/\hat{w})$, тем больше должно быть значение q_m . Это объясняется тем, что, чем больше неравенство, тем большую выгоду получают избиратели с медианным доходом от осуществляемой левым правительством политики перераспределения богатства и тем выше уровень q_m , необходимый для того чтобы убедить их проголосовать за правых. Кроме того, чем выше значение π_H (которое можно интерпретировать и как выигрыш в эффективности вследствие приватизации, и как масштаб приватизации), тем ниже значение q_m , необходимое для переизбрания правого правительства.

Если условие (4.27) не выполняется, у правого правительства появляется стимул для стратегической недооценки активов. Действительно, в том случае, когда $q_m(p_e) < q_m^*$, правительство должно установить цену p^* , при которой $q_m(p^*) = q_m^*$. В этом случае доля богачей будет урезана, так что им будет позволено владеть активами только в размере $q_r^* = (1 - \alpha_m q_m^*)/\alpha_r$. Тем не менее они все же выиграют, избежав прихода к власти в следующем периоде левого правительства. Отметим, что, если существуют рациональные ожидания прихода к власти левых, спрос на приватизируемые активы и соответственно их цена падают до 0. Такой исход будет представлять собой самореализующийся прогноз, и избирателю с медианным доходом будет выгодно проголосовать за левых, т. к. $w_m(1 - (s/\hat{w})) < \hat{w} - s$, поскольку $w_m < \hat{w}$.

Таким образом, мы видим, что подобные схемы приватизации могут быть использованы в целях манипуляции исходом выборов и для формирования электората, который будет продолжать поддерживать действующее правительство, обеспечивая тем самым необратимость приватизации.

4.4. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

На Западе недооценка активов часто наблюдалась, когда на фондовом рынке появлялись акции государственных предприятий (Джонс и др., 1997). Более того, приватизируемые активы недооценивались по меньшей мере в той же степени, что и начальные публичные предложения акций (НПП). Этот факт задал загадку ученым-экономистам. Недооценка активов при НПП традиционно объяснялась асимметрией информации. Однако НПП акций государственных фирм, как правило, являются крупномасштабными и хорошо рекламируемыми. В этом случае как информационная асимметрия, так и риск должны быть существенно меньше, чем при НПП акций частных фирм. Модель Бьяса и Перотти позволяет предположить, что эффект первого порядка при объяснении недооценки активов при проведении приватизации связан с политическими аспектами вопроса.

Дополнительные данные дает исследование приватизации в 49 странах, выполненное Бортолотти, Фантини и Синискалько (1999). В целом они приходят к выводу о том, что правые правительства более склонны проводить приватизацию, чем левые правительства. Однако существуют и другие факторы, определяющие проведение продаж государственных предприятий: бюджетные дефициты и специфические для тех или иных стран риски. Последний вывод возвращает нас к влиянию неопределенности на привлечение инвестиций — вопросу, который рассматривался в главе 2. Неопределенность также важна и для объяснения поступлений от приватизации. Доходы приватизации более высоки там, где рынок капитала ликвиден и обеспечивается соблюдение законов. Кроме того, эти авторы обнаружили, что правые правительства склонны продавать акции государственных предприятий посредством публичных предложений на рынке, а не публичных аукционов; данный вывод подтверждает идею, согласно которой приватизация направлена на то, чтобы обеспечить поддержку правых правительств со стороны среднего класса. Однако приватизация посредством публичных предложений проводится реже в том случае, если в стране действует французская система гражданского права, при которой концентрация собственности выше.

Данная модель непосредственно применима к Чехии, где правительство Вацлава Клауса оказалось единственным в Центральной Европе правительством, не отстраненным от власти по истечении первых лет переходного периода. В Польше, в Венгрии и во многих других странах Восточной Европы первые посткоммунистические правительства не добились своего переизбрания и были заменены коалиционными правительствами с участием бывших коммунистических партий. Клаус же был переизбран в 1994 г. вскоре после осуществления ваучерной приватизации, которая, как широко признавалось, способствовала его переизбранию. Стабильность правительства Чехии в

первые годы переходного периода отмечалась как исключение среди стран, испытавших хаос приватизации. Как отмечалось в главе 3, эта стабильность, кроме того, могла отчасти — а возможно, и в значительной степени — обуславливаться более низким по сравнению с другими странами Центральной Европы уровнем безработицы в Чехии.

Эрл и Гельбах (1999) приводят эмпирические данные, касающиеся политических последствий осуществления чешской приватизационной программы. Они воспользовались опросом, выполненным в январе 1996 г. институтом Академии Наук на основании репрезентативной выборки 1459 граждан Чехии. Были выполнены статистические оценки (по *ordered probit*-модели), позволившие проанализировать влияние личного опыта граждан, связанного с осуществлением приватизационной программы, на их отношение к реформам. При этом учитывались такие индивидуальные характеристики, как пол, возраст, образование, доход и место жительства. Выяснилось, что программа реституции, предусматривавшая возврат собственности бывшим владельцам предприятий и недвижимости, повысила поддержку реформ на 15–26% и обеспечила еще большее улучшение ожиданий в отношении экономического положения (39%) и повышения уровня жизни (57%). Выяснилось также, что ваучерная приватизация оказала значительное влияние на поддержку реформ, но только в отношении тех граждан, которые сохранили акции, приобретенные в ходе ваучерной приватизации, и не продали их. Поддержка реформ среди лиц этой категории возросла на 18–27%. Участие в ваучерной приватизации не повлияло на поддержку реформ теми гражданами, которые не сохранили приобретенные ими акции. Выяснилось, кроме того, что те люди, которые выиграли в результате осуществления программы реституции, и те, кто сохранили акции, приобретенные в процессе приватизации, в большей степени, чем другие граждане, ориентированы на свободный рынок и воспринимают новый демократический режим как более легитимный, чем прежний режим. Последнее, судя по всему, свидетельствует о том, что ваучерная программа приватизации усиливает ощущение справедливости у тех, кто выиграл от ее осуществления. Однако оценки Эрла и Гельбаха могут отражать тот факт, что люди, получившие выгоду от реституции собственности, и те, кто сохранили свои акции, приобретенные в ходе приватизации, и ранее были ориентированы на свободный рынок благодаря своим семейным традициям. Однако влияние реституции все же остается значительным и при учете такого фактора, как наличие предпринимателей в семье. Следует заметить, что последняя переменная представляет собой относительно несовершенный заменитель идеологических убеждений и что при интерпретации выводов Эрла и Гельбаха необходимо соблюдать осторожность.

4.5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗДЕРЖКИ ПРОГРАММ МАССОВОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ

В этой главе уже было продемонстрировано, что политические аспекты играют важную роль при разработке стратегий приватизации. Планы массовой приватизации разрабатывались такими реформаторами, как Вацлав Клаус в Чехии и Анатолий Чубайс в России в целях преодоления политических ограничений, препятствующих переходу к капитализму, обеспечения необратимости реформ. В самых первых дебатах о переходе к капитализму политическим аспектам приватизации не уделялось внимания, однако в реальной действительности они, как оказалось, имели очень большое значение. Однако в дальнейшем осознание политической роли приватизации привело к игнорированию тех экономических издержек, которые связаны с проведением массовой приватизации. Рассмотренные выше модели исходили из допущения, согласно которому бесплатное распределение акций не влияет на эффективность приватизации с точки зрения распределительных результатов. Считалось, что основной частный инвестор осуществит реструктуризацию компании, в то время как многочисленные мелкие акционеры будут просто получать ренту, связанную с приватизацией.

Такая картина, однако неточно отражает реализацию программ массовой приватизации на практике. В России инсайдеры обычно устанавливали полный контроль над своей фирмой, и нельзя было рассчитывать на приход основных инвесторов, которые осуществили бы реструктуризацию фирмы. В результате происходило не только отделение реструктуризации от приватизации — контроль инсайдеров над фирмами может еще более затруднить осуществление реструктуризации, в чем мы убедимся в главе 10. В Чехии схема массовой приватизации не опиралась на основных инвесторов. Напротив, чешский закон запрещал инвестиционным фондам владеть более чем 20% активов любой приватизированной фирмы. На практике приватизация в Чехии привела к возникновению специфических и весьма непрозрачных систем управления корпорациями. Государственные банки, подлежавшие приватизации на ваучеры, создавали инвестиционные фонды, которые собирали ваучеры граждан Чехии и распоряжались ими, обещая гражданам безрисковый доход. Эти инвестиционные фонды сумели таким образом приобрести командные позиции в чешских фирмах. В результате акции банков в конечном счете оказались в собственности инвестиционных фондов, созданных ранее самими же этими банками! Финансовый сектор в Чехии не смог реструктурироваться и в конце 1990-х гг. находился в бедственном положении.

Мы еще не выявили полностью все экономические последствия создания неэффективных систем управления корпорациями в странах, где была осуществлена массовая приватизация. Эти последствия могут быть весьма

болезненными и могут дорого обойтись в долгосрочной перспективе. Они серьезно недооцениваются большинством экспертов по переходным экономикам — даже теми из них, кто критически относится к экономическим аспектам массовой приватизации. В принципе, ничто не мешало связать массовую приватизацию с присутствием основных инвесторов, несмотря на те издержки, с которыми связана для них массовая приватизация и которые были проанализированы в разделе 4.1. Однако в том случае, если бы массовая приватизация была увязана с приходом основных инвесторов, ее темпы, несомненно, замедлились бы. А как мы помним, скорость проведения приватизации была главной целью, которую преследовали реформаторы.

Возникает вопрос о соотношении между этими экономическими издержками и теми политическими выгодами, которые связаны с осуществлением приватизации. Если показатели развития экономики после проведения массовой приватизации будут плохими, это подорвет ту необратимость реформ, которую она и должна была в первую очередь обеспечить. Однако было бы неправильным судить о результатах приватизации в переходных экономиках по меркам каких-то идеальных с экономической точки зрения планов приватизации. Необходимо учитывать политические ограничения, и анализ имеющихся фактов должен указать, как можно было бы удовлетворить требования этих ограничений. Опыт Польши, вероятно, наиболее близок к такому анализу фактов. Поскольку массовая приватизация в Польше была заблокирована по политическим причинам, там была проведена постепенная приватизация посредством продаж. Тем самым Польша избежала тех негативных — преднамеренных или непреднамеренных — экономических последствий, с которыми связана массовая приватизация. Сторонники массовой приватизации зачастую утверждают, что единственной ее альтернативой являются сохранение статус-кво и инерция. Такое заключение не обязательно является истинным. Польский опыт постепенного реформирования, который может быть интерпретирован в духе глав 2 и 3, позволяет предположить, что сохранение статус-кво не обязательно было единственной альтернативой массовой приватизации. Как видно из этих глав, постепенное реформирование может создавать движущие силы для продолжения реформ и формировать электорат, который поддержит дальнейшие реформы. Более того, оно позволяет воспользоваться тактикой «разделяй и властвуй» для преодоления политического сопротивления. В любом случае, необходимы дальнейшие обширные исследования, для того чтобы лучше понять экономические издержки и политические выгоды массовой приватизации по сравнению с издержками и выгодами других путей приватизации в свете существующих политических ограничений.

4.6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ЧАСТИ I

Нам хотелось бы суммировать и прокомментировать главные выводы из материала части I этой книги. Мы проанализировали влияние политических ограничений на стратегии реформирования, и в частности на скорость и последовательность проведения реформ при наличии индивидуальной и общей неопределенности и при отсутствии неопределенности. Анализ индивидуальной неопределенности позволил выдвинуть концепцию склонности к сохранению статус-кво. Разрешение индивидуальной неопределенности по прошествии времени порождает различие между предшествующими (*ex ante*) и последующими (*ex post*) политическими ограничениями. Для того чтобы реформы были успешными, необходимо соблюдение ограничений и *ex ante*, и *ex post*, и эта необходимость является источником склонности к сохранению статус-кво. Когда неопределенность является только индивидуальной, стратегии постепенного реформирования, предусматривающие «расщепление» пакета реформ, могут создавать склонность к сохранению промежуточного статус-кво, поскольку скрытые групповые интересы, созданные первой реформой, могут приводить к блокированию или отмене реформ на промежуточной стадии. В этом случае предпочтительными, как правило, являются шоковые стратегии реформирования, т. к. они могут предотвратить такую склонность к сохранению промежуточного статус-кво путем формирования пакетов обратимых реформ. Однако когда, кроме того, имеет место и совокупная неопределенность, градуализм может быть способом преодоления склонности к сохранению статус-кво, поскольку он позволяет экспериментировать с проведением реформ и использует ценность варианта ранней отмены реформ, что невозможно при шоковом реформировании. В результате избиратели проявляют большую готовность начать процесс реформирования. Решающее условие получения такого результата состоит в том, что частичная реформа должна обеспечивать частичное разрешение неопределенности и, таким образом, доставлять информацию относительно результатов более широкой реформы. Выполнение этого условия информативности частичной реформы может зависеть от того, каким образом «дробятся» пакеты реформ. Оно может зависеть и от первоначальной формы организации централизованного планирования. В Китае условия для экспериментирования с реформами были лучше, чем в Восточной Европе или в бывшем Советском Союзе, т. к. в Китае централизованное планирование было организовано по региональному принципу, а не по функциональному — наподобие советских отраслевых министерств. Соответственно в Китае градуализм использовался в больших масштабах и с большим успехом, чем в Восточной Европе.

Мы рассмотрели также выбор последовательности реформ при наличии взаимодополняемости. При правильном выборе последовательности реформ

взаимодополняемость можно использовать для создания движущих сил, обеспечивающих продолжение реформ, и для формирования электората, поддерживающего дальнейшее реформирование. В то время как экспериментирование при градуализме может сделать реформы более приемлемыми *ex ante*, взаимодополняемость делает частичные реформы неустойчивыми в долгосрочной перспективе и вызывает необходимость либо одобрить дальнейшее реформирование, либо вернуться назад. Таким образом, в условиях общей неопределенности реформирование следует начинать с проведения тех реформ, которые с более высокой вероятностью принесут немаловажные выгоды большинству населения, а не с тех, которые нанесут ему ущерб.

Моделируя политические ограничения при отсутствии неопределенности, мы исследовали «макиавеллиевскую» политику, которую может проводить лицо или орган, определяющие программу действий, используя стратегии типа «разделяй и властвуй», с тем чтобы добиться одобрения реформ. В этом случае отделение разных реформ друг от друга может оказаться полезным, для того чтобы заставить последовательно образующиеся коалиции, имеющие большинство, играть друг против друга. Кроме того, мы проанализировали межпериодное соотношение между потерями в эффективности, вызванными замедлением реформ, и снижением межпериодных трансфертных издержек вследствие частичного получения информации, которое возможно при постепенном реформировании.

Наконец, мы увидели, как устойчивая политическая поддержка реформ или же отсутствие такой поддержки могут зависеть от деталей программ массовой приватизации, осуществляемых с целью создания широкой долгосрочной заинтересованности населения в ее успехе.

Какие выводы следует подчеркнуть? В некоторых случаях выигрыш в эффективности в результате проведения реформ является практически несомненным в среднесрочной перспективе, и здесь необходимо особо выделить теорию для случаев отсутствия неопределенности или наличия только индивидуальной неопределенности. Однако мы считаем случай наличия и общей, и индивидуальной неопределенности наиболее актуальным — в особенности применительно к переходному периоду. Соответствующая теория учитывает наше неведение относительно результатов сложных процессов реформирования. В целом, многие из наших моделей, даже тогда, когда они учитывают важные аспекты реальной действительности, являются упрощенными и игнорируют многие другие аспекты, которые могут иметь значение для выработки реальной политики. Поэтому, выработывая политические рекомендации на основании выводов, сделанных из наших моделей, следует всегда соблюдать осторожность. Особенный ущерб репутации сообщества ученых-экономистов в целом — и в еще большей степени населению заинтересованных стран — наносится тогда, когда экономисты представляют данные планы реформ как обещающие несомненный выигрыш в эффек-

тивности экономики, а затем материализуется противоположный результат. Осторожность особенно необходима, когда речь идет о процессах перехода к рыночной экономике. Одностороннее подчеркивание необходимости обеспечить необратимость реформ может дезориентировать и нанести ущерб благосостоянию населения в тех случаях, когда важную роль играет общая неопределенность. Поэтому теория осуществления реформ в условиях общей неопределенности подчеркивает важное значение экспериментирования, проб и ошибок и прагматичного подхода, открытого для обсуждения, учитывающего достижения экономической науки. Эти замечания отнюдь не означают, что теория бесполезна для формирования политики. Зачастую политические решения принимаются на основании оценок, сделанных исходя из еще менее обоснованных суждений. Тем не менее ученые-экономисты, еще не располагают такими знаниями, особенно о процессах перехода, которые позволили бы им выступать со всей той уверенностью и компетентностью, которая отличает врачей, лечащих пациента.

Среди многих проблем, не учтенных в данном анализе политической экономии реформ, мы хотели бы выделить главным образом вопрос о роли конкретных политических институтов в процессе реформирования. Легче ли (или предпочтительнее) проводить реформы тогда, когда исполнительная власть обладает относительной автономией по отношению к населению, или же лучше держать исполнительную власть под тщательным контролем законодательного органа? Какой режим — президентский или парламентский — лучше с точки зрения принятия решений о проведении реформ? Лучше ли иметь коалиционное правительство или, напротив, для проведения реформ предпочтительнее иметь правительство парламентского большинства? Плохо ли, когда большое число агентов обладает правом вето (могут быть заблокированы хорошие реформы) или же хорошо (могут быть заблокированы плохие реформы)? Все это — важные темы исследования. Так, например Хеллман (1998) подчеркнул, что среди демократических стран с переходной экономикой те страны, которые имеют более фрагментарную партийную систему, коалиционные правительства и неизолированную исполнительную власть, до сих пор добивались наибольшего прогресса в осуществлении реформ; он выдвигает гипотезу, согласно которой такая ситуация обеспечивает лучшую подотчетность или близость политических деятелей к избирателям, а также меньшее подчинение эгоистическим интересам меньшинства. Правда, часто «реформаторов» изображают как политиков несколько особого рода, заботящихся главным образом об успехе реформ, которые, как они убеждены, повысят эффективность экономики. Однако изоляция политиков от избирателей создает возможность подчинения организованным группам, которые представляют интересы могущественных групп меньшинства, а также возможность открытых злоупотреблений властью со стороны политиков оппортунистической ориентации. Но хотя большая подотчетность политиков,

вообще говоря, является положительным фактором, механизмы сдержек и противовесов, обеспечивающие подотчетность, могут также вызывать паралич в принятии решений и истощение. Очевидно, что понимание свойств различных политических институтов с точки зрения проведения реформ, которые, как ожидается, повысят эффективность экономики, представляет собой важное направление будущих исследований.